

ДЖИЛЛИАН ХАНТЕР

*Выйти замуж
за ловеласа*

Самая красивая дебютантка сезона Джоселин Лидбери оказалась в центре скандала. Ее застигли во время свидания со знаменитым соблазнителем лордом Девоном Боскаслем, и теперь он обязан жениться на скомпрометированной девушке. Так появилась эта супружеская пара. И неизвестно, кто заманил их в опасную ловушку... Девон и Джоселин пытаются выяснить истину, однако очень скоро понимают, что, возможно, именно эта жестокая шутка открыла для них дверь в мир настоящей любви, пламенной страсти и подлинного счастья...

Джиллиан Хантер

Выйти замуж за ловеласа

(Боскасл — 5)

OCR: Dinny; Spellcheck: Elisa

Джиллиан Хантер «Выйти замуж за ловеласа»: АСТ, Астрель, ВКТ; Москва; 2010

Оригинальное название: Jillian Hunter «The Sinful Nights of a Nobleman», 2006

ISBN 978-5-17-070569-6, 978-5-271-31920-4, 978-5-226-03167-0

Перевод: Е.М. Клиновой

Джулиане с любовью посвящается

Глава 1

Англия, 1815 год

Среди всех великосветских мероприятий ежегодный прием, который устраивал в своем загородном поместье лорд Олтон Ферншо, стоял особняком, поскольку, вне всякого сомнения, являлся событием выдающимся. Если бы кому-нибудь пришло в голову спросить одного из немногих приглашенных, что заставило его (или ее) оставить Лондон, трястись в карете несколько часов ради визита в загородное поместье, наиболее вероятным (и скорее всего насквозь лживым) был бы ответ: чтобы послушать концерт, принять участие в лотерее или в одном из многочисленных спортивных состязаний, благодаря которым возникает ощущение, что ты вновь окунулся в полную блеска и роскоши эпоху Средневековья.

Нет, конечно, были и такие, кто посещал даваемые Олтоном приемы ради возможности поднять свой культурный уровень или помериться силой со сверстниками, поучаствовав в разнообразных спортивных состязаниях, однако таких были единицы. Поиски любви — вот что притягивало сюда гостей. Изнывающие от желания найти себе пару светские молодые люди слетались сюда, точно мотыльки на огонь.

Обычно к десерту, подававшемуся в самом конце ужина, которым по традиции в пятницу начинался прием в загородном поместье Ферншо, большинство гостей, освоившись, уже успевали определиться с выбором и примерно представляли себе, кто из сидевших за столом джентльменов или леди представляет для них интерес.

Но это в пятницу. А к утру субботы Эрот, шаловливый сын Венеры, успевал уже опустошить свой колчан с золотыми стрелами. Сердца иных гостей уже с утра трепетали от счастья.

Вышколенные строгим хозяином слуги, все как один, от почтенного седовласого дворецкого до смазливых юных горничных, казалось, только и ждали возможности услужить любовникам — за соответствующую мзду, разумеется. Стоило лишь мигнуть, как комнаты мгновенно приводили в порядок, а запертую дверь отпирали — словом, были готовы исполнить любой ваш каприз — и при этом в полнейшей тайне. Здоровенный лакей с радостью готов был часами стоять на страже во время свидания в саду, охраняя покой влюбленных, не бесплатно, разумеется.

Лорд Девон Боскасл и его многочисленные приятели никогда не делали тайны из своего знакомства с Ферншо и не скрывали, почему они с такой охотой принимали приглашения на прием, который тот ежегодно давал в своем загородном поместье. Девона влекло сюда желание отличиться в куда более захватывающем поединке, чем какая-то жалкая пародия на рыцарский турнир, и он нисколько не стыдился этого, тем более что любые рыцарские побуждения он всегда презирал. Боскасл уже выбрал себе даму, и, судя по взглядам, которые та украдкой бросала на него поверх толпы гостей, его будущая возлюбленная, миссис Лили Кранли, сгорала от желания оказаться с ним в постели ничуть не меньше его самого.

Словно прочитав его мысли, она подняла бокал с шампанским, бросила на него заговорщический взгляд и улыбнулась.

Но прежде чем он успел что-то сказать, она резко повернулась и направилась к двери, даже не посмотрев в его сторону. Шелковые юбки ее серого утреннего платья упруго колыхались вокруг роскошных бедер, боа из лебяжьих перьев кокетливо сползло вниз,

обнажив безупречное плечо, способное поспорить с ним своей белизной.

Итак, если он хоть чуточку разбирался в подобных вещах, это было приглашение.

Выждав ради приличия пару минут, он последовал за ней. Спешить в таких делах было нельзя. Явиться слишком рано — даже притом, что и он сам, и не отличавшаяся особой строгостью нравов вдовушка не были обременены супругами, — выглядело бы не только глупо, но еще и весьма недальновидно.

Пусть дама немного помучается, злорадно подумал Боскасл. Видит Бог, она это заслужила, учитывая, сколько недель ему пришлось томиться в неизвестности.

Теперь его очередь помучить ее.

Полностью погрузившись в эти приятные мысли, он обернулся и внезапно оказался нос к носу с другой, хотя и гораздо менее дружелюбно настроенной дамой. А точнее, с юной провинциальной барышней, с которой его связывала одна давняя и не слишком приятная история, при одном воспоминании о которой ему до сих пор становилось неловко.

Джоселин Лидбери.

Как-то раз, несколько лет назад, еще до того, как Девон Боскасл имел неосторожность вывалить в грязи свое доброе имя, тем самым, поставив крест на своей репутации, генерал-майор сэра Гидеона Лидбери, отец Джоселин, в свою очередь, имел глупость всерьез рассматривать кандидатуру Девона в качестве супруга своей единственной дочери. В результате Девон был однажды даже приглашен на обед в родовое поместье Лидбери. К несчастью, он совершенно забыл об этом, поскольку как раз в это время предавался пьяному разгулу в самых отвратительных притонах, какие только можно отыскать в лондонских трущобах. Ну, так что ж тут удивительного, думал Боскасл. В конце концов, он был только что зачислен в кавалерию, а значит, просто обязан был считаться с тем, что может пасть смертью храбрых в первый же год военной службы. В такой ситуации строить какие-то планы на будущее просто глупо, полагал он. Куда важнее взять от жизни все радости, которые она может напоследок подарить тебе!

Сэр Гидеон Лидбери, отнюдь не разделявший его фатализма, немедленно поставил весь Лондон в известность, что никакая война не сможет заставить его простить столь тяжкого оскорбления, нанесенного его отцовским чувствам. Случись ему пройти в парламент и тем самым заручиться поддержкой Грейсона, маркиза Седжкрофта, старшего брата Боскасла, и дело могло бы закончиться для Девона совсем худо. Даже сейчас сэра Гидеон никогда не упускал случая напомнить Грейсону, что он не забыл нанесенную ему обиду.

А Грейсон, конечно же, в свою очередь, не упускал случая напомнить об этом Девону.

Девон окинул искушенным взглядом стоявшую перед ним женщину. Странно, подумал он, ему почему-то всегда казалось, что волосы у нее банального каштанового цвета, тогда как на самом деле они имели изысканный золотистый оттенок осенних листьев. Вместо того чтобы убрать их в модную прическу, дама просто гладко зачесала их назад, заколов на шею тяжелым элегантным узлом. Время, похоже, не оставляло следов на ее лице. Вот и сейчас, украдкой разглядывая ее, Девон был вынужден скрепя сердце признать, что она стала еще привлекательнее, чем прежде. Темные глаза Джоселин остановились на его лице.

— Джоселин, — с подобающей случаю вежливой улыбкой проговорил он, — какой приятный сюрприз! Никогда бы не подумал, что встречу вас у Ферншо! — В его представлении Джоселин по-прежнему оставалась наивной дебютанткой, которой нечего делать в подобных местах.

Мысль, что она явится сюда, в дом, куда ездят исключительно ради того, чтобы на

свободе предаться довольно рискованным развлечениям, да еще одна, без строгой дуэныи, казалась ему дикой.

— С кем вы тут? — не утерпев, спросил он, дав волю с недавшему его любопытству. — А где же ваш брат? Странно! Помнится, прежде он следовал за вами по пятам точно тень.

Полный откровенного ехидства взгляд Джоселин устремился к двери, через которую пару минут назад незаметно выскользнула Лили Кранли.

— Он вон там, за углом, — невозмутимо сообщила она. — Полагаю, вы не заметили его, поскольку ваши мысли были заняты одной печально известной вдовушкой. — Джоселин смерила его презрительным взглядом. — Похоже, некоторые люди с годами не меняются — вероятно, вы принадлежите к их числу. Доброго вечера, Девон, и до свидания.

— А вы, значит, изменились, да? — бросил уязвленный ее холодностью Девон.

— Представьте себе, — с неожиданной искренностью ответила она. — Сказать по правде, мне приятно думать, что я уже не столь наивна и лучше разбираюсь в людях, чем пару лет назад. Во всяком случае, теперь мне и в голову не придет приглашать к обеду, кого ни попадя. И я не так охотно прощаю тех, кто имел глупость пренебрегать мной, как в прежние времена. Вы ведь именно это имели в виду? — небрежно бросила она.

— Полагаю, я этот упрек заслужил, — удрученно пробормотал Девон, изобразив на лице непритворное раскаяние.

С губ Джоселин сорвался негромкий смешок.

— Это не единственное, чего вы заслуживаете, — несколько двусмысленно бросила она.

— Как вы жестоки!

— Неужели? А, по-моему, я чересчур добра к вам. Сказать по правде, я до сих пор не понимаю, как можно причинить женщине такую боль, как вы в свое время причинили мне.

Девон покачал головой. Конечно, у него и в мыслях никогда не было обидеть ее — однако именно это он и сделал, и спорить с этим было бы глупо. Но... Бог свидетель, прими он в свое время приглашение ее отца приехать к ним на обед, было бы только хуже. Чем черт не шутит, он ведь мог увлечься Джоселин... даже начать ухаживать за ней! При одной мысли об этом Девона передернуло. Если он и был в чем-то уверен, так это в том, что никогда не станет человеком, хоть сколько-нибудь достойным любви порядочной юной леди вроде Джоселин.

Разумеется, он никогда не обмолвится об этом. Зачем? А в ее речах появился забавный цинизм! Интересно, откуда он? Насколько Девон помнил, отец со старшим братом вечно кудахтали над ней, словно встревоженные наездники над единственным цыпленком.

— Сколько же лет минуло с тех пор, как я имел несчастье обидеть вас? — понизив голос, спросил он. — Неужели мне нет прощения? Может, уже пора?

Последняя фраза сорвалась с его языка еще до того, как он успел об этом пожалеть. Сказать по правде, у Девона никогда не было глупой привычки извиняться за свое поведение. Какого дьявола, разозлился он. С чего ему вдруг вздумалось делать это сейчас?

Джоселин Лидбери.

Слишком соблазнительно она выглядит, промелькнуло у него в голове, особенно для деревенской простушки. Четыре года, которые они не виделись, явно не прошли для нее даром. Более того, они изменили ее к лучшему — впрочем, может, ему просто так казалось, потому что за это время он тоже успел повзрослеть.

В Джоселин не было и намека на зрелую чувственность, которой в избытке обладала его

вдовушка. Однако при этом в ней появилось нечто неуловимое, таинственное и при этом невероятно интригующее, что заставило его внезапно подобраться. Чутье охотника подсказывало ему сейчас, что он много потерял...

Надменная, холодноватая, юная леди. Добродетельная — вне всякого сомнения. Она — сама непорочность, он — воплощение распутства. Она — сама сдержанность и целомудрие, он — живое олицетворение цинизма. Она была похожа на чистокровную племенную кобылку, слишком нервную, готовую шарахнуться в сторону от любого грубого слова. Почему-то Девон всегда считал ее девушкой, о которой мечтает любой созревший для брака здравомыслящий мужчина, поскольку в его глазах она может смело считаться идеальной женой — естественно, в том случае, если он сам стремится к стабильным, прочным и устойчивым отношениям. Сам Девон ни к чему подобному никогда не стремился. И уж конечно, она сама будет куда счастливее, если ее спутником станет не он, а кто-то другой — что бы там ни думал по этому поводу ее отец. Ясно одно — она так и не простила ему той давнишней обиды и, скорее всего никогда не простит. И он бессилён, что-то сделать, разве что извиниться.

Однако следующий вопрос, который задала ему Джоселин, заставил его призадуматься, уж не переоценивает ли он ту роль, которую невольно сыграл в ее жизни?

— А с чего вы вообще взяли, что чем-то обидели меня? — невозмутимо поинтересовалась она. В словах Джоселин сквозило высокомерное удивление, и это почему-то показалось ему досадным.

Темные брови Девона взлетели вверх. Уж не ошибся ли он? Возможно, ему следовало отнестись к ней с большим вниманием, промелькнуло у него в голове. Он незаметно пригляделся к ней — хрупкая, грациозная фигурка с изящными выпуклостями как раз там, где им и положено быть, чтобы у мужчины при виде их тут же потекли слюнки. И это поразившее его с первой минуты сознание собственной привлекательности. Девон готов был побиться об заклад, что ничего этого раньше в ней не было.

— Ну, я же понимаю, что с моей стороны проигнорировать ваше приглашение было крайне некрасиво, — неловко пробормотал он. — Даже неуважительно. Но ведь была война, вы же понимаете, и...

Джоселин покосилась через плечо — видимо, что-то привлекло ее внимание.

— Вы отнеслись неуважительно к моему отцу, — с пренебрежительным смешком бросила она. — Впрочем, сейчас это уже не имеет значения. И вам нет никакой нужды извиняться за тот случай, разве что...

Девон внезапно почувствовал острый укол любопытства. Впервые ему пришла в голову странная мысль — уж не привык ли он к легким победам?

— Разве что?...

Она невозмутимо оглядела его.

— Что? — переспросила она. — Ах да! Единственное, что вы можете для меня сделать сейчас, — она сделала ударение на последнем слове, — это оставить меня в покое. Послушайте, Девон, мне бы не хотелось, чтобы вы сочли меня грубой, но вы меня задерживаете. Прошу вас, позвольте мне пройти. Сказать по правде, мне бы очень не хотелось, чтобы меня увидели разговаривающей с вами.

— Ах, вот как? — Он не поверил собственным ушам.

— Ну, если помните, вы ведь в свое время все-таки обидели меня. Это вы хотели услышать? Кстати, я уже давно не сержусь. Просто мне бы хотелось... никогда больше не

видеть вас, понимаете? Правда, Девон, все в порядке. Нам обоим лучше об этом забыть. Можете считать, что я вас простила.

Девон окинул Джоселин взглядом. По губам его скользнула неуверенная улыбка. Конечно, он понимал, что единственное, что может сделать для нее, — это оставить ее в покое. И видит Бог, он бы с радостью это сделал. Однако не в привычках Боскасла было позволить, чтобы оскорбление, нанесенное леди, так и осталось безнаказанным. Все-таки он, негодяй, обидел ее. Девон сильно сомневался, что за эти годы он исправился, скорее наоборот, но сейчас, по крайней мере, он стал куда осмотрительнее — во всяком случае, ему так казалось. Нет, конечно, он, как и раньше продолжает предаваться греховным удовольствиям. Однако теперь у него хватает ума не делать этого, открыто. Именно поэтому он и приехал на этот прием к Олтону...

Эти размышления невольно навели его на любопытную мысль.

— Неужели у вас здесь назначено свидание, Джоселин? — понизив голос, вкрадчиво осведомился он.

Тонкие, изящно очерченные брови взлетели вверх.

— Это единственное, о чем вы в состоянии думать? — с издевкой спросила она.

— Ну... почти. А о чем думаете, вы? — бросил он, почувствовав, что Джоселин избегает прямого ответа на вопрос.

— О многих куда более интересных вещах. О литературе, например, о... Впрочем, знаете, что-то у меня нет особого желания обсуждать, о чем я думаю. Во всяком случае, с вами. Вы ведь наверняка собираетесь сделать мне очередную гадость.

По губам Девона скользнула вымученная улыбка; резкая отповедь, которую он получил, прозвучала как пощечина... и, по правде говоря, он это заслужил. Впрочем, ничего другого он и не ожидал. Нет, у него и в мыслях никогда не было попытаться сорвать едва распустившийся бутон, хотя соблазн был велик. Однако признаться, он бы все-таки рискнул... если бы не понимал, что за одну только мысль об этом заслуживает хорошей порки. И если бы не догадался, наконец, кто является предметом интереса Джоселин. Лорд Адам Чизвик, светловолосый красавец, кавалерийский офицер, как и сам Девон, только служивший в другом полку, — беда лишь в том, что за его смазливой внешностью, по мнению Девона, скрывалось полное отсутствие, каких бы то ни было мыслей.

Он ухмыльнулся.

— В этом доме даже воздух другой, вы не находите? Тут назначается больше свиданий, чем за весь сезон в Лондоне, — пробормотал он.

Наградой ему стала понимающая усмешка Джоселин.

— Кстати, о любовных свиданиях... вы ничего не забыли? Думаю, ваша очаровательная вдовушка не намерена ждать вас вечно. Тем более что ее общества жаждали многие джентльмены. Правда, из этого поединка победителем вышли вы. И вправе ожидать награды. Но если вы не хотите, чтобы она уплыла у вас из-под носа, советую немедля начать действовать, — усмехнулась она.

Девон оцепенел. Он обратил внимание на ее ровные белые зубки, заметил крохотный, чуть заметный шрам на правой скуле и оценил неожиданную прямоу девушки — по логике вещей, это должно было оттолкнуть его, однако вместо этого неожиданно понравилось ему.

— Вы ведь не собираетесь принимать мои ухаживания, верно, дорогая? — ухмыльнулся он.

— Ни в коем случае, — невозмутимо бросила она, — хотя и догадываюсь, как вам

трудно в это поверить. Впрочем, стоит ли вновь ссориться, право? Я ведь уже говорила вам, что давно вас простила.

— Простили и забыли?

— Да. — Джоселин покусала губу. — Ну... почти. Девон медленно отступил в сторону, давая ей пройти.

Джоселин нетерпеливо протиснулась мимо него — во всем ее стройном теле ощущалось такое напряжение, что ему вдруг нестерпимо захотелось успокоить ее.

— А вам никогда не приходило в голову, что мне, возможно, совсем не хочется, чтобы вы меня забыли? — незаметно ухватив ее за локоть, чуть слышно пробормотал он и тут же услышал презрительный смешок.

— Вот уж это мне абсолютно безразлично.

— Решили бросить мне вызов? — вкрадчиво спросил он, смерив ее выразительным взглядом, от которого она замерла на месте.

— Вы имеете в виду поединок? — хмыкнула она. — Что ж, согласна — только на пистолетах! Ну, или, в крайнем случае, на шпагах!

— Будьте осторожны с Чизвиком, хорошо? — пробормотал Девон, отпустив ее руку. — Что-то подсказывает мне, что вы для него слишком хороши, Дорогая. Вряд ли ему под силу водить вас на коротком поводке. — Он замялся. — Думаю, вам нужен другой человек. Имеющий... эээ... больше опыта в таких делах.

Джоселин окинула его взглядом, в котором сквозило легкое превосходство.

— Можно подумать, мне нужен совет такого распутника, как вы, Боскасл! — надменно бросила она.

Если она рассчитывала обидеть его, то просчиталась — Девон беззаботно рассмеялся. Джоселин хотела убедить его, что он ей безразличен — и он бы купился на эту удочку, если бы не почувствовал, как ее голос чуть заметно дрогнул.

— Джоселин, не будь я распутником, как вы говорите, вряд ли у меня имелся бы опыт в таких делах.

— Адам — настоящий джентльмен.

— Безусловно. Это-то меня и пугает. Нет ничего хуже настоящего джентльмена.

— О чем это вы? — насторожилась она.

— Просто весь вред от них. Только посмотрите на него! Видите, какой у него невозмутимый вид? Однако это только видимость. Готов голову дать на отсечение, что он буквально кипит от злости.

— Неужели? — с легкой циничной усмешкой бросила Джоселин.

Девон, одернув себя, постарался принять серьезный вид, насколько это было в его силах, конечно.

— Поверьте мне, если мужчина до такой степени владеет собой, что постоянно держит свои чувства внутри, не давая им вырваться наружу, это опасно. Иногда лучше выпустить пар. Потому что иначе когда-нибудь он просто взорвется, и тогда окружающим придется несладко.

— Мне как-то неловко подвергать сомнению вашу опытность в подобных... делах, Девон, однако далеко не во всех мужчинах бушует такой океан страстей, как в вас. Ну и в ваших братьях тоже, — невозмутимо бросила она. — Боюсь, ваша теория страсти не совсем верна.

— Я бы с радостью обсудил ее с вами. Наедине, — негромко предложил он. — Если,

конечно, вам интересно.

— До или после общения с Лили Кранли?

Девон замялся, слегка удивившись тому, что потерял всякий интерес к вдовушке. Однако он не спешил в этом признаться. Неожиданная встреча с Джоселин и не менее неожиданная пикировка с ней, в которую он позволил себя втянуть, вытеснили из его головы все мысли об очаровательной миссис Кранли.

— В любом случае подумайте над моим предложением, — пробормотал он, сам, не слишком понимая, что имел в виду, однако всем своим видом стараясь показать, что готов услужить ей.

И тут же получил ощутимый щелчок по носу.

— Боюсь, у меня нет никакого желания, чтобы мне снова сделали больно.

— Но у меня и в мыслях не было обидеть вас.

Девон прислонился к стене. Он стоял так близко от нее, что мог чувствовать тепло, исходившее от ее тела, любоваться мягкими полукружиями груди. Он попытался, было представить себе нежно-розовый, словно бутон розы, сосок, и хотя кружевное, с целомудренным вырезом платье надежно прикрывало грудь девушки, и ничего подобного видеть он не мог, рот Девона, тем не менее, моментально наполнился слюной. Губы Джоселин слегка приоткрылись, однако, к удивлению Девона, ее ровное дыхание не стало чаще.

Она повернулась к нему спиной. Потом, остановившись, небрежно покосилась на него через плечо. Взгляды их встретились, и Девон вдруг почувствовал, что не может оторвать от нее глаз. Насколько она невинна, затаив дыхание, гадал он. Интересно, они с Чизвиком давно уже стали любовниками? Или сегодня это случится впервые?

Приемы в загородном поместье Ферншо как раз и славились тем, что между его гостями вспыхивали особенно бурные романы.

Пожав плечами, он постарался отогнать эту мысль. Кому она подарит свою девственность и когда именно это случится, абсолютно его не касается. Было бы безумием пытаться заявить на нее какие-то права после того, как отвратительно он поступил с ней четыре года назад.

— Благодарю за любезное предложение, Девон, — фыркнула Джоселин. Улыбка, игравшая на ее губах, дала понять, что они, несмотря ни на что, по-прежнему остаются друзьями. — Кстати, вы меня приятно удивили — оказывается, вы еще больше испорчены, чем я думала!

И с этими словами Джоселин растворилась в толпе.

Ей вовсе не обязательно было говорить об этом вслух — в конце концов, он и без того не сомневался, что она считает его худшим негодяем из всех когда-либо ходивших по земле. По губам Девона скользнула усмешка. Впрочем, Джоселин, благослови ее Бог, совершенно права. К тому же, если он уже четыре года назад был уверен, что из него выйдет никудышный муж, то вряд ли он с тех пор изменился к лучшему.

Джоселин только диву давалась, как мужская улыбка может быть полна ангельского очарования и нескрываемой чувственности, причем одновременно? Не давало ей покоя и другое — почему, хорошо зная (а уж кому, как не ей, было об этом знать), какой опытный распутник скрывается за этой смазливой личиной, она, тем не менее, с ужасом чувствует, что ее с неудержимой силой тянет к этому дьяволу в человеческом обличье?

Она снова и снова твердила себе — как делала до этого сотни раз, что ей еще повезло, что четыре года назад Девон Боскасл отверг ее, иначе сейчас она лила бы слезы, оплакивая свою судьбу, как многие другие несчастные жертвы этого мерзавца. Да, конечно, в свое время она рыдала, узнав, что он пренебрег приглашением, которое послал ему отец. Но ей ли было не знать, сколько дебютанток того сезона, юных девочек с кроткими как у олененка, глазами, втайне вздыхают по Девону? Обаянию этого человека трудно было противиться. Придется смириться с тем, что где-то в глубине души она всегда будет питать к нему слабость.

Джоселин не мечтала о неземной любви. Может, ее вообще не существует, думала она. Долгие годы, когда она с болью в душе наблюдала за несчастной семейной жизнью собственных родителей, лишили ее всяких иллюзий на этот счет. Рассчитывать на счастливый супружеский союз глупо, решила она. Возможно, кто-то счел бы странным столь циничное отношение к подобным вещам, тем более для девушки ее лет. Увы, именно жестокость отца поставила крест на всех ее надеждах.

А ведь когда-то она так надеялась стать женой Девона! Впрочем, вряд ли этот погрязший в грехах распутник хоть на йоту изменился с тех пор. Внезапно Джоселин развеселилась. Как приятно чувствовать, что можешь слегка пококотничать с таким человеком, а потом просто выкинуть его из головы и уйти, не оглядываясь, с невольной гордостью подумала она. И сразу почувствовала себя уверенной, умудренной жизнью женщиной.

Хорошо хоть он не обратил внимания, что при виде его сердце ее заколотилось так, что едва не выпрыгнуло наружу.

К счастью, он ничего не заметил, мысленно поздравила она себя. А сейчас ее сердце уже бьется ровно... хотя в конце коридора маячит хорошо знакомая фигура лорда Адама Чизвика. Поспешно отвернувшись, Джоселин принялась с независимым видом разглядывать украшавшие стены фламандские гобелены.

Она приехала сюда исключительно ради того, чтобы получить долгожданное предложение руки и сердца. Как ни странно, отец не только разрешил, но даже уговаривал ее принять приглашение Ферншо. Джоселин усмехнулась — Адам был первым мужчиной за много лет, кто удостоился одобрения грозного сэра Гидеона Лидбери.

Ей выпало несчастье быть дочерью человека, не только облеченного властью, но и привыкшего к преимуществам, которые давало ему высокое положение в свете. Сэр Гидеон принадлежал к числу тех мужчин, о которых принято говорить, что «время над ними не властно». Или, менее почтительно, — «седина в бороду, бес в ребро». Он, как и в молодости, усаживал в экипаж очередную любовницу и с гордостью катал ее по всему Лондону, страшно довольный, что может похвастаться собственной удачей. Несколько лет назад он носился с мыслью породниться с семейством Боскасл, вероятно, потому, что остро нуждался

в поддержке маркиза, и не только из-за политических амбиций, но и из чисто личных соображений.

Но ничего из этого не вышло. Гидеон не только не забыл оскорбления, когда-то нанесенного ему Девонем, но и вдобавок сделал все, чтобы Джоселин, в свою очередь, не забыла о нем. Сказать по правде, отец вспоминал об этом куда чаще, чем даже сама Джоселин.

Когда в прошлом году разнесся слух, что Девона застукали во время карнавала, когда он попытался впрыгнуть в карету очередной пассии, сэр Гидеон пришел в такой восторг, что впервые заговорил о неминуемом ужасном конце, ожидающем «развратника Боскасла», и принялся твердить об этом каждому, кто готов был его слушать. Естественно, в первую очередь это касалось Джоселин, имевшей несчастье быть его неременной спутницей во время долгих поездок из Лондона в их загородное поместье и обратно. Сказать по правде, в эти минуты бедняжка чувствовала себя пленницей и отчаянно мечтала лишь об одном — вырваться, наконец, на свободу.

— Разве я не предупредил тебя, что из всей их семейки Девон самый необузданный, а? — самодовольно спрашивал отец, при этом, по-видимому, начисто забыв, что это он, а не Джоселин в свое время положил на Девона глаз, вбив себе в голову, что из них получится идеальная пара. — Радуйся теперь, что я был достаточно предусмотрителен, чтобы не поощрять его ухаживания!

В ответ Джоселин обычно молча вздыхала, или кивала, или то и другое вместе, украдкой поглядывая при этом в окно, за которым лежал огромный прекрасный мир, где ее ждала свобода. Отец ее был удивительно жестоким человеком, и жестокость эта проявлялась как в физическом, так и в моральном отношении. Конечно, теперь он не так часто поднимал на нее руку, как это случалось, когда она была малышкой, зато никогда не упускал случая оскорбить или унижить ее.

С годами Джоселин стало ясно, что у нее нет иного выбора, кроме как бежать из родительского дома куда глаза глядят, и в такой ситуации замужество представлялось ей наиболее приемлемым выходом, хотя она и не питала никаких иллюзий на этот счет и не надеялась обрести счастье в браке.

Адам пообещал, что если она примет приглашение Ферншо, то ее ждет приятный сюрприз. Все ее ближайшие подруги в один голос твердили, что он наверняка готов сделать ей предложение, которого от него так долго ждали. Правда, дальше робких намеков дело не шло, но Джоселин надеялась, что теперь он созрел. Сказать по правде, она была в таком отчаянии, что уже подумывала, не сделать ли ей первый шаг.

Одним из преимуществ того, что она не пользовалась вниманием мужчин и уныло подпирала стены, была возможность наблюдать за любовными играми других. За эти годы ей не раз случалось видеть, как многие из ее всегда таких уравновешенных подруг теряли голову, становясь легкой жертвой джентльменов, обративших на них внимание.

Кто знает, возможно, и она тоже поддалась бы соблазну, если бы не отец. Однако стоило ей только вспомнить, как чудовищно несправедлив он был к своей последней жене, матери Джоселин, как желание думать о мужчинах разом пропадало. Но больше всего Джоселин презирала отца за то, что он продолжал заводить себе любовниц не только при жизни матери, но и сразу же после того, как вогнал жену в гроб.

Даже сейчас он не делал тайны из того факта, что имеет одновременно двух содержанок, одна из которых в самом ближайшем времени должна была родить ему ребенка.

Еще одного ребенка, подумала Джоселин. Однако каким бы жестоким и безжалостным ни был отец, он никогда не пытался переложить ответственность на кого-то другого. А также сделал все от него зависящее, чтобы наилучшим образом подготовить Джоселин к ожидавшему ее будущему.

Самые лучшие гувернантки. Самые лучшие и дорогие школы. Самый роскошный гардероб. Ну и самый лучший жених в будущем, разумеется. Или один из лучших. К сожалению, Боскасл, на котором отец четыре года назад остановил свой выбор, оказался настолько глуп, чтобы пренебречь оказанной ему честью, чего отец не простил ему до сих пор.

К сожалению, и этот второй, «один из лучших», в этот момент сделал попытку незаметно протиснуться к ней поближе. Пока Джоселин лихорадочно пыталась изобразить удивление, рука Адама обвилась вокруг ее талии. Воспользовавшись тем, что никто не обращает на них внимания, он попытался не совсем ловко повернуть Джоселин к себе.

— Ах, вот вы где! — прошептал он, уткнувшись носом в ее волосы. — Мм... Вы пахнете точь-в-точь как бланманже! Кажется, я поторопился встать из-за стола — нужно было дождаться десерта. Ваш запах снова пробудил во мне голод.

— О, какое романтическое признание! — со смехом отозвалась она. — Или вы со свойственной вам деликатностью пытаетесь намекнуть, что я опрокинула на платье тарелку?

— А вы действительно это сделали? — Его щетинистый подбородок царапнул ей щеку. — Какая же вы, однако, неловкая, мисс Лидбери! Придется купить вам слюнявчик и попробовать кормить вас с ложечки.

Слегка наморщив короткий носик, она подняла к нему лицо. Конечно, он не такой чертовски обаятельный, как один из братьев Боскасл, но сейчас она была даже благодарна ему за это. Адам не вызывал в ней ни малейшего, чувственного трепета, а добропорядочная молодая леди, считала Джоселин, и не нуждается в этом. Зато в его обществе ей не нужно все время быть начеку, а это уже неплохо. И к тому же ему можно доверять. Даже у самого отъявленного льстеца не повернулся бы язык назвать Адама легкомысленным покорителем сердец.

Иными словами, у него не было ничего общего с лордом Девоном Боскаслом.

— А когда же вы собираетесь порадовать меня вашим сюрпризом, как вы обещали? — мягко поинтересовалась она.

— Не раньше завтрашнего утра, дорогая. Из груди Джоселин вырвался вздох.

— А раньше никак нельзя? — с надеждой спросила она.

— Вряд ли.

Она опустила глаза.

— Ну, хотя бы намекните.

— Сейчас я не могу вам об этом сказать, но... — Адам нагнулся к ней, его серые глаза потемнели, — зато могу вам обещать, что вы будете очень удивлены!

Джоселин неимоверным усилием воли подавила желание рассмеяться. Он так старался быть серьезным, бедняжка. Как это несправедливо по отношению к нему, но... она вдруг поймала себя на том, что невольно сравнивает его приятные, хоть и слегка пресноватые манеры с вызывающей притягательностью одного хорошо ей известного ловеласа. И сравнение, увы, было не в пользу Адама.

— Уж не собираетесь ли вы поцеловать меня? — прошептала она.

Адам смутился. С чувством юмора у бедняги явно было неважно.

— И скольких же вы уже успели поцеловать, распутник вы этакий?

Она с радостью дразнила бы его и дальше, потому что, Бог свидетель, он совсем не был таким тупым, как казался на первый взгляд, но в этот момент из полусумрака коридора до них внезапно донесся низкий, до боли знакомый голос:

— О, миссис Кранли, похоже, мы с вами имели несчастье прервать чужое свидание! Не смотрите туда, умоляю вас! Это зрелище не для ваших невинных глаз! Боже, какой стыд! Двое голубков забились в уголок, чтобы втихомолку пофлиртовать! Господи... куда катится наш мир, если юные представители самой родовитой аристократии ступают на кривую дорожку?!

— Перестаньте дразнить этих детей, Девон, гадкий вы мальчишка! — насмешливо проворковал женский голосок. Однако по ехидному выражению лица миссис Кранли Джоселин мгновенно догадалась, что та скорее забавляется их смущением, чем сочувствует юной паре. — Посмотрите, что вы наделали! Бедняжки совсем растерялись!

Он откашлялся.

— О... ну ладно. А кто они вообще, черт возьми?

Джоселин, сделав глубокий вздох, заставила себя обернуться. Насмешливый огонек, мелькнувший в глазах Девона, доказывал, что у него не было никаких сомнений в том, кто перед ним. Зато Адаму, к ее величайшему сожалению, даже в голову не пришло, что над ним попросту издеваются. Он с такой поспешностью отскочил в сторону, что едва не свалил стоявший возле стены большой латунный телескоп.

— Чизвик, — с нескрываемым презрением в голосе процедил Девон, и Джоселин мгновенно почувствовала желание броситься на защиту своего нерасторопного поклонника. — Господи... вы все такой же неловкий, как когда-то на уроках фехтования! — продолжал Девон.

— Это вовсе не так! — строптиво возразила Джоселин, сочувственно глядя, как побагровевший от смущения Адам возвращает на место покачнувшийся телескоп. Надо честно признать, что проделал он это без особого изящества.

— Неужели?

От острого взгляда Девона не ускользнуло ни виноватое выражение лица Адама, ни его испуг. Сочувствие в его взгляде было настолько оскорбительным, что Джоселин едва удержалась, чтобы не стукнуть его локтем по ребрам. Господи, почему Адам вдруг переполошился до такой степени, изумилась она. Он ведь воевал, и, насколько она знала, за ним закрепилась слава храброго офицера. Тогда почему он сносит издевательские насмешки Девона Боскасла?

— Прошу меня извинить, Боскасл, — немного придя в себя, заявил Адам таким чопорным, полным ледяного высокомерия тоном, что Джоселин едва удержалась, чтобы не зааплодировать. — Я понятия не имел, что вы выбрали именно этот коридор для своих персональных... хм... развлечений.

— Неплохо, — одобрительно прошептала она, одарив его лучезарной улыбкой.

Девон с безмятежным видом повел плечами, давая понять, что все это пустяки.

— Ничего страшного, Чизвик. — Его многозначительный взгляд скользнул по смущенному лицу Джоселин. — Я уже закончил свои дела. Так что нынешним вечером этот коридор мне уже вряд ли понадобится. Думаю, будет только справедливо, если я уступлю его вам.

Джоселин, слегка повернув голову, наткнулась на вопросительный взгляд Адама.

— Если вы еще не передумали плотнуть свежего воздуха, то сейчас самое время, — небрежно бросила она.

— Глотнуть... чего?

Подхватив ничего не понимающего Адама под руку, Джоселин поволокла его по коридору, с трудом борясь с желанием обернуться. Впрочем, она была уверена, что Девон издевательски ухмыляется им вслед. Миссис Кранли на прощание послала ей понимающую улыбку. Джоселин ответила ей тем же, ведь ей прекрасно было известно, что у этой вдовушки репутация весьма сговорчивой дамы. Впрочем, Девону это только на руку — можно было не сомневаться, что он не упустит своего шанса.

Она успела уже пробежать половину лестницы, прежде чем заметила отсутствие Адама. Джоселин резко обернулась — и при виде сцены, которая представилась ее глазам, у нее перехватило дыхание.

Девон, преградив Адаму дорогу, взял его под руку и заставил отойти на несколько шагов в сторону. Вся его поза говорила о нескрываемом презрении.

— Адам? — невозмутимо окликнула она. — Вы идете со мной, или я вынуждена буду отправиться в сад одна?

Тот не ответил. Вместо этого он таращился на Девона с таким видом, словно ожидал, что ему сейчас вручат Ковчег Завета [\[1\]](#). При виде написанного на его лице благоговения Джоселин стало противно. Но ужаснее всего было другое. Теперь, когда они оказались рядом, стало очевидно, каким невзрачным по сравнению с Девоном выглядит невысокий и щуплый Адам.

Впрочем, рядом с высоченным и мускулистым Девоном любой мужчина, наверное, показался бы тощим цыпленком, промелькнуло у нее в голове.

Джоселин незаметно подкралась поближе, чтобы не упустить ни единого слова из их разговора. И тут же пожалела об этом.

— Запомните, Чизвик, у вас должна быть твердая рука! — непререкаемым тоном заявил Девон. — Вы меня поняли? Как кавалерийский офицер, заявляю вам со всей ответственностью: твердая рука — единственное, что позволит справиться со строптивой кобылкой. — И словно в подтверждение своих слов сжал руку в кулак и с силой стукнул им по ладони другой руки. — А как только она научится вам доверять настолько, чтобы есть из ваших рук, тут же прыгайте в седло, пока она не опомнилась. Дайте ей шпоры и скачите вперед, чтобы она почувствовала в вас своего хозяина!

— Твердая рука... — словно замороженный, повторил Адам.

— И седлайте ее почаще... ну, вы меня понимаете?

Подняв голову, Девон заметил подкраившуюся к ним Джоселин, и на лице его появилось до омерзения знакомое ей самодовольное выражение.

— Прошу прощения, дорогая. Мы несколько увлеклись... обсуждали новую арабскую кобылу нашего гостеприимного хозяина. Чизвик признался, что подумывает ее купить — уж очень она ему понравилась. Вот я и взял на себя смелость дать ему несколько советов, как обуздать ее горячий нрав.

Джоселин помолчала, чтобы унять колотившееся сердце.

— Конечно. Только я что-то не помню, чтобы вы интересовались арабской кобылой, которую купил Олтон.

— Ну, джентльмену вряд ли пристало обсуждать подобные вещи с леди, вы согласны, дорогая? — Девон, выпрямившись, расправил широченные плечи, от чего Адам, казалось,

уменьшился в росте еще на несколько дюймов. — В конце концов, дамам обычно бывает интереснее обсуждать туалеты, чем лошадей, разве я не прав?

— О, Джоселин очень любит лошадей, — с глуповатой ухмылкой вмешался Адам. Он попытался схитрить, но в результате всем вдруг стало неловко. — Она ведь превосходная наездница, знаете ли. Достаточно только попросить, чтобы она... эээ...

Громко кашлянув, Джоселин перебила его до того, как он, ляпнув очередную глупость, еще глубже завязнет в той паутине, в которую ловко заманил его Девон. Она не верила собственным ушам... Как же легко, оказывается, обвести его вокруг пальца! А тут еще этот синеглазый дьявол стоит рядом с таким невинным видом, будто это вовсе не он заставил Адама выглядеть круглым дураком! Но самым ужасным было то, что до этого дня она никогда еще не видела Адама в столь невыгодном для него свете. Как правило, он не пытался быть остроумным; сказать по правде, его основным достоинством было умение сохранять невозмутимое спокойствие, пока остальные его приятели изощрялись в нелепых шутках.

Да, судя по всему, Девон Боскасл оказывает на него дурное влияние, мрачно подумала она. Джоселин следует возблагодарить судьбу, что четыре года назад он не оказался ее соседом за столом в доме ее отца.

Любая женщина, которая согласится стать его женой, не будет иметь ни минуты покоя. Но, шепнул ехидный голосок, неожиданно пробудившийся в самом тайном уголке ее души, разве эта женщина будет так уж несчастна? Разве он не подарит ей такое наслаждение, что она будет счастлива, заплатив за него любую цену?

Она с трудом удержалась от вздоха облегчения, когда Адам, очнувшись, наконец, подошел к ней. Ничего не поделаешь, бедняга не виноват, что его выставили в дурацком виде, сочувственно подумала она. Следуя советам и примеру старших братьев, Девон со временем стал настоящим специалистом по части насмешек. И все же она как-то не ожидала подобной подлости от человека, за которого когда-то рассчитывала выйти замуж.

— Как вы могли позволить ему сыграть с вами подобную шутку? — обрушилась она на Адама, как только они оказались на лестнице. Правда, на всякий случай Джоселин благообразно понизила голос.

— Если честно, понятия не имею, — виновато пробормотал Адам. — Вы ведь не сердитесь на меня, Джоселин? — извиняющимся тоном спросил он.

В ответ она окинула его долгим изучающим взглядом. Похоже, он искренне переживает. У Адама вообще бездна достоинств — он не трус, не подлец и не азартный игрок. Так что ей, можно сказать, повезло. И к тому же, вынуждена была напомнить себе Джоселин, джентльмены явно не спешат выстроиться в очередь у ее дверей, чтобы предложить руку и сердце.

— Нет, Адам, конечно, не сержусь.

Перед тем как свернуть за угол, чтобы пройти мимо двух мраморных статуй Венеры и Вулкана, Джоселин не удержалась и украдкой бросила взгляд через плечо на мужчину, который смотрел им вслед.

Девон Боскасл.

Можно сказать, ей повезло. В конце концов, если она и имеет право на кого-то сердиться, так только на него. Двумя-тремя небрежно брошенными фразами ему удалось выставить Адама чуть ли не глупцом. Что было ужасно несправедливо по отношению к бедняге, мысленно добавила она.

Адам вдруг резко остановился, словно налетев на невидимую преграду.

— Ах, какая непростительная забывчивость с моей стороны! — обернувшись, воскликнул он. — Боскасл, миссис Кранли... не хотите ли присоединиться к нам? Мы как раз собирались прогуляться по саду. Джоселин сказала, что хочет немного подышать свежим воздухом.

— О, ради всего святого! — сердито прошипела сквозь зубы Джоселин. — Только не вздумайте упрашивать его! Разве вы не видите, что он только и дожидается предложения, чтобы увязаться за нами?

— Это обычная вежливость, дорогая, — шепотом успокоил ее Адам. — В конце концов, он не раз оказывал мне услуги, когда мы еще учились в школе. Заступался за меня и все такое.

«Вот это новость!» — мысленно ахнула Джоселин. Чтобы Девон помог кому-то, да еще бескорыстно?! Как-то не верится, что в его душе еще осталось что-то хорошее. Джоселин насупилась, глядя на приближающегося к ним Девона. На губах его играла легкая улыбка.

— Ничего страшного, Чизвик, не извиняйтесь. Сказать по правде, у нас с миссис Кранли на этот вечер уже были... эээ... кое-какие планы.

— Только послушайте его! — прошипела Джоселин. — Выходит, мы ему помешали.

— Простите, вы что-то сказали, мисс Лидбери? — елейным тоном осведомился Девон.

— У нее что-то застряло в горле, — кротко ответил Адам. — Наверное, одна из фиалковых пастилок, которые девушки вечно жуют, чтобы освежить дыхание.

Девон взмахнул рукой.

— Помните, Чизвик. Твердая рука! Покажите ей, кто на самом деле хозяин!

— Да-да, конечно. Непременно.

— И седлайте ее почаще.

Адам, побагровев, как свекла, испуганно покосился на Джоселин. Лицо у него стало виноватое. Заскрежетав зубами, Джоселин схватила его за руку и молча повела за собой.

— Вы по-прежнему хотите погулять со мной в саду? — наконец спросил Адам, стараясь не смотреть на нее.

— А вы как думаете, Адам? — Я...

Пару минут спустя прогулка по саду была забыта, и Джоселин с Адамом присоединились к друзьям в гостиной, чтобы выпить по бокалу шампанского и поиграть в шарады. Как-то так получилось, что оба они — и Джоселин, и Адам — почему-то выбрали в партнеры друг друга. А кончилось это тем, что они вдвоем разыграли пантомиму, изображавшую знаменитую сцену на балконе из «Ромео и Джульетты».

Джоселин, поднявшись по лестнице на галерею, что была прямо над гостиной, встала у перил, глядя, как Адам внизу жестами и мимикой объясняется ей в любви. Естественно, все моментально догадались, кто герой данной пантомимы, однако выглядело это довольно забавно и даже романтично, особенно учитывая, что они представляли собой красивую пару. Словом, все было замечательно до той минуты, пока Адам, потеряв равновесие, не свалился с табурета. Гости разразились дружным хохотом, а через минуту к ним присоединилась и Джоселин.

Она уже не сомневалась, что Адам станет ей идеальным мужем. Неуклюжий Ромео, уважающий ее чувства и желания, стоит сотни обаятельных мерзавцев с их коварными советами! Остается только надеяться, что дружеские чувства, которые она к нему питает,

станут прочным основанием счастливой семейной жизни, к которой она стремилась всем сердцем.

А Лили Кранли пусть и дальше наслаждается своими любовными интрижками... только вряд ли они доведут ее до добра.

Сама же Джоселин мечтала только о спокойной жизни. О браке. О семье. О счастье и самоуважении. О том, что ей ничто не будет угрожать. Что не нужно будет терпеть бесконечные оскорбления и унижительные выходки отца. И там не оставалось места синеглазому дьяволу... хотя когда-то ей хотелось, чтобы все было совсем наоборот.

Девон привалился плечом к громадной мраморной статуе запряженного в колесницу льва, нависшей над идущей под потолком галереей. Отсюда он мог наблюдать за толпой гостей внизу, не опасаясь, что кто-нибудь его заметит. Игравшая на его губах усмешка сделала заметными морщинки в уголках его рта. Это было так забавно... он мог даже хохотать тут, если бы захотел, и никто бы ничего не заметил. А поводов посмеяться у него хватало. Прямо у него на глазах Чизвик, этот самый нескладный Ромео за всю историю любительских подмостков, покачнувшись, стал медленно заваливаться назад, с риском сломать себе копчик. Джоселин, всплеснув руками, ринулась на помощь своему незадачливому поклоннику. Девон лениво проводил ее взглядом.

И брови его удивленно поползли вверх.

Она кубарем скатилась по лестнице, успев подхватить перевернутый Адамом табурет. Адам, кричтя, протянул руку и — очевидно, случайно — ухватился за... эээ... заднюю часть Джоселин. Девон возмущенно фыркнул, заметив, как он украдкой похлопал девушку по мягкому месту. Ну-ну, с каждой минутой все забавнее, хмыкнул он про себя. Интересно, что она сделает? Отвесит ему оплеуху? Или даст хорошего пинка, так что этот хлюпик снова окажется на полу?

Увлечшись, Девон свесился через перила, чтобы, упаси Боже, ничего не упустить. Интересно все-таки, что она сделает, изнывая от любопытства, подумал он.

Она не сделала ничего.

Девон ошеломленно тряхнул головой. Может, она вообще не заметила, как похотливая ручонка Чизвика скользнула по ее попке? Или ему просто почудилось, что он похлопал ее по задку, а на самом деле рука просто скользнула по воздуху? Или же... Девон задумался. Вдруг это была вялая попытка Чизвика осуществить то, на что намекал Девон, когда говорил о «твердой руке»?

«Ну, коли так, тебе в жизни ее не оседлать», — злорадно подумал он. На мгновение он позволил своему разгулявшемуся воображению нарисовать картину того наслаждения, которое бы испытал, случись ему заполучить в свою постель Джоселин. Девон мог бы поклясться, что прикосновение его руки Джоселин уж точно заметила бы!

Но сможет ли он заставить ее простить его — простить по-настоящему? Только сейчас ему впервые пришло в голову, что тогда, четыре года назад, он пренебрег посланным ему приглашением потому, что с первого взгляда невзлюбил ее отца. Потому что ему были чертовски неприятны его надменность, командный тон, которым он всегда обращался к нему. А саму Джоселин он тогда почти не знал — во всяком случае, настолько, чтобы сказать, приятно ему ее общество или нет.

Девон впервые задумался, каково ей жить с таким отцом. Интересно, дочерью сэра Гидеона Лидбери тоже командует? Девону было хорошо известно, что солдаты, служившие в его полку, втайне презирали своего командира, что вовсе не говорило о том, что он был бездарным служакой. Однако ходили упорные слухи о его жестокости, о том, что сэра Гидеона частенько дает волю рукам. Слухи, естественно, всячески старались замять прежде, чем они поползут дальше.

В общем-то, самого Девона это не касалось, и ему не было до этого никакого дела. По его мнению, Джоселин могла прекрасно сама за себя постоять.

Да, она была способна на многое. И в частности, вызвать его интерес. Проклятие, выругался он про себя. Какого черта... неужели этот проклятый инстинкт, свойственный всем Боскаслам без исключения, инстинкт соблазнить — и в то же время защитить — не мог выбрать другого времени, чтобы проснуться и во весь голос заявить о себе, грозя разрушить все далеко идущие планы, которые он строил на этот вечер?! Почему это случилось именно сейчас? Если Джоселин и нуждается в защите, так это от таких, как он сам, черт возьми!

Девон был в бешенстве. К сожалению, меняться уже слишком поздно. Он такой, какой есть — и тут уж ничего не поделаешь.

Из всех детей он страдал больше всех, когда умерла их мать, а у отца от горя внезапно помутился рассудок, и у него стали случаться припадки бешенства. Больше всех доставалось Дрейку. Почему-то именно он вызывал ярость Ройдена Боскасла. А Девон... Девон с детства привык играть роль миротворца. Но если бы не поддержка братьев и сестер, кто знает, возможно, он так бы и плыл по жизни, не зная, что такое любовь... или просто привязанность.

Душа Девона так долго блуждала в потемках, что он уже потерял всякую надежду на искупление.

— Подглядываете? Ну и как, удалось увидеть что-нибудь интересное?

Покосившись, он увидел спускавшуюся по лестнице Лили. На губах Девона заиграла усмешка.

— Незапланированная сцена, которой наверняка суждено стать самым запоминающимся моментом нынешнего спектакля, — ухмыльнулся он, позволив себе окинуть выразительным взглядом ее облаченную в шуршащие шелка изящную фигуру. — Во всяком случае, пока это так. Ну а сейчас я готов поучаствовать в частном спектакле.

Лили с улыбкой стала рядом с ним, облокотившись о перила.

— Почему вы вечно стараетесь выставить беднягу Чизвика в неприглядном свете? — полюбопытствовала она. — Это так не похоже на вас. Или я ошибаюсь?

Ухмылка Девона стала шире.

— Ну, я ничего не имею против старины Чинни. И стараюсь выставить его ослом исключительно для того, чтобы позлить Джоселин.

Лили, подняв веер, кокетливо ударила им Девона по плечу.

— Но для чего? Неужели бедняжка имела несчастье вас обидеть? Интересно чем?

Девон небрежным движением кисти отвел веер в сторону.

— Сам не знаю. Собственно говоря, она ничего мне не сделала... Просто ее семейка в свое время распустила слух, что я, видите ли, нанес им смертельную обиду.

— Вот как? Что за история? — заинтересовалась Лили. — Наверняка она мне понравится!

— Несколько лет назад сэр Гидеон Лидбери оказал мне честь пригласить меня на обед — ничего особенного, просто завуалированное предложение поухаживать за его дочерью. К сожалению, я имел несчастье не просто пренебречь оказанной мне честью, но еще оказался настолько дурно воспитан, что не потрудился даже придумать благовидный предлог для отказа или хотя бы прислать записку с извинениями. Говоря иначе, я просто смылся, — хмыкнул он.

— Она показалась вам до такой степени непривлекательной? — со скептической усмешкой спросила Лили.

— Непривлекательной мне казалась сама мысль о женитьбе, — ухмыльнулся Девон. —

Впрочем, своего мнения на этот счет я не изменил до сих пор.

Отодвинувшись от перил, Девон двинулся по коридору, связывающему между собой обе лестницы. У него не было ни малейшего желания обсуждать с Лили свою личную жизнь, тем более, когда он сам себя толком не понимал.

— Итак, вас двоих связывают общие воспоминания, — задумчиво протянула она, сделав несколько шагов вслед ему и стараясь при этом не наступить на его длинную тень. — Как я понимаю, это тайна, да?

Внезапно это показалось ему настолько забавным, что он даже остановился.

— Нет, дорогая, — расхохотался он. — Сказать по правде, настоящее интересует меня куда больше, чем прошлое. А также наслаждения, которые ждут меня в будущем. И в первую очередь кто разделит со мной постель в эти выходные. Но я никогда не делал из этого тайны.

Лили грациозно повернулась, позволив взметнувшимся юбкам выгодно обрисовать ее точеную фигурку. Вся ее поза выражала спокойное безразличие — глядя на нее, можно было подумать, что она не поняла тайный смысл, вложенный в эту фразу.

Однако Девон знал ее достаточно хорошо, чтобы понимать, что это не так.

Лили бросила взгляд на висевшую на стене тигровую шкуру.

— Вы любите охотиться? — с любопытством поинтересовалась она.

— Только если чувствую, что игра становится опасной. Если понимаю, что намеченная жертва бросает мне вызов, — задумчиво протянул он.

Лили с усмешкой тронула обтянутыми перчаткой пальчиками висевший у нее на поясе веер из слоновой кости.

— Звучит, как бы это сказать? — Она задумалась.

— Как?

— Заманчиво.

— В самом деле? — пробормотал он. Взгляд его стал непроницаемым.

Какое-то время оба молчали. Чувствуя, что Лили погрузилась в собственные мысли, Девон не делал ни малейшей попытки прервать затянувшуюся паузу.

— Забавно... на моей памяти это первый раз, когда мы незнаем, что сказать друг другу. Раньше такого не бывало, верно?

Уголки губ Лили, дрогнув, изогнулись в улыбке, и Девон невольно залюбовался смешливыми морщинками, несколько не портившими ее безупречную кожу. По слухам, Лили была чрезвычайно разборчива в выборе любовников: целая череда титулованных джентльменов, которая прошла через ее постель, делала ее в глазах остальных весьма лакомым кусочком. Поговаривали даже, что в сексе она, мол, не знает себе равных, а злопыхатели, которых было немало, ехидничали, что в ее алькове творятся такие вещи, о которых и говорить, мол, неудобно. А тот факт, что оба они были достаточно умны, чтобы не влюбиться, друг в друга, делал ее в глазах Девона еще более привлекательной.

— Помните, когда я увидела вас в первый раз? — слегка насмешливым тоном протянула она. Выражение лица у нее стало томным. — Это было на пикнике. Я попросила хозяйку представить вас, но вы таинственным образом исчезли прежде, чем она успела выполнить мою просьбу. Единственное, что мне тогда удалось узнать, — это, что я имела удовольствие видеть младшего брата Дрейка Боскасла. По словам хозяйки, одного этого уже было достаточно, чтобы я дважды подумала, стоит ли мне играть с огнем.

— Я польщен, — с обезоруживающей улыбкой бросил Девон.

Губы вдовушки соблазнительно приоткрылись. Полная грудь, колыхнувшись, слегка

приподнялась, едва не выпав при этом из-за глубокого выреза серого шелкового платья. Однако прежде чем кто-то из них успел что-то сказать, звук раздавшихся на лестнице шагов заставил обоих попридержать языки.

У Девона вырвался раздраженный вздох — и не только потому, что их прервали на самом интересном месте. Просто из всех, кого ему хотелось видеть в эту минуту, полковник Джейсон Лидбери, старший брат Джоселин, наверняка оказался бы на последнем месте. При виде Девона тонкие губы полковника изогнулись в язвительной усмешке. Это был высокий, широкоплечий, весьма привлекательный джентльмен в военном мундире, очень похожий внешне на своего задиристого, вспыльчивого как порох отца.

Судя по всему, он унаследовал от сэра Гидеона не только внешность, но и нелюбовь к Девону, потому что лицо у него стало мрачным, как туча. «Господи, своей злопамятностью члены этой семейки могут поспорить с распушенностью, которой славились необузданные Боскаслы», — уныло подумал про себя Девон.

— Ну-ну, вот так сюрприз! — пробормотал Джейсон, переводя выразительный взгляд с Девона на Лили и обратно. — Итак, брат Боскасла прижал в углу самую очаровательную леди из всех, что я видел на этом приеме!

Глаза Девона угрожающе сверкнули. Это было предупреждение.

В отличие от него Лили, похоже, ничуть не обиделась. В ее взгляде мелькнула мягкая усмешка.

— Ах, как жаль, что я не прихватила с собой свою тетушку для сопровождения, — промурлыкала она.

— Боюсь, мадам, что даже она могла стать жертвой соблазителя, — сухо процедил Джейсон, метнув в сторону Девона неодобрительный взгляд. Лицо его было хмурым. — Видите ли, — он сокрушенно пожал плечами, — к моему величайшему сожалению, в наше время даже среди представителей родовой аристократии встречаются джентльмены, способные не задумываясь нанести вред репутации леди.

Ну вот, еще одно напоминание о том оскорблении, которое Девон в свое время нанес его сестрице! С трудом, подавив вздох, Девон предложил руку Лили.

— Похоже, я вновь имел несчастье забыть о хороших манерах. Мадам, могу я проводить вас вниз, чтобы вы могли немного освежиться? — учтиво предложил он.

— С удовольствием. — Лили с нарочитой застенчивостью опустила глаза, давая понять, что принимает его предложение. И тут же снова вскинула их. На лице ее отразилась тревога — на лестнице послышались торопливые шаги, и в полумраке возникла женская фигура. — Господи, — с легким раздражением пробормотала она, — похоже, сюда идет кто-то еще!

На этот раз их разговор был прерван появлением Джоселин. При виде этой троицы щеки девушки слабо порозовели, в темных глазах отразилась целая буря чувств. Однако она быстро взяла себя в руки, бросив на Девона уничтожающий взгляд, она с невозмутимым видом направилась к ним.

Девон с усмешкой покосился на Джоселин. Внезапно он почувствовал острое желание сделать все, чтобы подчеркнуть, что какого бы низкого она ни была о нем мнения, он вполне его заслуживает. А заодно и доказать самому себе, что не только не годится в спутники жизни для юной невинной леди вроде нее, но что она должна еще благодарить судьбу, что в свое время он не встал у нее на пути, оказав ей уже одним этим немалую услугу. Он и сам не знал, откуда взялось это желание, но противостоять ему было свыше его сил.

— Что случилось? — недовольно буркнул Джейсон, бросив осуждающий взгляд на

сестру. Лицо его стало суровым.

Джоселин с любопытством покосилась на Лили. Девон мог бы поклясться, что заметил в ее глазах огонек извечной женской ревности, хотя, по его мнению, ни о каком соперничестве в данном случае и речи быть не могло. Лили всего лишь мимолетное увлечение. Тогда как Джоселин... Джоселин была слишком неискушенной, невинной и милой, чтобы у кого-то могла подняться рука сорвать этот цветок.

— Я хотела спросить, не видел ли кто лорда Чизвика? — смущенно объяснила она.

— А зачем он вам? — спросил Девон. Искушение поддразнить ее оказалось сильнее его. — А... понял! Вероятно, его разыскивает матушка!

Джоселин с высокомерным видом пропустила его слова мимо ушей.

— Мы с Адамом условились сыграть наверху в кости, — пробормотала она. — Он был со мной... и вдруг куда-то исчез.

— Ах, в кости! — Лили расправила плечи. Ее роскошное бедро словно бы случайно прижалось к ноге Девона, однако он был слишком искушен в подобных играх, чтобы попасться на эту удочку. — Как забавно! Я бы тоже с удовольствием сыграла! — воскликнула она.

— Я тоже! — промурлыкал он, но так тихо, что его могла услышать только Лили. — Только наедине. Назовите время и место, и я к вашим услугам, дорогая.

А потом, сам не зная почему, он украдкой бросил взгляд через плечо, на Джоселин, с неприкрытым презрением в темных глазах наблюдавшую за этой сценой. Она ничего не слышала, успокаивал себя Девон, однако выражение ее лица ясно говорило о том, что она ни на мгновение не обманывается на их счет. Вряд ли Джоселин заблуждалась, считая, что они с Лили договариваются сыграть партию-другую в кости. Глядя на нее, Девон с трудом подавил желание рассмеяться.

Миссис Кранли не ответила и ничем не дала понять, что слышала его слова. Впрочем, в этом не было никакой нужды. То, что она согласится, стало ясно сразу же — еще когда он только положил на нее глаз. Девон ничуть не сомневался, что птичка попала в сети — оставалось только подождать, когда она сама позовет его. Чутье подсказывало ему, что это случится скоро.

Сэр Гейбриел Боскасл, весьма самоуверенный, хоть и далекий от совершенства джентльмен, приехал на прием незадолго до последнего танца, за которым должен был последовать поздний ужин. Это был первый раз, когда он удостоился приглашения на один из пресловутых приемов лорда Ферншо, и это притом, что его гораздо более популярные в высшем свете кузены Боскассы неизменно возглавляли список самых почетных гостей.

Увы, Дрейка Боскассы, его злого гения, тут не было, а Гейбриел дорого дал бы, чтобы спровоцировать его на какую-то выходку. Он подозревал, что Дрейк и эта бывшая гувернантка, его жена, упивавшиеся радостями медового месяца, вероятно, еще долго не вылезут из супружеской постели. Нет, он ни в чем не винил кузена. Жалел его — это да. Зато отсутствие необходимости подлизываться к Дрейку наполняла Гейбриела счастьем.

Поскольку Дрейк, женившись, вынужден будет покончить с веселой холостяцкой жизнью, Гейбриел сознавал, что просто обязан занять его место и пуститься во все тяжкие, следуя примеру остальных неженатых братьев Боскассы. Как ни странно, он вдруг поймал себя на том, что начинает потихоньку входить в роль «конкурента со стороны» и, больше того, это даже начинает ему нравиться. Возможность с головой окунуться в совершенно

новый для него мир бурных развлечений, мир, в котором его непутевые родственники чувствовали себя словно рыба в воде, тот самый мир, что еще совсем недавно отверг его, неудержимо манила Гейбриела.

И он дал себе слово, что изведает их все — от первого до последнего, воспользовавшись тем пропуском, который дали ему неугомонные кузены.

Войдя, Гейбриел с независимым видом позволил горничной стащить с его плеч тяжелое черное пальто из толстой шерстяной ткани. Безмолвное одобрение, которое он прочел в глазах девушки, позволило ему предположить, что его надежды не останутся, обмануты и эту ночь он наверняка проведет не один. В ответ он одарил ее улыбкой, многообещающей и безразличной одновременно.

— Это все, сэр? — робко спросила она. — Вам больше ничего не нужно?

— Пока нет.

Пожирая глазами Гейбриела, направившегося в сторону гостиной, девушка судорожно прижала к себе его пальто. К ней тут же подскочила еще одна горничная. Узнав фамилию припозднившегося гостя, она слабо ахнула, после чего засыпала товарку вопросами.

— Ну, надо же — сразу двое Боскаслов! — благоговейно прошептала одна из них... достаточно громко, чтобы Гейбриел услышал ее слова. — Ох, батюшки... у меня сейчас сердце разорвется!

Гейбриел невольно рассмеялся.

Нет, конечно, он несколько не возражал бы заполучить в свою постель смазливую горничную. Но с другой стороны, не для того же он тащился сюда из Эссекса, чтобы обольщать хозяйских служанок, верно? Нет, Гейбриела манила куда более соблазнительная добыча — сказать по правде, мечтал заманить в постель прелестную Лили Кранли. Белокурая вдовушка ничуть не скрывала, что сгорает от желания найти себе мужчину, способного удовлетворить ее аппетиты и при этом не озабоченного матримониальными прожектами. Ей не было никакой нужды снова выходить замуж — покойный супруг оставил ей достаточно денег, чтобы она имела возможность удовлетворить любой свой каприз. От своих многочисленных любовников прелестная Лили не требовала ничего, кроме пылкой страсти.

Конечно, тот немаловажный факт, что Девон Боскасл, по слухам, ухаживал за ней, только разжег аппетиты Гейбриела. Теперь миссис Кранли стала еще соблазнительнее в его глазах. Забавно, что до того, как Девон во всеуслышание объявил о своих планах сделать Лили своей любовницей, Гейбриел почти не замечал ее. Впрочем, его это несколько не удивляло — соперничать с кем-то из Боскаслов для Гейбриела было так же естественно, как дышать.

Он даже не потрудился повернуть головы — к чему? Он ведь и без того слышал, как обе горничные благоговейно вздыхают ему вслед. Нет, взгляд Гейбриела устремился к другой женщине, чья точеная фигура и облако рыжеватого-золотистых волос делали ее неотразимой. Не Лили, конечно, мысленно вздохнул он, но достаточно хороша, чтобы он не скучал в ближайшие несколько дней.

От всего облика юной леди, той самой, что привлекла внимание Гейбриела, веяло неприступностью. Гейбриел только взглянул на нее, и кровь ударила ему в голову. Мысленно он поклялся, что эта девушка будет принадлежать ему. Между тем он голову дал бы на отсечение, что до этого дня они не встречались — ее лицо было ему незнакомо. Впрочем, как и физиономия какого-то тонкогубого субъекта, от которого она, похоже, не

могла оторвать глаз. Господи, спаси и помилуй, неужели это... нуда, Чизвик! Гейбриел поморщился. Этот кавалерийский офицер, которого сам Гейбриел считал дикарем и пещерным человеком, славился тем, что каждое воскресенье исправно навещал свою матушку.

— Можешь меня поздравить — вдовушка уже моя! Как дела, Гейбриел?

Вздвигнув, тот слегка повернул голову, мигом узнав прозвучавший за его плечом низкий голос. И ничуть не удивился, увидев незаметно подошедшего к нему Девона Боскасла, своего кузена. Удивило его другое: неужели младший братишка Дрейка готов продолжить традицию дружеского соперничества, уже несколько лет продолжавшегося между Дрейком и Гейбриелом? Двое кузенов без конца измывались друг над другом. Добивались расположения, одних и тех же дам, постоянно ссорились между собой. Но спаси Боже того безумца, который осмелился бы перейти дорогу кому-то из Боскаслов!

Гейбриел простодушно пожал плечами.

— А что, ты уже успел застолбить участок? — с наигранно невинным видом поинтересовался он, догадываясь, что опоздал. Когда он уезжал, в Лондоне только и разговоров было, что о Девоне и Лили Кранли.

— Спроси у нее самой! — ухмыльнулся Девон.

На его красивом лице, правильностью черт и чистотой линий напоминавшем лицо античной статуи, промелькнула усмешка, полная такого самодовольства и надменной уверенности в собственной неотразимости, что Гейбриелу стало не по себе. Впервые ему пришло в голову, что этот младший отпрыск Боскаслов, возможно, унаследовал худшие пороки своих братьев.

Веселый, обожающий всякие проделки Девон, казалось, выбирался из одного шумного скандала только для того, чтобы угодить в другой, но до сих пор ему все сходило с рук. Его все любили — благодаря неотразимому мужскому обаянию и умению всегда уладить дело миром, он был желанным гостем в любой компании. О его многочисленных победах над женщинами ходили легенды. Недоценивать такого соперника было бы глупо и недальновидно. Гейбриел по собственному опыту знал, к чему это приводит.

— Она моя, — добавил Девон с таким самоуверенным видом, что можно было позавидовать. В глубине души Гейбриел даже гордился им — черт, да ведь они с Девонем родня. Но...

— А как насчет пари, в чьей постели твоя прелестная вдовушка окажется раньше? — брякнул он. И моментально пожалел, что вовремя не прикусил язык.

Девон метнул в его сторону испепеляющий взгляд, подтвердивший худшие опасения Гейбриела. Судя по своей репутации баловня женщин, Девон, похоже, превзошел старших братьев.

— Пари? Что ж, я не прочь... если, конечно, тебе не жалко своих денег. — Девон дружески хлопнул Гейбриела по плечу, и тот едва удержался на ногах.

В улыбке, с которой Гейбриел смотрел на кузена, не было ни капли фальши — ничего, кроме искреннего восхищения. «В конце концов, что он теряет», — подумал Гейбриел. К тому же он всегда любил Дева, что нисколько не помешало бы ему сделать все, чтобы увести у него из-под носа Лили.

Небрежным кивком, отпустив лакея до утра, Девон повернулся и вдруг заметил лежавшую на полу записку, которую чья-то рука в этот самый момент подсунула под дверь

его спальни. Он уже направился, было к двери, чтобы выглянуть в коридор и посмотреть, кто это был, но благоразумно отказался от этой мысли. В конце концов, любовные записочки, в которых назначались свидания, на приемах, подобных нынешнему, были самым обычным делом.

Подобные проделки и прочие шалости, вроде интимных встреч наедине, и были главной причиной, почему представители лондонской знати слетались сюда, словно мухи на мед, хотя, конечно, любой из них скорее бы откусил себе язык, чем признался в этом.

Сам Девон уже успел тактично отклонить с десятков таких приглашений, полученных им во время танцев и потом, когда все общество сидело за ужином. Их последний с Лили разговор не оставил ему ни малейших сомнений, что капитуляция прелестной вдовушки последует незамедлительно. А то, что Гейбриел, похоже, тоже положил на нее глаз, не имело для Девона ровно никакого значения.

Впрочем, непохоже, чтобы кто-то из присутствовавших на приеме джентльменов увлекся ею всерьез. Да и сама Лили, как ему казалось, не стремилась отдать кому-то предпочтение.

Ему приходило в голову, что миссис Кранли решила помучить его до завтра. Девон не возражал. По своему опыту он знал, что небольшая любовная прелюдия сделает капитуляцию еще слаще. К тому же Девон был терпелив, умел не только получать, но и дарить наслаждение, а дружбу и доверие ценил ничуть не меньше страсти.

Поэтому ему и в голову бы не пришло сделать вид, что он не понимает сделанных ему намеков, тем самым, нанеся миссис Кранли обиду, тем более что следующая неделя обещала подарить ему столько радостей.

Но к величайшему удивлению Девона, очарование Лили было тут ни при чем. Нет, его тянуло к прелестной вдовушке... но одновременно с этим Девона мучило еще одно искушение, с каждой минутой все более громко, заявляя о себе, — и это-то как раз и сбивало его с толку. Другая женщина. Женщина, чьи широко раскрытые темные глаза смотрели на него с нескрываемым презрением. Женщина, которую он упустил четыре года назад, позволив ей ускользнуть из его рук... Девон горько усмехнулся. По странной иронии судьбы он хотел только ее.

Это все потому, что Джоселин Лидбери не имеет ничего общего с завсегдатаями подобных приемов, твердил он себе. Адам Чизвик, этот тьюфяк, вряд ли способен защитить ее. Собственно говоря, если бы он всерьез собирался взять на себя роль ее защитника, то ему не следовало ни на минуту оставлять ее... особенно с таким распутником, как Девон Боскасл.

Подойдя к двери, он нагнулся, поднял с пола записку и не спеша сломал еще не успевшую застыть печать. Тщательно составленное послание не оставляло никаких сомнений в том, что леди ничуть не меньше его самого сгорает от желания предаться любовным утехам. Итак, ее кокетливое поведение за столом не обмануло его.

Девон поднес записку к глазам.

«Мой ненаглядный дьявол! Мы оба уже достаточно взрослые люди, чтобы осознавать, чего мы хотим, и вместе с тем достаточно молоды, чтобы давать волю своим желаниям. Несмотря на свою репутацию, в душе я по-прежнему осталась скромной женщиной. Поэтому если то, что я прочла в ваших глазах, не сиюминутный каприз, если вы искали моего внимания не для того, чтобы посмеяться надо мной, тогда жду вас сегодня ночью. Приходите, четверть первого в восточную башню — там нам никто не помешает, и мы,

наконец, получим возможность дать волю чувствам. Надеюсь, что вы еще не потеряли ко мне интерес. Если хотите сделать мне приятное, наденьте ваше пресловутое домино, которое пользуется такой дурной славой. Л.».

По губам Девона скользнула усмешка. От бумаги исходил явственный аромат лилий, лучше любой подписи, говоривший о том, кто был автором записки. Странно... раньше он не замечал, чтобы она пользовалась этими духами. Девон невольно поморщился. Лили недостает утонченности, решил он. Глупо брызгать на бумагу одеколоном — тем более женщине, за которой он волочился целый месяц.

Пожав плечами, он направился к стоявшему у стены дубовому гардеробу, по дороге небрежно уронив записочку на стол. Сняв с себя длиннополый сюртук, который был на нем весь этот вечер, Девон вытащил из гардероба домино — просторный черный плащ с капюшоном и полумаску, делавшими его похожим на разбойника с большой дороги, и невольно ухмыльнулся — это одеяние напомнило ему об одном из самых шумных лондонских скандалов. Он не знал, собирается ли Олтон Ферншо в этом году устроить маскарад, но на всякий случай позаботился прихватить его с собой.

И как это он сразу не сообразил? Скорее всего, его недолгая, но яркая карьера в роли грабителя подействовала на Лили Кранли как изрядная порция афродизиака. Девон припомнил, как она во время разговора пару раз туманно намекала на его прошлые подвиги. Кто бы мог подумать, что одна-единственная шалость, о которой сам он уже не раз успел пожалеть, повлечет за собой столько разговоров, возбуждая самые невероятные фантазии женщин по всей Англии, женщин, которых он и в глаза никогда не видел!

Девон, покачав головой, недоуменно пожал плечами. Ему вдруг почему-то стало неприятно. Сам бы он предпочел, чтобы дамы восхищались его остроумием... или недюжинным умом... или, на худой конец, его изобретательностью в любви. Как-то несправедливо, поморщился он, что своими победами на любовном фронте он до сих пор обязан совершенному когда-то просчету. Будь его воля, он бы с радостью забыл об этом.

Но... что было, то было. Именно полумаске и черному с капюшоном плащу он во многом обязан тем, что женщины бросаются ему на шею. Это только доказывает, добавил про себя Девон, что умный человек способен, что угодно обратить себе на пользу.

Джоселин казалось, минула вечность, пока она добралась до восточной башни, — сначала она томительно долго пробиралась по опустевшим коридорам замка, потом взбиралась по какой-то лестнице, которой конца-краю не было. Звуки шумного веселья, доносившиеся из западной башни, постепенно стихли вдали. Ей вдруг стало не по себе. А ведь всего несколькими часами раньше, получив записку Адама, Джоселин пришла в неописуемый восторг — мысль о полночном свидании показалась ей невероятно романтичной.

И правда, кто бы мог подумать, что страсть способна толкнуть ее чинного, даже чопорного поклонника на подобный отчаянный шаг?

А какая еще причина могла заставить ее тащиться в такую даль, подумала Джоселин. Господи, да эти коридоры, наверное, растянулись на целую милю, возмущалась она про себя. А теперь еще приходится карабкаться по этой чертовой лестнице!

Естественно, подразумевалось само собой, что, если бы предложение встретиться в башне исходило не от Адама, а от какого-нибудь другого молодого человека, у нее и в мыслях не было бы отправиться туда, да еще среди ночи. До сих пор, во всяком случае, ни одному джентльмену никогда не приходило в голову сделать ей столь смелое предложение.

Наверное, именно поэтому его затея встретиться ночью, втайне от всех, показалась ей такой заманчивой. Судя по неровным каракулям, Адам, когда назначал ей тайное свидание, нервничал по этому поводу ничуть не меньше ее самой. Но он был не только храбрым офицером, но и порядочным человеком, настоящим джентльменом, и он уже не раз намекал, что намерен на этом приеме просить ее руки. Не будь Джоселин совершенно уверена, что он вот-вот готов сделать *ей* предложение, она бы швырнула записку ему в лицо. Хотя, если честно, втайне она была польщена — разве безрассудство Адама лишний раз не доказывало силу его любви? Странно... он всегда казался таким предсказуемым. Она и помыслить не могла, что за его холодной сдержанностью и чопорностью кипит вулкан страстей.

И вдобавок он еще попросил ее надеть маску, чтобы кто-нибудь, упаси Господи, не узнал ее, пока она будет пробираться к башне. Господи, ну надо же, какой заботливый, расчувствовалась Джоселин. Настоящий джентльмен! И какой предусмотрительный — выбрал такое место, где никто не бывает, так что их свидание так и останется тайной для всех!

Такое... уединенное место.

Слишком уединенное, учитывая, что это их первое свидание.

Но ведь они собираются пожениться. А это совсем другое дело, с жаром твердила себе Джоселин. В конце концов, все хорошо, что хорошо кончается.

Внезапно она замерла, едва не ткнувшись носом в узкую сводчатую дверь, за которой скрывался вход в башню. Шевельнувшееся в душе беспокойство заставило девушку похолодеть, и радостное возбуждение Джоселин разом куда-то исчезло. А вдруг кто-нибудь застанет ее тут наедине с Адамом? Тогда всему конец... они будут вынуждены обвенчаться как можно скорее, иначе ее репутация окажется погубленной. А это значит, что не будет ни пышной свадьбы, ни белого платья с длинным шлейфом, о котором она мечтала. Нет, конечно, все это она переживет, однако почему-то ей стало неприятно. Ведь она никогда не делала ничего подобного.

Она бы, наверное, еще долго топталась в коридоре, гадая, стоит ли так рисковать, но тут дверь внезапно распахнулась, и Джоселин, почувствовав острый укол любопытства, заглянула в комнату. Первое, что она смогла разглядеть, был какой-то темный силуэт, едва выделявшийся на фоне еще более темной стены. Комната была погружена в темноту, только сквозь узкое окно просунулся тоненький луч луны, растекаясь серебряной лужицей на полу.

— Осторожнее, — предупредил мужской голос. Странно — он казался таким знакомым и тем не менее... гораздо более мужественным, чем у Адама. На ее памяти таким голосом тот говорил всего один раз, когда на каком-то приеме во время игры в шарады пытался изобразить герцога Веллингтона.

Джоселин машинально поправила прикрывавшую лицо маску. Забавно, насколько привлекательнее Адам выглядит в темноте, пронеслось у нее в голове. Полностью скрывающий фигуру темный плащ делал его загадочным и чуть-чуть опасным — это пугало и одновременно восхищало Джоселин.

— Тут темно, как...

Железные пальцы сомкнулись вокруг ее запястья, и Джоселин испуганно пискнула. Последовал резкий рывок — и мужчина втащил ее в комнату, с оглушительным грохотом захлопнув за ней дверь. Прокатившееся по комнате эхо на мгновение оглушило Джоселин. Испуганно ойкнув, она споткнулась и чуть не растянулась на полу, но та же сильная рука, подхватив ее, не дала упасть.

— Чертовски неудобное место выбрали вы для свидания, — сухо проворчал мужчина, и она почувствовала на своей щеке его горячее дыхание. — Проклятие... тут даже кровати нет!

— Чего нет?! — растерянно спросила она.

Его голос. Неудивительно, что он показался ей более низким, чем обычно, — на лице мужчины тоже была маска. Помимо этого, он был с головы до ног закутан в черный плащ с капюшоном, скрывавшим почти полностью его лицо. К тому же, отправляясь на ночное свидание, он скорее всего надел другие башмаки, потому что теперь казался заметно выше ростом. Джоселин была вынуждена признать, что в таком виде Адам нравится ей гораздо больше. Правда, он совершенно не был похож на себя, однако это несколько его не портило. Скорее наоборот. Забавно все-таки, как одежда меняет мужчину, подумала Джоселин. Интересно, это благодаря своему черному плащу он выглядит таким мужественным? Таким... таким властным. Странно, ведь как раз этой черты она раньше в нем не замечала.

Да, вот уж никогда бы не подумала, удивлялась Джоселин.

Она бы еще долго размышляла на эту тему, но тут мужчина, придвинувшись вплотную, прижал ее спиной к стене. Какой он огромный, успела подумать Джоселин. Из груди девушки вырвался прерывистый вздох.

— Ну, так как? — пророкотал он. — Должен ли я объявить вас своей пленницей? Или вы предпочитаете сдаться на милость победителя?

Джоселин растерянно хихикнула. Ей показалось, она ослышалась.

— Что?!

— Хотите поиграть, дорогая? Ладно, тогда беру вас в заложницы, — услышала она возле уха возбужденный шепот. — Сказать по правде, я не успел осмотреть комнату, чтобы подготовиться к вашему приходу, но... — Мужчина, повернув голову, вглядывался в темноту. — Не важно. Наверняка здесь найдется какой-нибудь шнурок, которым я смогу связать вас по рукам и ногам.

Этот голос... Джоселин почувствовала, как от внезапного страха по спине побежали

мурашки. О Господи! С каких это пор Адам стал таким восхитительно... порочным?

— Связать?!

— Согласен — на этом каменном полу нам будет чертовски неудобно. Ничего, я постелю свой плащ, — галантно предложил он с таким видом, словно не раз уже делал подобное. — Ну-с, что прикажете вам связать, щиколотки или запястья?

Его голос. Горло словно сдавила тугая петля. Не хватало еще грохнуть в обморок, подумала Джоселин. Ах да, что же это он спросил... что ей связать — щиколотки или запястья? Господи... что происходит?! Должно быть, она просто ослышалась. Адам просто не мог такое сказать.

— А может, и то и другое? — с изысканной вежливостью предложил он. — Обожаю играть в эту игру. Сам бы не отказался, чтобы меня связали, но... чего не сделаешь, чтобы доставить даме удовольствие!

— Не может быть, чтобы вы предложили связать меня шнурком от звонка... это какая-то дикость, — придушенным голосом прошептала она.

— Нуда, шнурком от звонка. А вы что-то имеете против шнурков? Только он должен быть достаточно длинным — ведь мы же не хотим, чтобы на этом роскошном теле остались следы, верно? Не хватало еще, чтобы кто-то из гостей догадался, в какие игры мы тут играли.

— Кто вы такой? — задыхнувшись, пролепетала она, с трудом, по одному, выдавливая из себя слова, так и норовившие застрять в горле.

— Кто я? Вам этого никогда не узнать! — высокопарным тоном, словно плохой актер со сцены, объявил он. — Впрочем, вы ведь сами этого хотели, не так ли? Стать пленницей незнакомого мужчины — что может быть романтичнее?

Джоселин потрясла головой. Мысли у нее путались, по спине побежали мурашки. По правде сказать, она сама не понимала почему. То ли от потрясения, которое ей пришлось испытать, то ли оттого, что его затянутые в перчатку пальцы коснулись ее щеки, после чего начали томительно-сладкое путешествие вниз, спустились по шее, после чего ловко скользнули за вырез ее платья, нащупали грудь и принялись ласкать соски. На нее вдруг нахлынула такая слабость, что Джоселин покачнулась, едва не потеряв сознание.

Почему-то все хитроумные застежки, шнуровки и крючки ее платья, которые ее горничная, весьма ловкая и умелая девица, застегивала и зашнуровывала добрых полчаса, вдруг разом расстегнулись и ослабли, словно по мановению волшебной палочки. И помертвевшая Джоселин внезапно почувствовала, как ее кожи одновременно коснулись холодный воздух и теплая кожаная перчатка.

Боже мой... она же полуголая! Мужчина в маскарадной маске, ослабив шнуровку на платье, спустил его с плеч, обнажив ее грудь. Но самое страшное — это, что ее тело не замедлило отозваться на его прикосновения. Соски разом затвердели, превратившись в тугие бутоны, и почему-то сразу стали невероятно чувствительными. Она попыталась стряхнуть с себя наваждение.

— По-моему, игра зашла слишком далеко, — дрогнувшим голосом прошептала Джоселин.

— Тогда давайте поиграем в другую, если хотите, — с готовностью отозвался мужчина. Твердые губы впилась в ее рот, потом припали к груди. — Желаете, чтобы я взял вас на руки? Или, может, опустить вас на пол? К слову сказать, дорогая моя, я бы сам выбрал местечко поудобнее, учитывая сжигающую нас страсть. Кстати, что это вам вздумалось назначить мне свидание в этой чертовой башне?

Этот голос! Да, возможно, из-за надетой на лицо маски он звучит глухо, но все равно этот голос не может принадлежать Адаму! Не говоря уже об этих руках... у Адама просто не может быть таких опытных, таких искушенных в ласках рук! В этот момент одна из них, пощекотав ее сосок, скользнула вниз, погладила плоский живот, после чего пробралась между ногами, в то укромное местечко, которого сама Джоселин стеснялась касаться.

— Вы не Адам! — вдруг объявила она. Ноги у нее подкосились, кости внезапно, как будто начали плавиться, перед глазами все поплыло. Она сама не понимала, что с ней происходит — ведь самым дальним уголком сознания она сразу догадалась обо всем. Догадалась в ту самую минуту, как почувствовала прикосновение его руки. Никакой маскарадный костюм не может мгновенно превратить заурядного мужчину в опытного соблазнителя.

Мужчина слегка смутился.

— А вы уж точно не Лили Кранли, — пробормотал он. В его низком, чувственном голосе звучала нескрываемая ирония. — Хотя у меня и в мыслях нет упрекать вас в этом.

— Так вы ждали Лили?! — прошептала она.

— Сказать по правде, мадам, я польщен оказанной мне честью, всеми этими хлопотами, на которые вы решились, чтобы встретиться со мной наедине. Но к чему все эти уловки и хитрости, мой ангел? Вам нет нужды скрывать, что вы желаете меня, — я бы и так пришел, хотя бы просто для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. Ну и ваше, естественно.

— Я ничего не понимаю, — пробормотала она.

— Конечно, если вас не возбуждает сама атмосфера тайны, — как ни в чем не бывало, добавил он.

Глаза мужчины насмешливо сверкнули в прорезях маски — похоже, ему нравилось дразнить ее. Джоселин хотела крикнуть, но крик замер в ее горле. Да и неудивительно, потому что она вновь ощутила его властные руки на своем теле. Она не понимала, что он с ней делает... Медленным движением он опрокинул ее на спину. Джоселин почувствовала, как он подхватил ее, и она застыла, откинувшись в позе полного подчинения. Мускулистые бедра сомкнулись вокруг нее, словно стальные тиски. Нагнувшись, мужчина приблизился к ней, и Джоселин испуганно сжалась, почувствовав, как его напрягшееся копьё уткнулось ей в живот.

Жесткие губы впились в ее рот глубоким обжигающим поцелуем, который заставил бы ее замолчать... если бы к этому времени она уже не потеряла всякую способность выдавить из себя хоть слово. Наверное, нужно было защищаться... но в душе Джоселин вдруг поднялась такая буря чувств, что она и думать забыла об этом. Она хотела... нет, она изнывала от желания изведать то, что могли сделать с ней эти мужские руки. Эти нежные... эти грубые мужские руки. Руки, перед которыми невозможно было устоять. Она повнимательнее всмотрелась в его лицо. Чужое... и вместе с тем странно знакомое, подумала она. Мужчина осыпал поцелуями ее шею, ее плечи, а потом вдруг опустил голову, и Джоселин, ахнув, почувствовала, как он втянул губами ее сосок.

О Боже... какое наслаждение! Томительно-греховная и вместе с тем сладостная боль разлилась по телу, разбудив желание, которое настоятельно требовало удовлетворения. А потом она вдруг ощутила, как между бедер у нее стало горячо и влажно, и чуть не умерла от стыда.

Где-то в самом дальнем уголке сознания трепыхнулась мысль о том, что нужно заставить его остановиться, однако Джоселин задушила ее, не дав ей даже оформиться в

слова. Она сама не понимала, что заставило ее так поступить — его искусные ласки, перед которыми она не могла устоять, или то, что у нее попросту не осталось сил сопротивляться.

У нее не было ни малейших сомнений в том, что мужчина чувствует ее нерешительность и прекрасно знает, как этим воспользоваться. Губы его, оторвавшись от ее груди, снова скользнули по ее шее, а потом запечатали ей рот поцелуем, от которого даже эти жалкие остатки мыслей вылетели у нее из головы. Не Адам... это не Адам, твердила она себе, даже когда он уже опускал ее на пол... или у нее просто подогнулись ноги? Джоселин не знала — просто почувствовала, что куда-то падает.

Ради всего святого... что он делает?! Впрочем... вспоминать в подобный момент о небесах было довольно глупо. Все, что он вытворял с ней, было на удивление земным, порочным до мозга костей и сладостным до того, что она плавилась в его руках. Возможно, будет лучше не думать об этом, промелькнуло у нее в голове, тем более что его намерения были абсолютно ясны.

— Откройся мне, — шепотом попросил он. Облизав ее сосок, он слегка подул на него, отчего кожа у Джоселин покрылась мурашками. — Подари мне себя.

Какая-то часть ее, готова была, без каких бы то ни было возражений сделать, как он просит. Другая пыталась свалить вину за охватившую ее слабость на царившую в комнате темноту, из-за которой все происходившее с ней казалось каким-то нереальным. Но даже обступивший их мрак был бессилён — Джоселин почувствовала, что не может и дальше обманывать себя. Это сильное тело, прижимавшееся сейчас к ней, не могло принадлежать мужчине, к которому она торопилась на свидание.

Настало время сорвать с самозванца маску.

Девон даже не мог припомнить, когда в последний раз подобная игра возбуждала его до такой степени, как сейчас. Женщина, которую он держал в объятиях, чуть слышно постанывала, хватая воздух пересохшими губами, как будто ее никогда раньше не целовали. А кстати, спохватился он... Теперь, поймав себя на этой мысли, Девон внезапно вспомнил странную неловкость, с которой она прижималась к нему, и это отрезвило его мгновенно, словно ушат холодной воды, который кто-то внезапно опрокинул ему на голову. Нет, не может быть!

Закрыв глаза, Девон постарался собрать то, что еще оставалось от его самообладания. До него доходили слухи о том, что очаровательная вдовушка предпочитает секс грубый, откровенный и быстрый, а всякие прелюдии и любовные игры считает откровенной глупостью. В отличие от нее Девон наслаждался, всячески оттягивая момент, когда нужно будет переходить к решительным действиям. Он обожал дразнить свою партнершу и невероятно возбуждался, слушая, как она стонет и извивается от наслаждения в его умелых руках перед тем, как окончательно потерять голову. Собственно говоря, он получал удовольствие, доставляя удовольствие женщине. Что ж, если Лили возбуждает исключительно грубый секс, пусть будет так, как хочет она.

Все было чудесно... если не считать того, что женщина, которую он держал в объятиях, была кто угодно, только не Лили Кранли — и он прекрасно это знал.

Аромат ее тела. Ее голос. Он знал ее... и вместе с тем она по-прежнему оставалась для него незнакомкой. Наивная пылкость, с которой она отвечала на его ласки, изумляла его — все это было так не похоже на искушенность, к которой он уже давно привык и которую ожидал встретить и на этот раз. И при этом именно она пригласила его на свидание, напомнил он себе. Странно... неужели страх заставил ее отказаться от мысли подписать

записку своим настоящим именем, гадал Девон. Боялась, что любовное послание попадет в чужие руки? Или она опасалась другого — что он попросту не явится на свидание, если будет заранее знать, кто она такая?

Впрочем, все это не имело никакого значения. Он держал ее в объятиях, чувствуя, как сладостно содрогается ее тело от каждого его прикосновения. Эта женщина желала его до такой степени, что, не задумываясь, назначила ему свидание. Ну что ж, об остальном он позаботится сам, мысленно усмехнулся Девон.

— Может, ну их, к черту, эти маски? — пробормотал он. — Собственно говоря, я бы с радостью стащил с вас не только маску, но и одежду.

— Это вы! — сдавленным голосом прошептала она.

— Ну, конечно, это я, — пробормотал он. Джоселин даже в голову не пришло спросить, как его зовут, — она и без того это знала. Знала еще тогда, когда его лицо было прикрыто маской.

Кто из присутствующих на приеме гостей был настолько коварен и беспринципен, чтобы, прикрываясь именем порядочного человека и настоящего джентльмена, заманить ее среди ночи в башню?! В чьей голове мог родиться этот дьявольский план? И кто был настолько порочен, чтобы хладнокровно довести его до конца?

— Девон Боскасл, — прошептала она, не в силах оторвать от него глаз.

Мужчина, тряхнув головой, сбросил капюшон, после чего снял с лица маску. Скульптурно очерченные губы дрогнули в усмешке.

— Джоселин, — недовольно буркнул он. После чего разразился оскорбительным хохотом. — Ну конечно, как же я сразу не догадался?! Это вы!

— А кто же еще! — возмущенно отпихнув его в сторону и выпрямившись, бросила она. — Можно подумать, это не вы заманили меня сюда!

— Какой неожиданный и приятный сюрприз! — хмыкнул он. И вдруг она поняла, что он говорит это совершенно искренне. — А я и понятия не имел, что вы столь пылко желаете меня. Откуда мне было знать, что в душе вы такая страстная?

— Нет-нет, я не такая, — залепетала она. — Не такая!

Девон ошеломленно разглядывал ее. Сказать по правде, он понятия не имел, что теперь делать — продолжать эту игру или бежать со всех ног? Теперь, когда он впервые мог получить то, от чего так беспечно отказался четыре года назад, он готов был на все за исключением, естественно, тех карательных санкций, которые обычно следуют, когда соблазняешь невинную юную леди. Если честно, у него и в мыслях не было, что она так серьезно воспримет сказанные им вечером слова. Знай, он об этом, подумал Девон, уж он бы выбрал для свидания местечко получше, чем эта чертова башня!

Однако взгляд, который он украдкой бросил на ее возмущенное лицо, лучше любых слов убедил его в том, что Джоселин понятия не имела, что они зайдут так далеко. Девон почувствовал себя обманутым. Конечно, она была соблазнительна, слов нет, но, сказать по правде, он сильно сомневался, что притащился бы сюда, зная, что его оставят с носом. Впрочем, он не тот человек, чтобы обидеться на даму... особенно такую очаровательную.

Мысли его прервал голос Джоселин.

— Как вы могли?! — негодуя бросила она. — Каким же низким и наглым человеком нужно быть, чтобы обманом заманить меня сюда?

Брови Девона удивленно поползли вверх.

— Я заманил вас сюда?! Но ради всего святого, зачем это мне?

— Не заставляйте меня объяснять, зачем вам это понадобилось, Девон. У меня язык не повернется это сделать, — бросила она, зябко обхватив себя за плечи. — Я хочу сказать, леди неприлично говорить вслух о таких вещах, а ваши действия сами говорят за себя... в общем, все и так понятно.

Девон недобро ухмыльнулся:

— Вот как? А леди прилично заманивать кого-то в башню среди ночи на любовное свидание? Или позволять заманить себя?

— Значит, вы признаетесь? — торжествующе воскликнула она.

— Кто — я? И не думал даже! И перестаньте трястись! — рявкнул он. — Это выводит меня из себя! Если бы я собирался съесть вас живьем, я бы уже сделал это.

— Думаете, я трясусь, потому что боюсь вас? Вовсе нет! — фыркнула она. — Просто здесь холодно, как... как в склепе. Я замерзла.

— А кстати... для чего вы, собственно, явились сюда? — спохватился он. В его низком голосе явственно слышалось неодобрение.

— Ну, во всяком случае, не для того, о чем вы подумали, — презрительно скривилась она.

Какое-то время он молча смотрел на нее, разинув рот. Потом вдруг принялся хохотать:

— Господи... А я-то вообразил, что вы назначили мне свидание!

Джоселин вытаращила глаза.

— Один из нас точно спятил, — мрачно констатировала она. — Послушайте, так вы пытались меня соблазнить или мне это приснилось?!

— Ладно, признаюсь, — легкомысленно кивнул он. — Да, я действительно намеревался вас соблазнить. В свою защиту могу сказать, что вы не очень-то сопротивлялись.

Джоселин открыла, было, рот, собираясь спорить, однако единственный звук, который ей удалось издать, было невнятное мычание. Да уж, что верно, то верно, она действительно и не думала сопротивляться. Нужно быть полной дурой, чтобы утверждать обратное.

— Ну... я же не знала, что это вы, — уклончиво возразила она. По крайней мере, мрачно подумала она, это была чистая правда.

Девон пожал плечами. После чего заявил такое, что Джоселин чуть не хлопнулась в обморок от удивления.

— Между прочим, я тоже не догадывался, что это вы, — буркнул он.

— Видит Бог, в жизни своей не попадала в подобное унижительное положение!

Девон обезоруживающе улыбнулся. Непонятно почему, но эта улыбка вдруг привела ее в ярость.

— Единственное, чего я хотела... то есть хочу, — поправилась она, попятившись к двери, — это сделать вид, будто ничего этого не было.

— Неплохая идея, — похвалил он. — Спасибо, — скривилась она.

— Пожалуйста.

— Тогда до свидания.

— Подождите! — Тяжело вздохнув, он протянул руку. Ее маленькая ладонь утонула в его руке прежде, чем она успела схватиться за ручку двери. — Позвольте мне.

— Позволить вам что? — подозрительно прищурившись, спросила она.

— Позвольте мне сначала убедиться, что вы можете спокойно выйти. Что там безопасно.

— Можно подумать, мне безопаснее оставаться тут с вами, — фыркнула она,

попытавшись с независимым видом протиснуться мимо него. — Если...

— Шш... помолчите! — зашипел он. — Мне кажется, я что-то слышу.

Джоселин раздосадовано обернулась. Что он может слышать, кроме неровного биения ее сердца? Ах, какой лицемер! Выразительно фыркнув, она скрестила руки на груди, кое-как стянув края расшнурованного корсажа, наблюдая за тем, как он, прикинув ухом к двери, старательно делал вид, что прислушивается. Ну и негодяй, возмущалась она. Джоселин могла бы поклясться, что даже воздух, которым он дышит, и то какой-то порочный.

— Проклятие, — сквозь зубы процедил он.

Джоселин, не слушая его, попыталась застегнуть корсаж. Учитывая, что в комнате царил полный мрак, а ни горничной, ни зеркала поблизости не наблюдалось, задача была почти невыполнимая.

Ах, какая дура! Подумать только... притащилась сюда среди ночи в надежде получить сделанное по всем правилам предложение руки и сердца! Она в досаде закусил губу. Как она могла позволить ему... Нет, об этом лучше не думать!

Страшно даже представить, что сделает Адам, если узнает обо всем. Джоселин в ужасе зажмурилась. Наверняка он будет в шоке, обреченно подумала она. И ни за что не поверит, что ее обманом заманили сюда. Возможно, он даже сочтет своим долгом вызвать Девона на дуэль. Ну, если, конечно, Джоселин не прикончит его еще раньше.

А что, хорошая мысль, развеселилась она. Идея неожиданно ей понравилась.

Ее будущая жертва, ничего не подозревавшая о ее кровожадных замыслах, внезапно обернулась.

— Я явственно слышал шаги. Кажется, кто-то поднимается по лестнице, — объявил он с тревогой в голосе, которая мгновенно передалась и ей.

— Так закройте дверь! — нетерпеливо пробормотала она.

— Интересно как?! Или вы не заметили, что тут нет замка! — так же нетерпеливо бросил он в ответ.

Джоселин испуганно шарахнулась в сторону.

— Черт возьми, а как я могла это заметить? — возмущенно прошипела она. — Если вы помните, я попала в лапы к разбойнику с большой дороги. «Прикажете связать вам щиколотки или запястья?» — издевательски напомнила она.

— Тысяча чертей! — пробормотал он сквозь зубы таким голосом, что Джоселин стало страшно.

— Какой смысл стоять тут столбом и чертыхаться! — набросилась она на него. — Сделайте хоть что-нибудь! Спрячьтесь, например!

— Блестящая идея! — раздраженно хмыкнул он. Судя по голосу, Девон тоже начал закипать. — Может, заодно посоветуете куда?

— Ну, не знаю... куда-нибудь! Должен же тут быть какой-нибудь гардероб... или шкаф. — Взгляд Джоселин остановился на низком массивном сундуке, придвинутом вплотную к стене. — Вот смотрите, сундук! Лезьте в него; — скомандовала она.

Не сговариваясь, они со всех ног бросились к сундуку, толкаясь локтями, откинули, тяжелую, окованную медью крышку и ошеломленно переглянулись — внутри сундук оказался настолько тесным, что туда не поместились бы даже плечи Девона, не говоря уже обо всем его могучем теле.

— Может, если вы выдохнете, а потом свернетесь в такой маленький клубочек, ну... как ежик, вы поместитесь здесь, — закусив губу, в полном отчаянии пробормотала Джоселин.

Нуда, конечно, если отрубить ему голову, а потом покрошить на кусочки, может, из этого что-нибудь и вышло бы, а иначе вряд ли.

Девон, выругавшись, осторожно опустил крышку.

— Даже если бы я и смог каким-то чудом поместиться в нем, то куда прикажете девать вас? — огрызнулся он. — Как вы станете объяснять, что принесло вас сюда, да еще среди ночи? Кстати, вы кому-нибудь говорили, что у вас тут свидание со мной?

От возмущения Джоселин повысила голос. К сожалению, шаги на лестнице тоже стали громче.

— Господи, как я могла сказать кому-то об этом, если сама ничего не знала?! — возмутилась она. — Говорю же вам — меня хитростью заманили сюда!

— То есть нас обоих обманули, — уточнил Девон.

— А что, если это Адам? — в ужасе уставившись на дверь, прошептала Джоселин.

— Думаю, лучше уж пусть это будет он, чем кто-то еще, — буркнул Девон.

— Ох, простите! Возможно, это всего лишь Лили, еще одна бедняжка, которую вы намеревались сегодня обольстить. Кстати, вы ее тоже пригласили сюда?

— Я лично никого не приглашал! — рявкнул он. — Можете считать, что нам крупно повезло, если это окажется кто-то из них.

Джоселин похолодела. Ощущение опасности стиснуло горло, волосы на затылке встали дыбом. С каждой минутой ей было все страшнее. В отличие от нее Девон вдруг успокоился... или просто смирился с неизбежностью. Вероятно, для него не впервой попадать в такие ситуации, предположила она.

— Может, это просто лакей, как вы думаете? — с надеждой прошептала она. — Лорд Ферншо говорил, что когда он приглашает гостей, то его лакеи круглосуточно обходят коридоры — проверяют, все ли в порядке. Не думаю, что кто-то из прислуги осмелится... ну, вы понимаете.

Девон не ответил. Ему было не до этого — он готовился к встрече с тем неизбежным, что надвигалось на него, хотя в глубине души он уже понимал, что, как только откроется дверь, для него все будет кончено. Он был бессилен, этому помешать, однако безошибочный инстинкт, тот самый, который не раз во время сражений спасал ему жизнь, сейчас подсказывал ему, что его ждет встреча с кем-то куда более опасным, чем несущий свою службу безобидный лакей.

— Пожалуйста, Девон! — взмолилась Джоселин. Судя по отчаянию, мелькнувшему в ее глазах, она тоже, наконец, осознала надвигавшуюся на них угрозу. — Сделайте же что-нибудь! Мне страшно! Нельзя, чтобы меня застали в вашем обществе.

— Сказать по правде, я тоже не особенно горю желанием оказаться в вашем обществе, когда сюда кто-то войдет! — сварливо бросил Девон.

— Ну, знаете, если речь идет о любовном свидании, так для этого нужны двое! — фыркнула Джоселин.

— Я вам припомню эти слова.

— Не трудитесь. Вряд ли я когда-нибудь смогу забыть то, что произошло сегодня.

Отодвинув Джоселин в сторону, Девон бросился к окну. Увы, похожие на бойницы окна были слишком узкими для того, чтобы в них могла протиснуться даже кошка. Через них невозможно было бежать даже в славные времена восстаний якобитов, и с тех пор они не стали ни на дюйм шире.

Девон с силой ударил кулаком по оконной раме, но толстое стекло даже не дрогнуло.

Он повернулся и посмотрел на Джоселин.

Девон еще не забыл о том, какой желанной она показалась ему всего несколько минут назад. И все равно — сейчас в его глазах эта женщина, чья рука скорее всего и нанесла ему последний смертельный удар... хотя кто-то, возможно, сказал бы, что Джоселин тут ни при чем и что она лишь стала орудием судьбы.

Подумать только! Она! Господи... ну почему, почему ей вздумалось сыграть эту шутку именно с ним?! Неужели все эти четыре года она вынашивала планы мести? Или... Да, конечно, когда-то он флиртовал с ней, нисколько не скрывая того, что она ему нравится. Неужели действительно это она послала ему ту записку, назначая свидание в башне, но побоялась подписать ее своим именем?

Знай он наверняка, что Джоселин мечтает встретиться с ним наедине, он ни за что бы ей не отказал. Но уж позаботился бы сам выбрать время и место.

Только вот Джоселин клянется, что у нее и в мыслях такого не было. И тут вдруг в душе Девона впервые шевельнулось нехорошее подозрение. Уж не стоит ли за всем этим ее отец, промелькнуло у него в голове. Кто знает, может, он решил ему отомстить? И подстроил ловушку.

— Давайте я помогу, — резко бросил он, после чего несколькими быстрыми движениями привел в порядок ее корсаж, ловко застегнув последние несколько крючков на спине, с которыми не смогла справиться Джоселин. Не имеет значения, чем все закончится, но Девон знал, что обычно самые ужасные последствия приходятся как раз на долю женщины.

Она подняла к нему лицо.

— Сделайте же что-нибудь!

— Слишком поздно. — Это прозвучало так равнодушно, что Девон сам удивился, учитывая, какая буря чувств сейчас бушевала в его душе. Он встал так, чтобы попытаться заслонить ее собой, насколько это было возможно. — Нужно было раньше подумать об этом — до того, как вы пригласили меня на свидание в эту башню. — Вообще говоря, ему тоже следовало поразмыслить, прежде чем тащиться сюда, промелькнуло у него в голове. С другой стороны, застукай кто-нибудь их с Лили, пусть даже и среди ночи, это вряд ли бы вызвало скандал.

— Но я не...

Дверь распахнулась. Естественно, это был не лакей. Все оказалось намного хуже... даже хуже, чем они могли предположить. Перед ними со свечой в руке стоял брат Джоселин. Окинув тяжелым взглядом побледневшую сестру, он перевел глаза на Девона, стоявшего рядом с таким беспечным видом, словно он оказался тут совершенно случайно и не имел ко всему этому ни малейшего отношения.

Мысленно представив себе, как это выглядит со стороны, Девон скривился. Кого он пытается обмануть... себя? Хочется ему признавать это или нет, он с самого начала догадался, что перед ним не Лили. Можно подумать, он мог бы спутать пышную, как у кормилицы, надушенную грудь Лили с той, которую он с таким наслаждением целовал совсем недавно. Вспомнив об этом, Девон тяжело вздохнул — казалось, с тех пор минула вечность.

Да, это случилось в другой жизни. В его прошлой жизни. Что ж, видно, тут уж ничего не поделаешь.

— Итак, — угрожающим тоном начал Джейсон, как только к нему вернулся дар речи,

который он потерял, увидев сестру, — все даже намного хуже, чем я ожидал...

— Неужели? — лениво спросил Девон. Джейсон ошеломленно потряс головой:

— Господи... А я-то, дурак, заставил себя поверить, что у вас на этот счет имеются твердые принципы, Девон! Что же до тебя, Джоселин, — он повернулся к сестре, — могу сказать только одно — такого стыда я в жизни своей не испытывал.

— Джейсон, кто тебе сказал, где меня искать? — дрожащим голосом спросила она.

— Это не важно. Во всяком случае, я не собираюсь сейчас это обсуждать.

— А почему бы и не поговорить об этом, черт возьми?! — взорвался Девон. — Может, вы будете настолько любезны, что просветите меня на этот счет, поскольку я, если честно, нахожусь в полном неведении. В конце концов, я требую этого!

— Вы не в том положении, чтобы требовать! — с презрительным видом отрезал Джейсон. Потом, как видно, передумав, сунул руку в карман жилета и театральным жестом извлек из него сложенный вчетверо листок, подозрительно похожий на тот, который этим вечером подсунули под дверь его спальни. — Впрочем... вуаля!

— Что «вуаля»? — сварливо буркнул Девон.

— Это ведь вы писали записку, в которой назначали ей свидание? Я обнаружил ее на туалетном столике сестры.

— И в мыслях не имел, — отрезал Девон. В голосе его сквозило раздражение. — Сказать по правде, меня самого пригласили на свидание в эту башню.

Джейсон, скривившись, покосился на сестру:

— Джоселин, может, ты сможешь нам разобраться в этой неприятной ситуации?

— А что тут непонятного? — Джоселин метнула в сторону Девона убийственный взгляд.

Он бы наверняка расхохотался, если бы не знал заранее, чем все кончится. Он догадывался, как все это выглядит со стороны. К несчастью, вид взъерошенной, несчастной и все равно невероятно соблазнительной Джоселин сам говорил за себя.

И еще этот его чертов плащ. Девон мысленно застонал. Господи, в отчаянии подумал он, угораздило же ее встать прямо на него! Теперь любая попытка с его стороны осторожно убрать его с глаз долой только подтвердит худшие подозрения Джейсона. Даже если он не писал эту записку, приглашая ее на свидание, все равно он виноват... ведь в душе он знал, что охотно довел бы дело до конца, мечтая при этом только об одном: чтобы им не помешали. Господи... эта женщина свела его с ума!

— Меня обманом заманили сюда, — пробормотала Джоселин. Весь ее вид говорил о том, что это правда. И Девон сам потихоньку начал верить, что их обоих, вероятнее всего, подставили.

Джоселин шумно вздохнула.

— Все, что мне известно, — продолжала она, — это то, что меня хотели убедить, будто здесь, в башне, меня будет ждать Адам.

Девон потер ладонями лицо. Он не верил собственным ушам. Господи, он пытался соблазнить ее — а она, выходит, все это время принимала его за Чизвика?!

Джейсон, пожав плечами, ясно дал понять, что он обо всем этом думает.

— Собственно говоря, в эту самую минуту он ищет тебя по всему замку.

— А все, что мне известно, — прервал его Девон, полный решимости хоть что-то сказать в свою защиту, — так это то, что меня пытались уверить, будто здесь меня будет ждать миссис Кранли.

— Которой, кстати, тоже тут нет, — пробормотал Джейсон, выразительно подняв брови. — Впрочем, даже если все было так, как вы говорите, это несколько не объясняет, почему ваш плащ валяется на полу, Боскасл. И почему Джоселин стоит на нем. Признаться, это наводит на нехорошие мысли... в особенности мужчину.

После этих слов в комнате воцарилась гробовая тишина, которая, возможно, затянулась бы, если бы не суета, внезапно возникшая за дверью, которая так и осталась наполовину открытой.

Со стороны лестницы внезапно послышались приближающиеся голоса — по мере того как они становились все громче, можно было разобрать изумленные, недоумевающие, возмущенные возгласы, охи, ахи и причитания. Просто Вавилонская башня какая-то, с раздражением подумал Девон. Единственное, о чем он сейчас мечтал, — это о том, чтобы перед ним оказался графин с вином, приправленным каким-нибудь быстро и безболезненно действующим ядом. И о скамье где-нибудь в углу у стены, где он смог бы вытянуться во весь рост, чтобы встретить смерть со всеми возможными удобствами.

Однако богиня удачи, чьи дары до этой самой ночи Девон воспринимал как нечто само собой разумеющееся, вероятно, отвернулась от него, решив наказать за самонадеянность, потому что внезапно весь этот гомон перекрыл раздраженный мужской голос. Девон не сразу узнал его, зато Джоселин и ее брату он, по всей видимости, был хорошо знаком. На посеревших лицах обоих отразился нескрываемый ужас. Глядя на брата с сестрой, Девон невольно вспомнил нескольких своих друзей, которые во время войны, оказавшись на волосок от смерти и чудом, уцелев, потом в один голос уверяли, будто в какой-то момент вся жизнь пронеслась у них перед глазами, словно пьеса, которую они наблюдали из зрительного зала.

Впрочем, в эту самую минуту дверь с шумом распахнулась, и Девон со вздохом был вынужден признать, что даже гениальный Шекспир при всем своем богатом воображении позеленел бы от зависти, увидев эту сцену, потому что ему вряд ли удалось бы придумать нечто подобное. Правда, Девон не был уверен, что это напоминало больше — комедию или трагедию. Наверное, и то и другое вместе, со вздохом решил он.

Сэр Гидеон Лидбери, переступив порог, молча двинулся к дочери. Он все еще производил впечатление вполне привлекательного мужчины — серебряная грива густых волос, поджарое тело, быстрые движения. Он не пытался повысить голос, как сделал бы на его месте любой разгневанный отец, не сыпал проклятиями, но это видимое спокойствие могло бы ввести в заблуждение человека менее проницательного, чем Девон. К сожалению, он знал сэра Гидеона достаточно хорошо, чтобы подозревать, что за этим наверняка что-то кроется.

— Мне бы следовало догадаться, что без вас тут не обошлось, Боскасл!

Девон, не дрогнув, встретил его взгляд.

— Вот как? Завидую вам, потому что сам я понятия ни о чем не имел.

— Это недоразумение, — вмешалась Джоселин. — Мы не назначали друг другу свидание...

Сэр Гидеон обернулся. Его рука взлетела вверх, и Девон вдруг почувствовал, как внутри его внезапно как будто взорвалось что-то. Дисциплина, конечно, штука хорошая, подумал он, вспомнив, что его собственный отец никогда не жалел для него розог. Но поднять руку на женщину, тем более в ярости, это уж слишком. Девон вдруг почувствовал, как у него руки чешутся тоже кого-то ударить.

К несчастью, этот «кто-то» был отцом Джоселин. И он, вне всякого сомнения, полагал, что имеет полное право наказывать свою дочь так, как считает нужным. Особенно если был уверен, что она это заслужила. И вдруг Девону пришло в голову, что они с Джоселин, похоже, оба оказались в ловушке. Он может сколько угодно верить или не верить, что она, мол, знать ни о чем не знала. Вполне возможно, девушка просто решила пошутить... Хотя, сказать по правде, Девон, сколько ни силился, так и не смог придумать, с чего бы ей вздумалось это делать. Разве что решила отомстить ему за ту давнюю обиду, предположил он.

Однако в то, что это была тщательно продуманная, хладнокровная месть, да еще после стольких лет, как-то слабо верилось. Уж слишком это было не похоже на ту Джоселин, которую он знал. Но даже если он ошибается, и она действительно составила хитроумный план, чтобы одурачить его, Джоселин по-прежнему оставалась хрупкой женщиной, и естественное для всякого нормального мужчины желание защитить ее возобладало над другими, менее благородными чувствами.

— Не трогайте ее! — Молниеносным движением он одной рукой перехватил занесенный над головой Джоселин кулак, другой, прикрыв ее лицо от удара.

Правда, непохоже, чтобы она оценила его благородный порыв, с мрачной иронией подумал Девон. Отодвинув защищавшую ее руку, Джоселин бросилась вперед и встала перед отцом. Однако дрожь в ее голосе заставила Девона заподозрить, что это, скорее всего не первый раз, когда отец решился поднять на нее руку. А братец ее, как он заметил, даже не шелохнулся, чтобы защитить сестру.

— Неужели ты решишься избить меня у всех на глазах? — спросила она.

Вопрос, заставивший Девона задуматься, насколько справедливы ходившие по Лондону слухи о жестоком обращении с подчиненными, которое практиковал сэр Гидеон Лидбери, и только ли солдаты в его полку страдали от вспышек его ярости? Он только и ждал, чтобы Джоселин попросила его вмешаться.

Вместо ответа сэр Гидеон молча опустил руку и, не глядя на дочь, покосился на Девона.

— Вашу попытку воспрепятствовать мне, наказать дочь я расцениваю не только как признание вины, но и как знак того, что вы готовы нести ответственность за то, что сделали.

Огонек злого торжества, блеснувший в его глазах, только укрепил подозрения Девона — теперь он уже почти не сомневался, что это отец Джоселин заманил его в ловушку. Но... Нет, какая-то бессмыслица! В той тщательности, с которой был разработан план, чувствовалось что-то глубоко личное.

Вскинув голову, Девон посмотрел сэру Гидеону в глаза:

— Да, во всем виноват только я. Я обманул вашу дочь — заставил ее поверить, что здесь, в башне, состоится игра. Нечто вроде охоты за сокровищами.

Джоселин, вытаращив глаза, смотрела на него с таким ужасом, будто подозревала, что от всех этих потрясений он внезапно сошел с ума.

— Охота за сокровищами?! — заикаясь, повторила она.

— Будь добра, не перебивай меня, дорогая, — даже не повернув головы в ее сторону, попросил Девон. — И я готов нести любую ответственность за свой поступок.

Сэр Гидеон мрачно кивнул:

— Тогда я распоряжусь, чтобы были сделаны все необходимые приготовления к вашей свадьбе.

У Джоселин возникло ощущение, что она вдруг окаменела. Ей казалось, она сходит с ума. Ее отец... здесь — но почему?! Откуда он взялся? Приехал сюда специально, но когда? Она даже вспомнить не могла, когда ее отец посещал прием, который устраивал какой-то политический деятель, не то что, весельчак лорд Олтон.

Кто же стоял за кулисами этого спектакля?

Мысли, лихорадочно метавшиеся у нее в голове, словно испуганные летучие мыши, вдруг разом застыли, когда в комнате появился Адам. Взгляды их встретились, и Джоселин вздрогнула, заметив в его глазах боль и осуждение. О нет... Адам! Ее Адам! Боже, неужели он станет отрицать, что сам послал ей эту проклятую записку! Конечно, станет, поскольку он ее не посылал. На этот счет у нее уже почти не осталось сомнений. Как он поступит? Окажется ли он достаточно сообразительным, чтобы придумать план, как вытащить ее из этой истории, или позволит ей одной до конца испить горькую чашу позора?

Ну, не совсем одной, поправилась она. Эта мысль заставила ее содрогнуться. Украдкой она покосилась на Девона и тут же опасливо отвела взгляд в сторону. И так, она и этот обольстительный дьявол в мужском обличье влипли в эту неприятную историю вдвоем, и отвечать им тоже придется обоим, какое бы наказание ни придумал для них отец. Что ж, остается утешаться, что ему хотя бы хватило порядочности не сбежать, когда тот обрушил на них свой гнев. Хотя, если честно, порядочность не то слово, которое она выбрала бы, если вспомнить, чем он занимался незадолго до появления ее родственников.

Кстати, вместе с ней.

От его бесстыдных поцелуев у нее до сих пор пылали щеки. Теперь она хорошо понимала, почему многие ее сверстницы умирали от желания привлечь внимание Боскасла. Знала, почему каждая из них готова была пуститься во все тяжкие, чтобы хоть как-то привлечь его благосклонное внимание на балу или во время прогулки в парке. Похоже, молва, приписывающая ему славу распутника и вдобавок несравненного любовника, на этот раз не преувеличивала. Сейчас Джоселин страшно было даже подумать о том, чем все бы закончилось, если бы не появился ее брат и не спас ее от нее самой.

Что бы там ни было, она никогда не стремилась стать любовницей этого распутника. Рассчитывала выйти замуж за достойного человека и уж точно не за Девона, даже, несмотря на то, что когда-то именно он был героем ее девичьих грез. Судя по всему, в этом она была не одинока; вид у Девона был еще более несчастный, чем у нее самой.

И все-таки как же это произошло? Может, виной всему одно из его безумных пари? И его приятели, узнав, чем все закончилось, станут хохотать как сумасшедшие? Да, кстати... а чем это может закончиться?

— Джоселин, — пробормотал Адам, встряхивая головой, словно старался пробудиться от страшного сна, — я... я ничего не понимаю. Что все это значит?!

— Мне самой невдомек, — с несчастным видом прошептала она. Видеть отчаяние и боль, появившиеся в его глазах, было свыше ее сил. Джоселин поспешно отвела взгляд в сторону. — Если честно, я решила, что это вы назначили мне свидание...

— Что за бред?! В башне? Господи помилуй... с чего бы мне вдруг звать вас на свидание в подобное место?!

— Но я подумала... Я решила, что вы собираетесь сделать мне предложение.

— В этом жутком месте, среди ночи? Господи спаси и помилуй!

Все ясно — у Адама нет ни малейшего намерения, хотя бы сделать попытку протянуть ей руку помощи. Впрочем, возлагать всю вину за ожидающий ее позор на одного Девона Боскасла было бы, пожалуй, несправедливо. В конце концов, никто не принуждал ее идти в эту чертову башню. И никто не заставлял ее с такой пылкостью отвечать на поцелуи Девона.

Девон пообещал отцу, что женится на ней, но, разумеется, он передумает. Повинуясь какому-то неясному побуждению, а может, просто разозлившись на ее отца, он бросился на ее защиту. Но к утру, скорее всего, он остынет.

Стало быть, все последствия лягут на ее плечи. А как же иначе — она ведь женщина!

Насколько она знала жестокие законы светского общества, в котором жила, последствия эти означают только одно: за все случившееся в полной мере придется отвечать ей одной.

* * *

При виде кузена Гейбриела, застывшего в дверях комнаты в компании ближайшей подруги Джоселин леди Уинифред Уотерстоун, чье любопытное личико выглядывало из-за его плеча, лицо Девона потемнело. Если до сих пор у него и оставалась еще слабая надежда уладить это дело без особого шума, то теперь на этом можно было смело поставить крест. Итак, благодаря этим нежелательным свидетелям его судьба решена.

Сжав кулаки, он повернулся к кузену:

— Твое присутствие нежелательно, Гейбриел! Тот с несчастным видом разглядывал дверь.

— Ну, я просто подумал... вдруг тебе понадобится помощь.

Однако столь трогательная демонстрация родственных чувств несколько не обманула Девона. Немного придя в себя и остыв, он подумал, что поспешил, — вряд ли это Джоселин или ее отец расставили ему ловушку. Не успел он подумать об этом, как в голове у него мелькнула неожиданная мысль — а не замешан ли тут кто-то другой? За всем этим чувствовался тайный сговор, а это наводило на мысль, не приложил ли к этому руку Гейбриел. В конце концов, старшие братья не раз предупреждали его, что кузену не стоит доверять.

— Прошу тебя, Гейбриел, скажи честно, это не твоих рук дело? — негромко проговорил Девон, с подозрением вглядываясь в лицо кузена. — Надеюсь, это не одна из твоих шуточек?

Если его подозрения беспочвенны, тогда почему Гейбриел был так уверен, что завоеует сердце миссис Кранли и выиграет пари? Черные тучи подозрения начали сгущаться в груди Девона. Внезапно ему вспомнился давний случай, когда именно Гейбриел, похитив за несколько дней до свадьбы невесту Дрейка, ту самую гувернантку, отвез ее в бордель. Зачем? Да просто так, из чистого озорства — никакой другой причины у него не было.

Гейбриел покачал головой:

— Нет, Девон. Я здесь ни при чем.

— Ладно, пусть так. Но откуда ты знал, что найдешь меня именно здесь? — продолжал допытываться Девон.

— Встретил отца Джоселин и пошел за ним. — Гейбриел пожал плечами. — Они с

Адамом чуть с ума не сошли, когда выяснилось, что она пропала. Стали прочесывать замок сверху донизу. Потом вдруг всплыло твое имя, а тебя тоже, как на грех, нигде не было.

— Ну, теперь ты знаешь почему.

— Решил, что дебютантка тебе больше по вкусу? — Гейбриел помялся. — Что ж, согласен, она стоит того, чтобы мужчине захотелось побыть с ней наедине.

На губах Девона мелькнула циничная усмешка.

— Уверю тебя, Гейбриел, эта дебютантка заслуживает гораздо большего. Но дело не в этом. Женюсь я на ней или нет, жизнь ее все равно сломана.

— Девон, я ведь тоже Боскасл. Позволь мне хотя бы попробовать как-то тебе помочь...

Девон вскинул на него глаза.

— Обсудим это позже. Сейчас не время и не место.

Что сделано, то сделано. Даже если это и была ловушка, это никак не объясняет того, что он чувствовал, держа в объятиях Джоселин, мрачно подумал Девон. Того, что все его тело плавилось от неистового желания, а в голове помутилось до такой степени, что в один безумный миг ему казалось, что ничто не может быть важнее, чем обладать ею.

И вот теперь — к счастью или к несчастью — похоже, его желание исполнилось.

Естественно, в эту ночь Девон не сомкнул глаз. Разные мысли не давали ему уснуть. Что делать, мучительно гадал он. Он мог молча принять ту судьбу, которую уготовила ему чья-то невидимая рука, или попытаться выяснить, кто же все-таки постарался завлечь его в ловушку.

Явных врагов у него не было, он никогда не пытался намеренно обидеть кого-то.

Скорее всего, он не прав, поспешив обвинить во всем Гейбриела, а, стало быть, самое малое, что он должен сделать, — это извиниться перед кузеном. Решив, что нет смысла откладывать это до утра, Девон выбрался из кровати и отправился в комнату Гейбриела.

Насколько он помнил, спальня кузена находилась в самом конце коридора, шедшего над застекленной галереей. Поскольку ни одного лакея поблизости не наблюдалось, Девон взял на себя смелость тихонько постучать. Не получив ответа, он без особых церемоний толкнул дверь и вошел.

На столике возле постели догорала восковая свеча. С кривой усмешкой Девон, прислонившись плечом к стене, молча ждал, когда обнаженные мужчина и женщина, сжимающие друг друга в объятиях, заметив его появление, соизволят одеться.

Впрочем, мужчина, видимо, ощутил чье-то присутствие. Резко откатившись в сторону, он выхватил из-под подушки пистолет и наставил его на Девона. После чего, как был, голый, прыгнул с постели. Рыжеволосая красавица, изумленно хлопая глазами, так и осталась лежать в постели, от неожиданности потеряв дар речи.

— Господи, помилуй! — раздраженно рявкнул Гейбриел. — Между прочим, я мог тебя пристрелить!

Девон молча смотрел, как соблазнительные белые ягоды женщины мелькнули и исчезли по ту сторону кровати.

— Добрый вечер, Лили, — вежливо кивнул он. — Надеюсь, я не помешал?

Из-за кровати послышалось сдавленное проклятие. Присев на корточки, Лили протянула руку, схватила за край шелковое покрывало и рывком дернула его на себя.

— Да, похоже, все-таки я не вовремя, — смиренно вздохнул Девон.

Гейбриел без малейшего смущения повернулся к нему спиной. Безропотно пожав

плечами, он собрал разбросанную по полу женскую одежду и сунул бесформенный комок в руки Лили.

— Держи, дорогая. Не могу же я позволить, чтобы ты простудилась.

Кое-как натянув на себя платье, Лили выбралась из-за кровати.

— Вы ублюдки. Оба! Это у вас в крови! — прошипела она.

Девон, выразительно подняв одну бровь, учтиво отодвинулся, давая ей дорогу.

— Ужасно неловко, когда тебя застукают в такой момент, верно дорогая?

Дверь с грохотом захлопнулась, и Лили исчезла. Убедившись, что они одни, Девон повернулся к Гейбриелу, который до этой минуты предпочитал оставаться на заднем плане.

— Итак, ты выиграл пари. Доволен, Гейбриел? Тот прикурил сигару, выпустил дым и рассмеялся:

— Брось! Я был уверен, что выиграю, уже в тот момент, когда мы ударили по рукам.

— Что ж, поздравляю, — усмехнулся Девон.

— Да ладно тебе. — Гейбриел шумно вздохнул. — Девон, еще раз повторяю, я не имею никакого отношения к тому, что случилось сегодня. Даю тебе слово.

— А то, что Лили сегодня была в твоей постели, ты тоже собираешься отрицать? — сухо осведомился Девон.

— Это совсем другое дело, — замотал головой Гейбриел. — Мы ведь поспорили, помнишь? И Джоселин не Лили, мы ведь оба это знаем.

— Раз уж ты упомянул Джоселин, так я ее вообще не знаю. Хочешь — верь, хочешь — нет.

Гейбриел сочувственно покачал головой:

— Да, тебе чертовски не повезло, старина. Знаешь, а ты здорово держался! Даже не уверен, смог бы я так, если бы угодил в подобную переделку.

Девон направился к двери. За окном уже начало сереть. Близился рассвет.

— Не спеши восхищаться. Посмотрим, что будет дальше. И удастся ли мне выкрутиться из всей этой истории.

— На твоём месте я бы попытался удрать еще до рассвета.

Девон заколебался.

— Может, я так и поступлю.

Но он уже знал, что не сделает этого — и, вовсе не потому, что дал слово или опасался, что пострадает его честь. За свою репутацию Девон не боялся. Просто, даже сейчас при воспоминании о том, как он сжимал Джоселин в объятиях, по всему его телу разливалось жаркое томление, перед которым меркли любые доводы рассудка. Сладкое, жаркое томление. Девон зажмурился. Эти ласковые карие глаза не давали ему покоя. Как и мысль о том, что теперь ничто не помешает отцу Джоселин превратить ее жизнь в ад.

Нет, он никуда не уедет, скрипнув зубами, решил Девон. Он привык с открытым забралом встречать то, что посылает ему судьба.

Джоселин разбудило громкое воркование голубей, устроившихся на карнизе прямо у нее под окном. Усевшись в постели, она рассеянно разглядывала маску, которую накануне, вернувшись к себе, швырнула на туалетный столик. На душе кошки скребли. Что толку притворяться, что все это ей просто приснилось? Этой ночью она спала так мало, что не было смысла обманывать себя. Ее постоянно преследовала фраза, которую перед отъездом бросил ей отец.

— Постарайся принять последствия своего позора с достоинством.

Он уехал еще до того, как остальным гостям стало известно о его приезде. Несмотря на это, Джоселин нисколько не сомневалась, что основной темой разговоров за завтраком будут события прошедшей ночи. Впрочем, скорее всего Девон тоже поспешил улизнуть, так что, когда утром разразится скандал, ей предстоит справиться с этим самой. Джоселин со стоном рухнула на подушки. Интересно, долго ли она сможет прятаться в своей спальне? Все равно, в конце концов, придется спуститься вниз. Долго мучиться ей не пришлось — минуло не больше часа, как голод во всеуслышание заявил о себе. В животе у нее заурчало, а между тем солнце еще только-только взошло. Джоселин обычно никогда не отказывалась от еды. Никакие переживания не могли лишить ее аппетита, и вскоре стало ясно, что долго она не продержится. Рано или поздно придется встретиться с обществом.

Встретиться с Девоном.

Достаточно было вспомнить о нем, чтобы всю ее обдало жаром. Господи... кто бы мог подумать, что при одной лишь мысли о мужчине у нее будут слабеть ноги? Джоселин понятия не имела, какой на вкус бывает страсть...

И самое ужасное во всем этом даже не то, что она так легко сдалась. А то, что ей хотелось большего. Сказать по правде, Джоселин изнывала от желания узнать, наконец, ту тайную жизнь, завесу над которой накануне приоткрыл перед ней Девон. Тот, конечно, знал об этом все. Ведь его считают олицетворением соблазна. Воплощением греха. В умении дарить наслаждение ему поистине не было равных. А ее отец приказал ей выйти за него замуж. Джоселин уже успела одеться и умыться, а за окном стояло еще раннее утро. Она знала, что большинство гостей пребывают в постели — отвечают на записочки, потягивая маленькими глоточками шоколад, — вряд ли они спустятся вниз до полудня. Но даже если за завтраком будет немногочисленно, им с Девоном все равно будет достаточно сложно объяснить, как так случилось, что они оказались, помолвлены, тем более что в свете было хорошо известно, что она увлечена Адамом.

О Боже... Адам! Какой удар она нанесла его гордости! Но тут уж ничего не поделаешь. Нужно собраться с духом и мужественно встретить все, что готовит ей грядущий день.

Единственное, к чему она не готова, — это встретиться лицом к лицу с тем, кто имел самое прямое отношение к пережитому ею унижению. У нее просто не хватит храбрости взглянуть ему в глаза.

И надо же такому случиться, что когда она решилась, наконец, высунуть нос за дверь, то столкнулась именно с тем, о ком думала все утро. При виде виновника всех ее бед Джоселин испуганно попятилась назад. Ну, надо же, возмутилась она про себя, солнце едва выглянуло из-за горизонта, а он уже тут, как тут — свежесбрившийся, безукоризненно одетый и до омерзения бодрый, во всяком случае, для человека, продравшего глаза в такую несусветную рань! Настроение у нее окончательно испортилось, поэтому, даже не пытаясь, это скрыть, Джоселин выпалила первое, что пришло ей в голову:

— У вас еще одно свидание?

Не успели эти слова слететь с ее губ, как при одной мысли о том, что она невольно попала в точку, все внутри ее перевернулось. Как может женщина — если, конечно, она в здравом уме — решиться выйти замуж за отъявленного распутника, понятия, не имеющего о том, что такое верность или дружба?

— А у вас? — ехидно ухмыльнулся он, отвечая ударом на удар.

— Как вы могли подумать такое?! — оскорблено фыркнула Джоселин.

Насмешливые синие глаза неожиданно заискрились смехом.

— Почему бы и нет? Вы ведь ходили ночью на свидание!

— Между прочим, вы тоже, — сердито напомнила она. — И чем это кончилось для нас обоих?

— Поэтому я и здесь, — вдруг став серьезным, пробормотал он.

Джоселин невольно попятилась.

— Вот как? — холодно проговорила она, с досадой отметив, что невольно повысила голос. Каков мерзавец, возмутилась она, небось, догадался, что она все утро думала о нем. Джоселин нисколько в этом не сомневалась. Наверняка привык к тому, что женщины толпами вешаются ему на шею. И тут ей в голову пришла неожиданная мысль... а что, если он поджидает ее, чтобы вместе придумать, как расторгнуть их внезапную помолвку.

Словно подслушав ее мысли, Девон наклонился к ее уху:

— Мне кажется, нам с вами нужно придумать, как наилучшим образом пройти через то, что нас ожидает. Необходим совместный план.

Джоселин, покачнувшись, прислонилась к двери. Это было сказано таким голосом, что у нее перехватило дыхание. Если она все-таки выйдет за него замуж, промелькнуло у нее в голове, ей придется научиться держать себя в руках. Что за радость падать в обморок всякий раз, как он входит в комнату?

— Вы хотите, чтобы я посоветовала вам, как избежать необходимости жениться на мне? — внезапно охрипшим голосом прошептала она.

Девон растерянно моргнул.

— Если я откажусь, то покрою вас позором, — осторожно выбирая слова, проговорил он, — а меня в результате будут считать негодяем и растлителем невинных девушек. У меня на совести немало грехов, но до такого я еще не опустился.

— Ну, кем тогда будут считать меня, я даже и думать не хочу, — тихо проговорила она. Впрочем, если она правильно поняла, Девон старается ей помочь. Что ж тут удивительного, напомнила она себе. Взять хотя бы ее собственную семью, являвшую собой живой пример того, чем порой заканчивается любовь. — Но тогда о каком плане вы говорите? — спохватилась она.

Девон смущенно откашлялся. На губах его мелькнула недобрая усмешка, и у Джоселин мгновенно перехватило дыхание.

— Надо решить, как защититься оттого, что будут говорить у нас за спиной.

— Вы имеете в виду гостей? — Джоселин наморщила лоб.

— Ну, для начала. — Девон, привалившись плечом к дверному косяку, навис над ней, синие глаза его внезапно потемнели, став такого же цвета, каким бывает море перед грозой. — Скажите, до этой ночи ваш отец когда-нибудь поднимал на вас руку? — вдруг совершенно неожиданно для нее спросил он.

Джоселин охватила паника. Откуда он узнал? Он не мог этого знать, потому что об этом не знала ни одна живая душа. Вспышки необузданной ярости, время от времени случавшиеся с ее отцом, оставались семейной тайной, охраняемой столь тщательно, что Джоселин почти всегда удавалось убедить себя, что ничего такого не было.

— Почему вы меня об этом спрашиваете? — сдавленным голосом спросила она.

Девон молча взглянул ей в глаза. Она смутилась. Ответить честно ей было стыдно. Оставалось только надеяться, что он не станет допытываться, потому что тогда пришлось бы соврать, а этого ей очень не хотелось.

— Мне просто так показалось, — пробормотал он. — Ваш отец так быстро вскинул

руку, что мне само собой пришло в голову...

— И вы тут же бросились меня защищать, — закончила она.

— Это случилось непроизвольно, — задумчиво проговорил он. Потом подошел ближе и осторожно убрал локон с ее щеки.

Паника, охватившая Джоселин, отступила. Аура мужественности, окружавшая Девона, сводила ее с ума. А его готовность взять ее под свою защиту и вовсе обезоруживала.

— Вчера ночью я невольно слышала вашу ссору с кузеном, — смущенно пробормотала она, стараясь перевести разговор на более безопасную тему. — Вы подозреваете, что это он сыграл с нами злую шутку?

Он окинул ее взглядом. Улыбка, мелькнувшая на губах Девона, ясно говорила о том, что ее попытка обмануть его не удалась.

— Не думаю, что сейчас это имеет какое-то значение. — Он шевельнулся, и внезапно Джоселин оказалась прижатой к его сильному, мускулистому телу. — Признайтесь, дорогая, вам ведь понравилось то, чем мы занимались перед тем, как нас застучали на месте преступления? — низким чувственным голосом спросил он.

Джоселин растерянно заморгала, почувствовав, как его пальцы, скользнув по ее обнаженному плечу, осторожно коснулись ее шеи.

— Ну да... но ведь я же не знала, что это вы, — беспомощно пробормотала она, старательно пытаясь не думать о том, что чувствовала в тот момент. Где-то в самом низу ее живота начинало разгораться пламя, жаром разливаясь по всему телу.

Мысли ее помутились. Однако Джоселин могла поклясться, что чувствует, как другая рука Девона обвилась вокруг ее талии. Сознавала она и то, что не сделала ни малейшей попытки оттолкнуть его. Похоже, эта молчаливая готовность сдаться на милость победителя не осталась незамеченной, потому что она снова услышала вкрадчивый голос Девона.

— Как вы думаете, неужели Чинни своими поцелуями смог бы заставить вас почувствовать наслаждение? — приблизив губы к ее уху, поинтересовался он. — А мне это удалось...

— Послушайте, — пробормотала она таким хриплым, сдавленным голосом, что сама с трудом узнала его, — я ведь уже говорила вам... я была уверена, что целую...

Но Джоселин не успела договорить — толчком распахнув дверь ее спальни, Девон втолкнул ее в комнату, а через мгновение она вдруг оказалась прижатой к стене. Ахнув от неожиданности, она зажмурилась. Короткий, но пылкий поцелуй Девона лишил ее всякой способности возражать, став лишним доказательством того, что ей ни на миг не удалось его обмануть. Обхватив ладонями ее лицо, Девон кончиком языка раздвинул ее губы, припав к ним, как умирающий от жажды припадает к роднику с ледяной водой. Сжигавший его жар передался и Джоселин — она вдруг почувствовала, как где-то в самой глубине ее тела вспыхнула и стала разгораться искорка пламени, готового в любую минуту охватить ее всю.

Джоселин затрепетала в его объятиях. Оказывается, целоваться с ним днем в спальне куда опаснее, чем ночью в башне... Возможно, потому, что тогда она понятия не имела, что целуется с ним, а не с Адамом, напомнила себе Джоселин.

Зато теперь она знала это совершенно точно. Теперь благодаря ему она узнала, что такое желание. Стоило ему только коснуться ее, как все ее самообладание мгновенно растаяло, точно снег в жарких лучах солнца. И когда он, наконец, оторвался от ее губ, уткнувшись лицом ей в плечо, Джоселин, растерянная, пылающая и окончательно потерявшая голову, уже едва держалась на ногах. Ладонь Девона, осторожно отодвинув край

кружева, которым был отделан вырез ее платья, слегка коснулась ее груди, и ее снова бросило в жар. Сама не осознавая этого, она откликнулась на его призыв — по всему ее телу пробежала дрожь, и она обмякла в его руках, покорно отдаваясь на его волю. Но Девон не дал ей упасть — он крепко обнял ее, и это было так восхитительно, что она даже не осмелилась поднять на него глаза.

Разом, опомнившись, Девон осторожно отодвинулся. Джоселин почувствовала, как руки его разжались, а в следующее мгновение они оба каким-то непостижимым образом снова оказались в коридоре. Она подняла на него затуманенные глаза, заметив мелькнувшую на его губах лукавую усмешку. «Как ему это удастся?» — промелькнуло у нее в голове. Как можно выглядеть таким порочно привлекательным и одновременно равнодушным... и это когда сама она едва держится на ногах?!

— Ну, теперь вы уже не думаете, что это Чинни, так ведь? — понизив голос, насмешливо спросил он.

— Н-нет, — пробормотала Джоселин. — Чинни бы никогда... то есть, я хочу сказать, Адам бы никогда не посмел вести себя так дерзко.

Ухмыльнувшись, Девон осторожно коснулся кончиком пальцев ее припухших от поцелуев губ.

— Тогда, значит, он просто идиот, — прошептал он ей на ухо, — потому что никогда не узнает, как много потерял!

Джоселин потрясла головой. От слабости, а может, и от голода у нее подгибались ноги.

— Вы собираетесь спуститься к завтраку?

— Не думаю, что это такая уж хорошая идея. Боюсь, я сегодня не в том настроении. И придушу первого же, кому придет в голову поздравить меня или спросить, как это я так глупо попался, что позволил себе назначить тайное свидание юной, невинной девушке.

Джоселин поджала губы. Привычка Девона всегда тщательно выбирать выражения, чтобы смягчить производимый ими эффект, начинала мало-помалу действовать ей на нервы.

— Возможно, мне тоже не стоит показываться никому на глаза, а приказать подать завтрак в комнату. По крайней мере, можно будет избежать унижения.

Он задумчиво потер шею.

— Наверное, будет лучше, если я спущусь первым.

— И что станете говорить? — с сомнением в голосе протянула Джоселин.

— Пока еще не решил. Это будет зависеть от того, что я услышу. Ваш отец, насколько мне известно, уже сообщил хозяину дома о нашей скоропалительной помолвке.

— Это еще мягко сказано. Учитывая, в какой спешке все затевается, нетрудно представить, во что теперь превратится наша жизнь, — уныло пробормотала она.

Замок понемногу просыпался. По коридорам сновали слуги, держа в руках кувшины с горячей водой, куски лавандового мыла и записочки, в которых назначались любовные свидания. Первое из спортивных состязаний, которыми так славились приемы у лорда Ферншо, должно было состояться вечером того же дня. И поскольку Джоселин уже несколько лет назад смирилась с тем, что Бог наградил ее фигурой и телосложением, которые куда больше располагали к спортивным победам, чем к успехам на балах в «Олмаке», она уже заранее предвкушала, как увезет с приема у Ферншо, по меньшей мере, один из главных призов.

Кто же мог ожидать, что она упустит достойного джентльмена, за которого стремилась выйти замуж, ради того, чтобы его место почти сразу же занял распутник, чье имя давно уже

стало притчей во языцех?

Девон, спохватившись, поспешно отошел от нее. Ни один из них не горел желанием повторить приключение предыдущей ночи, поскольку оба еще не забыли пережитое унижение, хотя сегодня, когда весть об их помолвке уже разлетелась по всему замку, вряд ли кто-то был бы удивлен, даже если бы их застали вдвоем, — ведь, в сущности, все уже произошло. Они официально считались теперь женихом и невестой, хотя ни тому, ни другому до сих пор почему-то в это не верилось.

— Что бы ни ждало нас впереди, мы должны пройти через это с достоинством, — отступая к двери, пробормотала Джоселин.

Девон молча поклонился. Эффект, произведенный этим изысканным жестом, оказался слегка подпорчен неприлично громким бурчанием, которое в этот миг издал ее взбунтовавшийся желудок.

— С достоинством, — повторил Девон. — Просто как в романе, честное слово. Ладно так и быть, попробуем.

Джоселин без сил рухнула на кровать. Возможно, он все-таки предпочтет сбежать, промелькнуло у нее в голове. Или поступит на службу в Ост-Индскую компанию, чтобы таким путем избежать брачных уз. Для нее, Джоселин, это конец — после этого ее заклеят позором и надеяться на то, что какой-нибудь порядочный человек возьмет ее в жены, будет бессмысленно. Впрочем, она тут же подумала, что даже такое унижение лучше, чем необходимость терпеть мужа, которому она не нужна. Мужа, у которого столько любовниц, что, если выстроить их цепочкой, ею можно будет опоясать весь Лондон. Мужа, который не дал ей ни единого повода думать, что после свадьбы что-то изменится.

И все же, какое бы будущее ни уготовила им с Девонем судьба, беспокоиться об этом пока еще рано, решила Джоселин, потому что им уготовано еще одно испытание. Для начала им обоим предстоит встретиться со светским обществом, собравшимся в замке лорда Ферншо. Пройти через это испытание с достоинством стало для Джоселин делом чести. Собственно говоря, достоинство — все, что у нее осталось. Джоселин с мужеством отчаяния уцепилась за это слово. Она твердо решила высоко держать голову и вести себя так, словно ничего особенного не произошло. А если кому-то придет в голову поинтересоваться, как это случилось, что они с Девонем вдруг скоропалительно влюбились друг в друга, она в ответ станет только загадочно улыбаться и пожимать плечами.

Любовь вообще штука загадочная, не так ли? Однако то, что произошло с ней, по-прежнему оставалось тайной. Как же случилось, что они оба оказались в той башне? Но больше всего ее волновало, как сложится их жизнь, если им все-таки придется пожениться.

Оставалось только надеяться, что произойдет чудо и ее собственная семья, а также Боскаслы и гости лорда Ферншо вдруг решат махнуть на все рукой и сделать вид, что имела место обычная интрижка, не стоящая внимания.

Впрочем, рассчитывать на это было бы глупо, подумала Джоселин. И оказалась права.

Капитан Мэтью Терли, низко склонив голову, сидел на скамье в маленькой деревенской церквушке. Вся его поза говорила о том, что он с головой погрузился в размышления. Воскресная утренняя проповедь была такой же томительно-скучной, как и старый деревенский пастор, зато тема ее оказалась на редкость актуальной, решил он про себя.

— Вавилон пал! Пал!

Тонкие, губы капитана Терли дрогнули в недоброй усмешке. С таким же успехом святой отец мог во весь голос гаркнуть с кафедры, Боскасл пал! Пал! Ведь любой, кто знал лорда Девона, мог бы с уверенностью сказать, что женитьба, да еще вынужденная, неизбежно поставит под угрозу столь дорогую для него холостяцкую свободу.

Капитан вопросительно покосился на своих соседей по церковной скамье. Трое из этих грешников, подобно ему самому, предпочли воскресную проповедь завтраку у лорда Ферншо — благочестиво-постному выражению их лиц можно было только позавидовать. Впрочем, Мэтью Терли нисколько не обманывался на этот счет. Он прекрасно знал, что это ненадолго. Покаявшись и еще раз, посетовав на суетность всего земного, эти лицемерные прихожане будут считать, что могут с чистой совестью вновь предаться греховным удовольствиям.

При одной мысли об этом его начинало мутить.

Нет, конечно, их лишь с большой натяжкой можно было причислить к английской

аристократии, зато все они могли служить ярким примером того, как власть, деньги и высокое происхождение развращают людей.

Впрочем, разве только они? Взять хотя бы лорда Девона Боскасла. Пока его милость наслаждается всеми преимуществами своего привилегированного положения, единственный брат Мэтью томится в тюрьме Корнуолла в ожидании суда. Его бросили туда, обвинив в грабеже на большой дороге, и парню еще очень повезет, если его не вздернут на виселице, а всего лишь навсегда вышлют из Англии.

Мэтью готов был руку дать на отсечение, что Дэниела просто сбили с пути истинного и что виноват в этом не кто иной, как лорд Девон Боскасл. Около года назад эта троица — Дэниел, лорд Девон и еще один их приятель — шутки ради остановили на дороге экипаж, в котором, как они считали, сидела молодая особа не слишком строгих правил, с которой они свели знакомство накануне вечером.

К несчастью, они ошиблись — карета принадлежала довольно известному банкиру. Во время нападения был серьезно ранен один из лакеев. Шутка оказалась неудачной. Но лорд Девон, насколько было известно Мэтью, вышел сухим из воды.

Титул и громкое имя Боскасла были ключом, открывавшим двери многих кабинетов, — даже на самом верху.

А бедняга Дэниел Терли вскоре будет вынужден предстать перед судом. Брата заклеят как преступника в то время как его высокопоставленные приятели вновь пойдут своим греховным путем.

Закрыв глаза, Мэтью вновь предался своим невеселым мыслям. А набожный старичок-пастор так увлекся проповедью, что сам не заметил, как повысил голос.

— Великий Вавилон пал! — громко вещал он.

Официального заявления о неожиданной помолвке лорда Девона Боскасла и мисс Джоселин Лидбери наутро сделано не было — событие это должно было состояться вечером того же дня. Впрочем, слухи уже облетели замок с быстротой лесного пожара. Одна юная леди с жаром утверждала, что с самого начала, мол, знала о том, что лорд Девон и Джоселин безумно влюблены, но скрывают свою тайну от всех. Словно для того, чтобы придать больше достоверности этой версии, парочка джентльменов из числа гостей, что постарше, вытащила на свет Божий полузабытую историю четырехлетней давности об отклоненном строптивым гулякой приглашении на обед и несостоявшейся помолвке.

Как выяснилось, лорд Девон, оказывается, не питал никаких чувств к пресловутой миссис Кранли. Настойчивое внимание, которое он оказывал ей, вероятно, служило дымовой завесой, за которой он пытался скрыть свою истинную любовь.

И надо же такому случиться, чтобы влюбленные голубки попались на месте преступления — причем застал их не кто иной, как оскорбленный отец юной леди! В результате вся эта любовная история выплыла наружу, к величайшей радости всех, кто присутствовал на этом приеме, — от молоденьких горничных до престарелых матрон.

Скандал! Словом, все в духе Боскаслов.

Многие из тех, кто гостил в замке, вероятно, отнеслись бы к этому как к обычной любовной истории, если бы не пикантное и крайне загадочное поведение главных действующих лиц. А оба героя после того, как об их страстном романе стало известно, вели себя по отношению друг к другу так странно, что вскоре языки досужих сплетников заработали с удвоенной силой.

Казалось, жених с невестой старательно избегают друг друга.

В чем дело, гадали все. Что у них на уме?

Решили еще немного поиграть в тайну?

Или, может, поссорились?

Почему лорд Девон подчеркнуто держится подальше от Джоселин — из уважения к ней, или им движут другие, куда менее благородные побуждения?

— Вероятно, они оба просто еще не оправались от смущения, что их застали в такой пикантной ситуации, — предположила супруга лорда Ферншо за завтраком, состоявшим из тостов и копченой лососины. — А мне все это кажется таким романтичным! Подумать только, четыре года тайно любить друг друга!

Олтон задумчиво покачал головой.

— Что-то сомневаюсь, чтобы Боскасла так легко было смутить, — недоверчиво хмыкнул он. «Не говоря уже о том, чтобы заставить такого человека, как лорд Девон, четыре года томиться в ожидании», — подумал он про себя. Но благоразумно предпочел оставить эти мысли при себе.

Остальные присутствовавшие на приеме у Ферншо представители семейства Боскасл в один голос отказались обсуждать эту тему. Сэр Гейбриел Боскасл, чья собственная репутация, к слову сказать, была далеко не безупречной, клятвенно утверждал, что ничего не знает. Ни для кого не было секретом, что сэр Гейбриел, который вел весьма бурную жизнь, всегда держался особняком от остальных Боскаслов, но при сложившихся обстоятельствах он, по-видимому, счел за благо вести себя так же, как и остальные члены семьи.

Ни у кого не хватило храбрости пересказать ходившие о Девоне сплетни леди Эмме Боскасл — вероятно, причиной этому был острый, как бритва, язык, которым славилась вышеуказанная леди, и ее поистине убийственное остроумие. Ее юная подопечная, леди Шарлотта Боскасл, с того самого дня, как разразился скандал, носа не высывала из своей комнаты, а потому, естественно, на этот счет сказать ничего не могла.

Зато Лили Кранли, похоже, была в бешенстве. Лорд Чизвик ходил с совершенно убитым видом, а леди Уинифред Уотерстоун, ближайшая подруга Джоселин и поверенная всех ее тайн, решительно отказалась обсуждать с кем-то эту тему.

Собственно говоря, не было ничего удивительного в том, что лорд Девон решился соблазнить юную леди. Удивляло другое — почему он сваял дурака, допустив, чтобы отец и старший брат девушки застигли их на месте преступления? И конечно, в первую очередь гостей лорда Ферншо занимал один вопрос — удастся ли этому неисправимому ловеласу и на этот раз вывернуться, избежать брачных уз? Ну, если, конечно, он не попал в подстроенную ему ловушку по доброй воле.

Как и следовало ожидать, судьба оказалась куда более милостива к нему, чем к бедняжке Джоселин. Собственно говоря, после завтрака, во время которого у нее кусок не лез в горло, судьба, вероятно, решила, что Джоселин еще недостаточно наказана, и вознамерилась подвергнуть ее еще большему унижению.

В соответствии с уже сложившейся традицией лорд Ферншо после завтрака объявил, что заранее разбил своих гостей на пары для участия в игре в волан. По мере того как проигравшие будут выбывать из игры, останутся только самые сильные, из которых в итоге и составят команду для последнего состязания.

В этой игре Джоселин не было равных. Гордая своим мастерством, она твердо рассчитывала в этот раз увезти домой один из главных призов — две великолепные подставки для книг в виде Минотавра.

К несчастью, в партнеры ей выбрали не кого иного, как Адама. И играть они должны были против Девона и Лили. Заметив ее расстроенное лицо, Олтон, улучив удобный момент, отвел Джоселин в сторону.

— Мы подбирали пары вечером в пятницу, — смущенно шепнул он ей на ухо, — до того, как вы и Девон... как вас с Девоном... ну, вы понимаете.

Ей на мгновение даже стало жалко Олтона — она догадывалась, что он хотел сказать. К несчастью, Джоселин вдруг почувствовала, что у нее внезапно пропало всякое желание состязаться. Адам тоже стоял с несчастным видом. Оставалось только надеяться, что им вообще не придется играть, поскольку Девон сразу же после завтрака куда-то исчез, и никто не знал, куда он подевался.

Впрочем, пару минут спустя, когда Джоселин уже решила, что игра не состоится, он вдруг появился. Ей не нужно было даже оборачиваться, чтобы догадаться, кто пришел. Все разговоры мигом стихли как по мановению волшебной палочки, головы всех, словно по команде, повернулись в одну сторону, и — Джоселин готова была поклясться в этом — даже птички на мгновение забыли щебетать. Женские головки, увенчанные нарядными шляпками с высокими тульями, грациозно склонялись друг к другу. А молодые джентльмены, ухмыляясь, подталкивали друг друга локтями.

И конечно, как только Девон, пройдя через двор, присоединился к собравшемуся на лужайке обществу, все разговоры разом возобновились с удвоенной силой.

Никто не осмеливался посмотреть ему в глаза, за исключением одной лишь Джоселин, решившей, что это было бы ниже ее достоинства.

Лицо Девона казалось более суровым и мрачным, чем утром, хотя, если честно, у нее язык не повернулся бы сказать, что он выглядит расстроенным или хотя бы встревоженным. Понимал ли он, что жизнь со всеми ее многочисленными удовольствиями, которой он до сих пор наслаждался, приняла для него столь неожиданный оборот?

Впрочем, может, он вовсе и не собирался от них отказываться, внезапно подумала она.

Участникам соревнования давалось двадцать минут, чтобы размяться. Поскольку Адам старательно делал вид, что не замечает ее, Джоселин, взяв ракетку, принялась перебрасываться воланом со своей ближайшей приятельницей Унифред, ничуть не скрывавшей своей озабоченности таким неожиданным оборотом событий.

— Почему ты мне не сказала, что на самом деле влюблена в Девона, а не в Адама? — сердитым шепотом спросила она, как только подруги заняли свои позиции.

Джоселин сильным ударом ракетки послала волан в воздух.

— Потому что я о нем вообще не думала. Меня обманом заманили на свидание с ним. А сам Девон уверяет, что рассчитывал встретить там Лили. Это ее он собирался соблазнить, а вовсе не меня.

Унифред едва не выронила ракетку.

— Вот это да!

— Леди и джентльмены! — крикнул со своего конца лужайки лорд Ферншо. — Прошу вас, займите свои места рядом с партнерами. Состязание начинается!

Джоселин с самоуверенным видом встала рядом с Адамом, тогда как группа молодых людей во главе с Девоном, заняла свои места на противоположной стороне лужайки. Сбросивший сюртук и оставшийся в одной рубашке и черных панталонах, Девон выглядел на добрую голову выше самого рослого из гостей; даже на таком расстоянии бросалось в глаза, с каким непринужденным изяществом он двигается, — рядом с ним остальные игроки

казались неуклюжими деревянными куклами.

— Вы готовы играть? — чопорно осведомился у своей партнерши Адам, старательно отводя глаза в сторону, чтобы как-нибудь ненароком не взглянуть на нее.

Джоселин посмотрела на него с упреком, невольно отметив про себя его выступающий вперед подбородок. — Да, Адам...

— Прошу вас, Джоселин, займите свое место, — демонстративно отодвинувшись в сторону, буркнул он. — Если вы решили посплетничать, то выбрали для этого не слишком подходящее место.

Господи... да он презирает ее!

Внутри у Джоселин все перевернулось. Вскинув руку с зажатой в ней ракеткой, она решительно двинулась вперед. Какое ей дело до какого-то дурацкого турнира, когда вся ее жизнь пошла прахом?

Внезапно Джоселин обнаружила, что оказалась лицом к лицу с миссис Лили Кранли против которой ей, собственно говоря, и предстояло играть. Самое время продемонстрировать чувство собственного достоинства, напомнила она себе. В этот момент Лили, случайно или намеренно, уронила ракетку. Девон учтиво поспешил к ней, чтобы ее поднять. И в тот момент, когда он наклонился, Лили, воспользовавшись удобным моментом, смерила свою соперницу таким разъяренным взглядом, что все благие намерения Джоселин держаться с достоинством развеялись, точно дым.

Более того — когда Девон выпрямился, Лили вдобавок еще положила ему на плечо свою изящную ручку и торжествующе покосилась на Джоселин.

Игра началась.

И тут случилось нечто такое, чего никто не ожидал. Внезапно Джоселин почувствовала, что уже не в состоянии держать себя в руках. Хорошие манеры благовоспитанной молодой леди были мгновенно забыты. В нее точно дьявол вселился. Джоселин внезапно охватила такая злоба, что она не помнила себя.

Никто и глазом не успел моргнуть, как она стремглав пронеслась через всю лужайку в погоне за воланом, который Адам имел неосторожность послать в воздух над ее головой. А в следующее мгновение они с Лили уже мчались наперегонки, и каждая из них готова была пожертвовать всем в безумной попытке отправить свой воланчик выше и дальше, чем ее соперница.

Краем глаза она успела заметить игравшую на губах Девона усмешку. И тут ее слуха коснулся сердитый шепот Лили:

— Не волнуйся, милый. Я знаю, как играть в эту игру. И будь, уверен, я укажу этой простушке, где ее место.

На мгновение Джоселин даже растерялась немного. Что это — угроза? Неужели очаровательная вдовушка всерьез считает ее своей соперницей? Боже правый, уж не решила ли она, что Джоселин тоже претендует на внимание Девона?

«Ну да, как же, держи карман шире!» — прикрикнула на себя Джоселин. Только глупая гусыня вроде нее может всерьез думать такое. Как будто, если такого человека, как Девон, силой или хитростью заставят жениться, это что-то изменит! Можно подумать, став ее мужем, он откажется от своих привычек. А вдруг прелестная вдовушка, эта охотница на мужчин, упустив Девона, уйдет в монастырь?

— Я тоже знаю, как играть в эту игру, — сквозь зубы прошипела она.

— Что?! — растерянно переспросила Лили. Рука ее, в которой она держала ракетку,

застыла в воздухе.

Голос Джоселин звучал настолько угрожающе, а выражение лица и даже поза ее до такой степени не походили на те, которые подобают юной леди, что Лили, опешив, только удивленно хлопала глазами. На один краткий миг Джоселин даже стало стыдно.

И тут вдруг за спиной у нее послышался громкий мужской смех. И хотя смеялся не Девон, Джоселин легко могла представить себе, как забавно выглядит в его глазах это сцена. Две женщины сошлись грудь с грудью, точно два боксера на ринге, одна — желанная, другая — к которой он равнодушен, но на которой, тем не менее, вынужден жениться, и готовы перегрызть друг другу горло из-за какого-то несчастного воланчика!

Джоселин внезапно стало все равно, как это выглядит со стороны, и что о ней подумают. Пусть хоть вся Англия смотрит — ей наплевать! Сейчас Джоселин могла думать только об одном — надо победить! Все остальное было уже не важно. Когда-то брат сказал ей, что она заставила его побегать так, как оказалось не под силу всем армиям Бонни [2].

Две ракетки одновременно взметнулись в воздух, ее собственная и ракетка Лили, в попытке завладеть одним и тем же свободным пространством, одним и тем же главным призом, о котором не было сказано ни слова, но о котором думали обе.

— Мой! — вскинув одну руку, пробормотала Лили. Локоть другой был угрожающе нацелен на Джоселин. — Слышишь, жадная маленькая дурочка, это мой волан!

Уставившись в одну точку, Джоселин тяжело дышала. Губы ее, затвердев, вытянулись в нитку, в голове вертелась одна мысль — настоящая леди на ее месте вежливо посторонилась бы, дав Лили возможность первой послать в воздух свой волан.

Но она не собиралась этого делать. Просто не могла — и все! Сказать по правде, она сейчас и сама толком не понимала, что намерена предпринять.

— Нет, мой, — угрожающе прошипела она. Лили презрительно фыркнула:

— Черта с два он твой! Это мой волан!

— Нет, мой!

— Нет, мой!

Джоселин молниеносным движением вскинула руку вверх. А потом подпрыгнула, с силой взмахнув ракеткой. Ее локоть погрузился в пухлую, колышущуюся грудь Лили. А мгновением позже ее ракетка с громким стуком опустилась на очаровательный, кокетливо вздернутый носик Лили.

Лили, скосив глаза вниз, молча уставилась на тоненькую струйку крови, стекающую с ее верхней губы. Над лужайкой воцарилась гробовая тишина. А потом эту тишину вспорол пронзительный крик, который издала Лили, крик боли и ярости, от которого у всех зазвенело в ушах.

— Она набросилась на меня! Боже милостивый, я истекаю кровью... О Господи, Господи! Кровь... всюду кровь... Боже, мне плохо! Я сейчас упаду в обморок! Я...

— Ради всего святого! — воскликнул какой-то юный джентльмен. — Она и вправду сейчас упадет! Кто-нибудь держите ее!

— Она налетела на меня, как метеор! — оглушительно завопила Лили. На удивление громко, особенно для женщины, собирающейся упасть в обморок.

Какой-то мужчина, кинувшийся ей на помощь, бесцеремонно отпихнул Джоселин в сторону.

— Ну-ну, миссис Кранли, держитесь!

— Мой нос! Мой нос! — голосила Лили. — Он сломан, да?

— Нет-нет, что вы! Думаю, через пару недель все будет в порядке, — успокаивал ее мужчина.

— Недель?! — взывала Лили.

Вопль ее, пронзительный, как иерихонская труба, разом пробудил всех к жизни. Стряхнув с себя оцепенение, люди всполошились и забегали, как испуганные муравьи.

Слуги носились с мокрыми салфетками, джентльмены суетились вокруг Лили, отталкивая друг друга локтями и борясь за право помочь перепуганной до смерти, истекающей кровью очаровательной вдовушке. Джоселин на подгибающихся ногах попятилась и едва не упала, почувствовав спиной чье-то мускулистое тело, обладатель которого незаметно подошел к ней сзади, чтобы поддержать.

— Господи, помилуй, Джоселин, — растерянно пробормотал Адам, вытаскивая из кармана жилетки платок. — Зачем вы так? Совсем не обязательно было бить ее! Конечно, я понимаю, вы немного расстроены, но... это уж слишком!

— Но я же не нарочно! — прошептала она, озираясь по сторонам. Но, похоже, никому не было до нее никакого дела. Центром внимания в данный момент была, естественно, миссис Кранли. А очаровательная вдовушка из кожи вон лезла, изображая себя несчастной, беспомощной жертвой отвратительного жестокого нападения.

— Боже милостивый! — Презрительно сморщив носик, леди Уинифред смотрела, как Лили, жалобно стелаясь, рухнула на руки двух джентльменов, которым выпало счастье пробиться к ней первыми. — Сколько шума из-за такой ерунды! Держу пари, эта дамочка выжмет из ситуации максимум возможного!

— Честно говоря, я чувствую себя просто ужасно, — прошептала Джоселин.

— Но все-таки не настолько плохо, как она, — бросил ее брат Джейсон, протолкавшись к ним сквозь плотную толпу гостей. — Послушай, Джоселин, что за дьявол в тебя вселился? Знаешь, это как-то неспортивно!

Уинифред незаметно толкнула его локтем.

— Ну, это же просто игра! А во время игры всякое может случиться, кто же этого не знает?

Джейсон ухмыльнулся.

— Думаю, самое лучшее, что мы можем сделать, это посадить Лили на корабль и отправить в Гонконг. Кстати, одно из моих судов через пару дней встанет на якорь у побережья. Долгое морское путешествие наверняка пойдет ей на пользу. К тому же у нее будет достаточно времени, чтобы сошел синяк.

— Думаю, скорее уж это меня нужно отправить морем куда-нибудь подальше, пусть в тот же Гонконг. — Джоселин сделала осторожный шаг, стараясь незаметно выбраться из толпы. Потом еще один и еще — и вот она уже стоит на самом краю лужайки.

Тяжелая капля упала ей на лоб. Дождь. Ну почему бы ему, не пойти чуть-чуть пораньше? Не было бы этой дурацкой игры...

И что ей теперь прикажете делать? Как извиниться за столь неподобающее воспитанной леди поведение? Джейсон прав — действительно, что за дьявол в нее вселился?

Джоселин растерянно топталась на месте, слушая жалобные стоны Лили и невольно начиная закипать. Больше всего сейчас ей хотелось незаметно улизнуть, но, к несчастью, в данный момент это было совершенно невозможно. Прямо перед ней, отвернувшись в сторону, стоял Девон. Ох! Неужели ему так стыдно, что он не в силах даже заставить себя посмотреть на нее?! Внезапно Джоселин разозлилась. Пусть только попробует что-то

сказать насчет носа своей любовницы! Поскольку ей все равно нечего терять, она мигом расквасит нос и ему!

— Пожалуйста, позвольте пройти, — собрав в кулак остатки своего самообладания, обратилась она к нему.

— Одну минутку, — пробормотал он. Потом нагнулся и незаметно подобрал что-то с дорожки.

— Если вы намерены снова посмеяться надо мной, — прошипела Джоселин, с ненавистью сверля взглядом его затылок, — то, по крайней мере, делайте это за моей спиной! Сегодня я уже до дна испила чашу унижения!

— Ну, положим, вы испили только свою долю, — буркнул он. — И я вовсе не собирался смеяться над вами. — Девон выпрямился; глаза его смеялись. — Вот, держите! Я всего лишь собирался вернуть вам эту штуку.

Джоселин, приоткрыв рот, уставилась на его ладонь. Там лежал украшенный пестрыми гусиными перьями волан. Или, если точнее, ее волан — тот самый, который, по ее мнению, нахально пыталась отобрать у нее Лили. Кровь разом отхлынула от лица Джоселин, она молча разевала рот, словно вытасченная из воды рыба, поскольку слова застряли у нее в горле. Господи, какой стыд! Из-за такой безделицы устроить безобразную драку у всех на глазах... да еще учитывая, что это вообще был не ее волан!

— Ну-ну, ничего страшного! Не принимайте близко к сердцу! — Девон окинул оценивающим взглядом толпу, словно желая убедиться, что никто не обращает на них внимания, после чего незаметно сунул злополучный волан в карман. — Пусть это останется нашей маленькой тайной, это самое меньшее, что я могу для вас сделать, учитывая... — Он осекся!

— Учитывая что? — смущенно спросила Джоселин.

— Ну, как-никак, будущие муж с женой обязаны поддерживать друг друга, не так ли? — с некоторым сомнением в голосе протянул Девон.

Джоселин с трудом проглотила вставший в горле комок. Ну что прикажете делать с таким человеком? И как быть, когда от таких слов сердце у нее едва не выпрыгивает из груди?

— Жаль, что никому не пришло в голову остановить меня прежде, чем я устроила весь этот спектакль, — грустно прошептала она.

— А никто просто не успел, — невозмутимо объяснил Девон. — Времени не было. Вь стрелой промчались через лужайку и набросились на бедняжку Лили. — Помолчав немного, он ехидно добавил: — Никогда не видел ничего подобного! Признаюсь, я потрясен!

Джоселин с трудом подавила смешок.

— Ну вот, вы все-таки смеетесь надо мной!

— Боже упаси... и не думал даже! Смеяться над женщиной, способной одним ударом нокаутировать противника, — слуга покорный!

Она незаметно отодвинулась в сторону — к ним направлялись остальные гости. Среди них была и Лили.

— Может, попробуете ее успокоить? — смущенно предложила Джоселин.

Девон оглянулся.

— По-моему, в данный момент у нее нет недостатка в утешителях, — небрежно бросил он. Джоселин, кивнув, повернулась, собираясь незаметно улизнуть.

— Думаю, мне лучше сейчас вернуться к себе.

— Подождите минутку. — Он схватил ее за руку.

— Девон...

— Если вы хотите пробраться в дом незаметно, я покажу вам, как это можно сделать.

— Наверное, это будет лучше всего. Особенно после того, что я натворила, — вздохнула

Джоселин.

Схватив Джоселин за руку, Девон потянул ее за собой за деревянные шпалеры, сплошь заросшие плющом.

— Мне кажется, вы говорили, что поможете мне вернуться в дом окольным путем, но это как-то не похоже...

Девон ухмыльнулся:

— Так оно и есть. Но мне кажется, кто-то идет.

За шпалерами едва хватало места для них двоих, не говоря уже о том, что им теперь пришлось стоять вплотную друг к другу. Джоселин, раздвинув ветки, пыталась что-то разглядеть. Девон встал у нее за спиной, положив руку ей на плечо. Его теплая сильная ладонь, обхватив ее затылок, заставила ее повернуться к нему лицом. Взгляды их встретились. Его горящий взгляд, сулящий какие-то сладкие, неведомые доселе наслаждения, заставил Джоселин оцепенеть. Из груди ее вырвался стон, ноги внезапно стали ватными. Потом она почувствовала, как его рука обхватила ее за талию. Рывком, притянув ее к себе, Девон прижал девушку к груди.

Зажмурившись, Джоселин даже не пыталась сопротивляться. Вместо того чтобы оттолкнуться, она прижалась к нему, словно умоляя его о большем, хотя даже понятия не имела, чего ей хочется в этот момент.

Она смутно слышала чьи-то негромкие голоса, доносившиеся до них с лужайки из-за шпалер с плющом. Сделав глубокий вздох, Джоселин открыла глаза. Девон улыбался. Рука его, обвинявшая ее талию, сжалась, он еще теснее прижал ее к себе, ясно давая понять, что не намерен отпустить. Потемневшие глаза горели соблазном.

Голоса стали ближе, потом вдруг куда-то пропали. Искушение было слишком велико, чтобы Джоселин могла устоять. И она сдалась.

Нагнувшись, Девон прижался губами к ее губам, и в этот момент греховная синева его глаз, оказавшихся совсем рядом, внезапно заслонила ей небо, почти слившись с ним. Джоселин, беззвучно вздохнув, приоткрыла губы. По спине ее пробежала восхитительная дрожь предвкушения чего-то чудесного.

Поцелуй Девона был полон невыразимого соблазна. По всему телу Джоселин разлилась какая-то слабость, затопила мозг, лишив ее возможности соображать. Она смутно чувствовала его нараставшее возбуждение, ощущала, как под тонкой тканью панталон, туго облежавших его бедра, появилась какая-то выпуклость, которая росла и твердела прямо у нее на глазах. На мгновение она перестала дышать, когда его губы стали впиваться в ее рот. Внезапно весь мир как будто перестал существовать. Остались только она и этот неотразимый мужчина.

Чьи-то голоса, раздавшиеся совсем близко, словно иголкой вонзились в ее затуманенный мозг, разом вернув Джоселин к действительности. Мимо шпалер с другой стороны неторопливо шли два джентльмена. Один из голосов внезапно показался ей знакомым. Задумчиво склонив голову набок, Девон прислушался.

— Господи, ну и зрелище! Она едва не вышибла из миссис Кранли дух. Что за бес вселился в эту женщину!

— Если бы ты хоть часть дня бывал трезвым, то знал бы это не хуже меня! Джоселин — любовница Боскасла. Он, как последний дурак, позволил, чтобы его застигли на месте преступления, когда они с этой невзрачной девицей развлекались в башне. И теперь вынужден на ней жениться.

— А кто его застукал? Небось, ее отец?

— Вот именно — сэр Гидеон собственной персоной. Могу только сказать, что Джоселин, скорее всего, унаследовала бешеный нрав своего папаши. Мой дядя в свое время рассказывал, что у него есть гнусная привычка избивать...

Голоса стихли вдали. Чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, Джоселин рванулась в сторону, пытаясь высвободиться из объятий Девона. Этот джентльмен, будь, проклят его болтливый язык, допустил, по крайней мере, одну ошибку. Если уж речь зашла об отце, она могла бы многое рассказать о нем, но скорее бы умерла, чем сделала это. Оставалось только надеяться, что слухи о сэре Гидеоне еще не дошли до Девона.

Джоселин попыталась уйти.

Девон быстро обернулся. В глазах его мелькнуло удивление.

— Джоселин...

— Все в порядке, — сдавленным голосом пробормотала она.

— Проклятие... так как насчет того, чтобы вернуться в дом потихоньку от всех? — крикнул он ей вдогонку.

Джоселин, не ответив, только молча покачала головой и слепо двинулась к дому. Ничего не видя от слез, она вышла на дорогу, ведущую к замку, радуясь, что Девону хватило ума не броситься за ней вдогонку.

Он смотрел, как она удаляется с грацией и достоинством принцессы королевской крови — принцессы, преследуемой по пятам свитой постыдных воспоминаний. Он собирался сделать вид, что ничего не слышал. Или лучше оградить ее от града язвительных и насмешливых замечаний, которые им довелось подслушать? Но Джоселин не дала ему возможности сделать ни то ни другое.

И вот теперь, размышляя об этом, он гадал, что расстроило ее сильнее: сплетни, ходившие о нем и Лили, или намек на жестокость ее отца? Если бы Джоселин, словом или жестом намекнула ему... Но она этого не сделала.

И все же он успел заметить стыд и унижение, искажившие ее лицо, когда она, отвернувшись, бросилась бежать. И, как истинный Боскасл, готов был немедленно ринуться на ее защиту. Но разве ему под силу спасти ее от ран прошлого? По правде сказать, ему самому было тошно слушать, как чужие люди судачат о ее унижении. И что самое страшное, часть вины за это лежит и на нем.

Он увидел, как по дорожке идет Лили, услышал ее мягкий, журчащий смех, ясно говоривший, что умирать она явно не собирается, по крайней мере, в ближайшее время. Как истинный джентльмен, он обязан был немедленно выбраться из своего укрытия и осведомиться, как она себя чувствует.

Однако он не сдвинулся с места. Просто не смог этого сделать, иначе ему бы не удалось проводить взглядом мелькавшую между деревьями хрупкую фигурку Джоселин. Больше всего на свете ему хотелось броситься за ней. Он бы так и поступил, если бы знал, что ей сказать, как успокоить. Но он этого не знал. Зато хорошо понимал, что для него нет ничего мучительнее, чем видеть ее в слезах.

В тот же самый вечер, чуть позже, произошло еще одно волнующее событие. Во время

любительского боксерского матча, который был организован в саду с причудливо подстриженными деревьями, Девон «совершенно случайно» точным апперкотом отправил в нокаут сначала одного, а потом и другого джентльмена, обсуждавших Джоселин, пока они прятались за шпалерами. Разумеется, он потом долго извинялся, украдкой любуясь одинаковыми, фиолетовыми фонарями, которыми обоим предстояло шеголять еще немало дней.

Конечно, только полный идиот поверил бы, что это вышло случайно. Однако все, словно сговорившись, благоразумно предпочитали держать язык за зубами, за исключением его старшего брата, Грейсона Боскасла, пятого маркиза Седжкрофта. Тот, будучи главой семьи, считал своим долгом время от времени направлять своих младших братьев на путь истинный, чтобы не дать им совершить те же самые грехи, которые в свое время совершал сам. Правда, на этот раз Грейсон, похоже, не слишком осуждал Девона.

— Неплохо, совсем неплохо, — одобрительно пробурчал он. — Мужчина должен защищать женщину, на которой собирается жениться.

Женщину, на которой он собирается жениться. При одной мысли об этом в паху разлилась сладкая боль. Резко повернувшись, он набросил на плечи сюртук и почти бегом выскочил из сада.

— Судя по твоему гробовому молчанию, то, что рассказала мне Эмма, чистая правда, так? — насмешливо осведомился Грейсон, едва не наступавший ему на пятки. — Тебя застали при компрометирующих обстоятельствах в обществе единственной дочери сэра Гидеона Лидбери, и ты дал слово, что женишься на ней?

Они как раз подошли к внутреннему двору замка. Девон, тяжело вздохнув, оглянулся на старшего брата и перешел с рыси на шаг.

— Да, ты не ошибся, — с отрешенным видом кивнул он. Грейсон покачал головой:

— Ну, должен признаться, ты меня удивил. Просто потрясающе, честное слово! Ты женишься, да еще на леди, которая... хм... так поразительно ловко владеет ракеткой!

Девон смущенно улыбнулся:

— Вообще говоря, она совсем не покушалась на нос миссис Кранли.

— Как же это случилось? — негромко спросил Грейсон. — Я хочу сказать... Бога ради, Девон, как ты умудрился попасться на удочку?

— Сам не понимаю. — Девон покачал головой. — Меня обманули... я был уверен, что в башне меня ждет другая женщина.

— Часом не та самая, чей нос так пострадал? — ехидно осведомился старший брат.

— Все, что я могу сказать, — это то, что нас обоих обманом завлекли на это свидание.

— У тебя есть какие-то соображения, кому это могло понадобиться?

— Если честно, вначале я подумал на Гейбриела. Грейсон нахмурился.

— Неудивительно, учитывая, что он годами соперничал с Дрейком. Я бы тоже подумал на него, если честно. Но, несмотря на то, что жизнь у Гейбриела была несладкой и он до сих пор счастлив, когда у него появляется возможность подложить кому-то из нас свинью, тем не менее, не забывай, он тоже Боскасл.

— Знаю, — кивнул Девон.

— Если бы разъяренным отцом, с которым нам предстояло иметь дело, был не сэр Гидеон, а кто-то другой, — задумчиво протянул Грейсон, — я бы просто предложил ему отступного...

Девон предостерегающим жестом вскинул руку: — Послушай, я ведь отправился в эту

башню, прекрасно отдавая себе отчет, что иду на любовное свидание. А это всегда определенный риск, даже если здесь не кроется ловушка.

— Именно риск и придает всему этому предприятию непреодолимый соблазн, — согласился Грейсон.

— Только не на этот раз. Направляясь туда, я был готов рисковать, потому что надеялся, что в любом случае вывернусь, и ничего непоправимого не произойдет. Я ведь понятия не имел, что в башне меня ждет Джоселин, — напомнил Девон.

— Мне очень жаль, — вздохнул Грейсон. — Что ж, утешайся тем, что твоя будущая жена не лишена определенного шарма.

— Да, — согласился Девон. — Правда, я бы предпочел все-таки, чтобы мы получше узнали друг друга прежде, чем священник соединит наши руки у алтаря.

Он рассеянно разглядывал восточную башню замка, любуясь ее благородными очертаниями и думая о том, как изумительно она выглядит в дневное время.

— Мне некого винить. Я свалил дурака — мне расставили ловушку, и я сам добровольно угодил в нее, — негромко проговорил он. — Теперь у меня нет выбора. Придется смириться с неизбежным и с достоинством принять то, что меня ждет. Все, конечно, уверены, что я непременно сбегу, но я этого не сделаю. Более того — я твердо намерен дать Джоселин свое имя.

— Только имя и ничего больше? — сделав многозначительную паузу, спросил Грейсон.

— Не знаю, что я еще могу ей дать, — с горечью бросил Девон. Грейсон удивленно приподнял брови — такое самоуничижение было для него внове. — Ей и сейчас несладко, а уж потом... В общем, если кто и выигрывает от нашего брака, то уж точно не она. Но я надеюсь... что мужчина и после брака не обязательно должен отказываться от личной жизни, верно? Можно ведь как-то устроиться... ну, ты меня понимаешь.

— Разумеется. Многие мужчины так делают, — понимающе кивнул Грейсон.

— Послушай, неужели ты никогда не испытывал соблазна хоть раз сходить налево? — не выдержал Девон.

— Честно? — ухмыльнулся Грейсон. — Ни разу! Даже в голову не приходило. Можешь не верить, но я очень счастлив с Джейн. Моя жена полностью меня удовлетворяет как в постели, так и... в общем, во всех отношениях.

— Может, это потому, что ты сам выбрал себе жену, — пробурчал Девон.

— Да, возможно, поэтому. Хотя должен тебе напомнить, что, пока я ухаживал за ней, наши отношения трудно было назвать гладкими.

Погрузившись в свои невеселые мысли, Девон молча мерил шагами двор. Он не обязан любить Джоселин, давать ей какие-то обещания, которые он потом будет не в силах выполнить. Кроме того, он не собирается менять свою жизнь просто потому, что обстоятельства заставляют его жениться. Иначе говоря, им с Джоселин надо пойти на компромисс, на взаимные уступки, чтобы сделать их совместную жизнь приемлемой для обоих.

Чтобы хотя бы не пострадала их гордость.

Двумя часами позже брат Джоселин отыскал Девона в библиотеке, где тот коротал время в обществе других джентльменов, и, отведя его в сторону, невозмутимо сообщил, что получил записку от сэра Гидеона, в которой тот настаивал, чтобы венчание состоялось не позже чем через неделю — иначе говоря, раньше, чем поползут неизбежные слухи.

Девон равнодушно пожал плечами. Он уже успел смириться с неизбежным, а раз так, то

место и время уже не имели никакого значения.

— Отец предпочел бы, — продолжал Джейсон, — чтобы во избежание нежелательной шумихи свадебная церемония состоялась в лондонском особняке лорда Седжкрофта, а венчание — в его домашней часовне. То есть если, конечно, сам лорд Седжкрофт не против. Грейсон повернулся к младшему брату:

— Меня это устраивает. У тебя нет возражений, Девон?

— Нет, — криво усмехнулся тот. Как ни странно, это была чистая правда.

Кроме всего прочего, отец Джоселин потребовал, чтобы официальное объявление об их помолвке было сделано вечером того же дня и непременно в присутствии свидетелей. И поскольку он сам не собирался присутствовать на этом знаменательном событии, то попросил, чтобы его заменил старший сын. Было ясно, что сэр Гидеон Лидбери рассчитывает, что официальная помолвка свяжет Девона по рукам и ногам, отрезав ему все пути к отступлению.

Он все продумал заранее.

Однако как-то с трудом верилось, что Девон согласится выполнить это требование исключительно ради того, чтобы сделать приятное сэру Гидеону, в особенности учитывая тот факт, что все его друзья, собравшись наверху, бились об заклад, споря, сколько времени пройдет, прежде чем он решит, наконец, обратиться в бегство. В результате Девон даже не потрудился спуститься к обеду, вынудив Джоселин извиниться за него. Ей пришлось поломать себе голову, придумывая, что сказать в его оправдание. Разумеется, никто не поверил ни единому ее слову.

— Возможно, ему просто требуется время, чтобы привыкнуть к мысли о женитьбе, — надеясь успокоить подругу, прошептала Уинифред, когда они, встав из-за стола, удалились в гостиную, оставив мужчин одних.

— Скорее ему просто требуется время, чтобы собрать вещи, — с горькой усмешкой бросила в ответ Джоселин.

Подобрав подол бледно-розового с золотом платья, она задумчиво разглядывала клубившуюся возле дверей гостиной толпу гостей. Даже с того места, где они стояли, было видно, какое нетерпеливое ожидание написано на лицах собравшихся.

Впрочем, ей не нужно было смотреть на них, чтобы догадаться, что Девона нет среди гостей.

Возможно, он вообще не намерен присутствовать во время официального объявления об их помолвке. Не исключено, что он решил поступить с ней так же, как четыре года назад.

Она будет одиноко торчать посреди комнаты, принимая поздравления по случаю ее обручения с человеком, который погубил ее репутацию и теперь даже не считает нужным скрывать, до какой степени ему неприятна сама мысль о браке с ней.

Ее брат, проследив за взглядом Джоселин, покачал молча головой — то ли с осуждением, то ли сочувственно. К счастью, у него хватило деликатности ничего не сказать — да и что тут говорить, с горечью подумала Джоселин. То, что Девон не счел нужным явиться в такой момент, говорило само за себя. Даже думать об этом было больно.

Она почувствовала на себе взгляд Адама, который уже довольно долго таращился на нее. И хотя он молчал, однако красноречивые вздохи, которые он то и дело выпускал, едва не довели Джоселин до истерики. Она и так уже была на грани нервного срыва, а от взглядов Адама ей стало совсем тошно. Наверное, ему тоже было несладко, вдруг промелькнуло у нее в голове. Однако Джоселин не преминула отметить, что, несмотря на это, Адам ясно дал понять, что у него больше и в мыслях нет предложить ей руку и сердце. Впрочем, может, оно и к лучшему, подумала она. Разве он может теперь доверять ей после того, что она сделала? Тем более что теперь она уже и сама себе не доверяла.

Лили тоже не сочла нужным явиться... но, с другой стороны, как она могла прийти,

учитывая, что нареченная ее нынешнего любовника набросилась на нее как фурия, в результате чего очаровательная вдовушка в настоящий момент лежала в постели с компрессом на носу. Впрочем, если не считать распухшего носа, отсутствие интереса к предстоящему объявлению о помолвке с ее стороны было вполне понятным. Хотя остальные гости не скрывали своего разочарования — видимо, все уже заранее настроились полюбоваться еще одним поединком за сердце Девона, но их надеждам не суждено было сбыться.

Ожидание длилось уже добрых два часа, и на лицах гостей читалось нетерпение, которое они даже не пытались скрыть. Многие были разочарованы тем, что развязка драмы, которой все дожидались с таким нетерпением, до сих пор откладывается. Джоселин без труда догадывалась, о чем все думают. Неужели лорд Девон вдруг ни с того ни с сего без памяти влюбился в дочь сэра Гидеона? И любит ли он ее вообще? Открытое нежелание жениха принять участие в торжественном событии красноречиво свидетельствовало об обратном.

Потерявший терпение Грейсон уже раз десять незаметно прокрадывался в комнату к Девону в надежде привести его с собой, однако всякий раз возвращался один — вернее, с натянутой улыбкой и нескладной выдумкой о младшем брате, которого, по всей вероятности, задерживают неотложные дела, потребовавшие его присутствия где-то в другом месте. Ему, разумеется, никто не верил.

В конце концов, Гейбриел, не выдержав, предложил обыскать сад — может, пропавший кузен отыщется там. Эмма шепотом твердила на ухо Джоселин, что Девон непременно явится, чтобы выполнить свой долг, однако, по мере того как шло время, ее заверения выглядели все более жалко.

— Как, по-твоему, какова отличительная черта Девона? — услышал Грейсон. Слегка повернув голову, он догадался, что вопрос Гейбриела был адресован Эмме.

На губах Эммы мелькнула вымученная улыбка. Ее встревоженный взгляд не отрывался от двери.

— Наверное, обаяние.

— Да? Ну-ну. Хотел бы я посмотреть, как оно поможет ему выбраться из этой неприятной ситуации, — пробормотал Гейбриел.

Грейсон украдкой бросил взгляд в противоположный угол гостиной. Да уж, «неприятная» — это еще мягко сказано, вздохнул он. Джоселин, надменно выпрямившись, сидела на стуле с каменным выражением лица, ясно говорившим о том, что ей глубоко наплевать, что произошло с ее запропастившимся женихом, даже если он вдруг решил бросить ее и сбежать на другой конец света. Что, скорее всего и произошло. Вздвогнув, Грейсон зябко передернул плечами, пытаясь припомнить, как Девон раньше выходил из подобных ситуаций. Ему вдруг стало не по себе. Услужливая память тут же подсунула ему воспоминание о том, как после смерти матери и последовавшей за ней гибелью младшего брата Девон едва не сломался. Он тогда пропадал целыми днями, сломя голову носясь верхом, пока все они сходили с ума от тревоги за него.

Памятуя о собственных эксцентричных выходках, Грейсон не придавал особого значения проделкам младших братьев — во всяком случае, пока не стал взрослым. И вот теперь, став главой семьи, внезапно почувствовал настоятельную потребность подавать им достойный пример для подражания. Жаль только, что это случилось, когда он сам только-только начал понимать, для чего живет, сообразил, наконец, что он уже не мальчик, что у

него есть жена и маленький сын.

— Прошу меня извинить, — пробормотал он, обведя взглядом гостей. — Я либо вернусь со своим братом, либо не вернусь вообще.

Не прошло и нескольких минут, как Грейсон, выскочив из замка, вихрем ворвался на конюшню. Обыскав ее и никого, не найдя, он решил обследовать окрестность. И вскоре увидел младшего брата. Тот галопом поднимался по залитому лунным светом выгону. Глядя на него, Грейсон почувствовал, что начинает закипать. Бог свидетель, он знал о давней страсти, которую Девон испытывает к лошадям, и даже разделял ее, но всему же есть предел! Он готов был придушить Девона.

— Где ты пропал, черт тебя подери?! — едва дождавшись, когда Девон подъедет поближе, набросился он на брата, краем глаза отметив про себя его осунувшееся лицо, понурый вид. — Ты, случайно, не забыл о своей помолвке? Между прочим, она должна была состояться несколько часов назад!

— Надеюсь, ты извинился за меня? — спешившись, буркнул Девон.

Грейсон, возмущенно фыркнув, скрестил руки на груди. Девон за последние годы сильно вытянулся и умудрился перерастить старшего брата на целую голову. Исподтишка разглядывая его мрачное лицо, Грейсон впервые задумался, насколько хорошо он знает, что происходит в душе этого темноволосого, смуглого дьявола. Интересно, а как бы он сам держался, окажись на месте Девона?

— Все гости еще в гостиной дожидаются твоего появления. Проклятие, что я мог им сказать?!

Девон рывком стащил с руки перчатку.

— Я ездил за подарком для невесты по случаю нашей помолвки.

Грейсон возмущенно воздел руки к небу:

— Ну, это должен быть королевский подарок, чтобы она согласилась простить тебя за то, что ты едва не сорвал вашу помолвку!

Губы Девона внезапно расплылись в усмешке.

— Так оно и есть. Во всяком случае, мне так кажется.

— Бриллианты? — насмешливо прищурился Грейсон.

— Разве ты мог ожидать чего-то меньшего от одного из Боскаслов? — Синие глаза Девона смеялись. Сунув руку в карман куртки для верховой езды, он вытащил оттуда голубой бархатный мешочек. — Ведь это вы с Дрейком научили меня тому, как с помощью подобных безделушек можно тронуть женское сердце.

— Между прочим, о каких безделушках идет речь? — поинтересовался Грейсон.

— В данный момент о бриллиантовой тиаре.

— О брилли... — поперхнулся Грейсон. — Проклятие... ты шутишь?! Где в Эссексе можно найти столь дорогую вещь?

— В поместье одной из наших страдающих старческим слабоумием тетушек.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что отправился к тетушке Кэтрин, чтобы попросить ее одолжить тебе ее тиару с бриллиантами?! — Грейсон не поверил своим ушам.

— Совершенно верно.

— Шутишь? Ту самую, которую она поклялась надеть только один раз — когда будет лежать в гробу?! Как тебе это удалось?

— Ну, я ведь и не говорил, что это было легко. Грейсон ошеломленно покачал головой.

— Черт меня подери! — благоговейно выдохнул он. — Ты просто дьявол! Никому из

нас не удалось бы умаслить старую ведьму, чтобы она по доброй воле согласилась расстаться со своими знаменитыми бриллиантами! А с чего тебе вообще вздумалось заполучить эту тиару?

Девон отвел глаза в сторону. Ему страшно не хотелось обманывать старшего брата, но и сказать правду он тоже не мог. Он понимал только, что Джоселин жестоко обидели, и внутренний голос подсказал ему... Черт, он вовсе не был уверен, что внутренний голос велел ему отправиться на край света, чтобы преподнести Джоселин бриллиантовую тиару, но именно так он и поступил.

И сейчас был страшно доволен собой, поскольку его грандиозный план удался.

— Хлоя всегда твердила, что у каждой юной леди обязательно должна быть бриллиантовая тиара, — заявил он с таким видом, словно никаких других объяснений в данном случае не требовалось.

Грейсон опустил глаза.

— А у тетушки Кэтрин, случайно, не найдется еще одной тиары с бриллиантами?

— Еще одной? — вытаращил глаза Девон. — Зачем?

— Для Хлои, — сдавленным голосом пробормотал Грейсон.

Девон нахмурился. Хлоей звали их необузданную рыжеволосую сестрицу, которая прошлым летом выскочила замуж за Доминика Брекланда, виконта Стратфилда. Они с Девоном всегда были, не разлей вода, хотя в последнее время виделись гораздо реже, чем раньше.

— Но ведь до ее дня рождения еще далеко, — озадаченно пробормотал он. — Почему ты решил вдруг сделать ей подарок?

— Ты знаешь, она потеряла ребенка, которого очень ждала. Собственно говоря, я и приехал, на этот чертов прием для того, чтобы рассказать тебе об этом. Но как оказалось, у тебя хватает своих проблем.

— С Хлоей все в порядке? — с тревогой спросил Девон.

— Надеюсь, что да, хотя, сам понимаешь, настроение у нее довольно подавленное.

Девон покачал головой:

— Я понятия не имел, что она ждет ребенка.

— Я тоже, — пробормотал Грейсон, расстроенный ничуть не меньше Девона. — Она сейчас с Джейн в нашем загородном поместье. Мы рассчитывали вернуться в Лондон все вместе. Так что, если вы с Джоселин в конце концов решите венчаться в моем доме, надеюсь, это хоть немного сможет отвлечь Хлою от грустных мыслей о ее собственных проблемах.

— Не уверен, что женитьба сможет отвлечь меня от грустных мыслей, — буркнул Девон.

К ним подбежал грум, чтобы отвести в конюшню покрытого пеной жеребца. Кинув ему поводья, Грейсон ехидно усмехнулся.

— Знаешь, я склонен, с тобой согласиться. Особенно после того, как имел возможность убедиться, какие увечья способна нанести твоя будущая супруга, когда она в гневе.

Несколько гостей из числа тех, кто постарше, не дождавшись возвращения Грейсона, отправилась спать. Даже лорд Ферншо, похоже, смирился с тем, что Девон вряд ли снизойдет до того, чтобы присутствовать на собственной помолвке; с присущей ему деликатностью он предложил собравшимся перейти в музыкальную гостиную и устроить экспромтом небольшой музыкальный вечер. Ночь выдалась лунная, и, как сказал своей

супруге лорд Ферншо, возможно, звуки скрипки и чудесная погода помогут гостям смириться с постигшим их разочарованием.

Джоселин поднялась со стула с высокой спинкой, на котором так и просидела весь вечер. Хватит с нее унижений на сегодняшний вечер, решила она.

— По-моему, уже довольно поздно. Кажется, первый час, если не ошибаюсь. — Сердце Джоселин болезненно сжалось. Она вдруг сообразила, что самые тактичные из числа собравшихся ждут, когда она признает свое поражение, чтобы разойтись по своим комнатам.

Леди Корделия Ферншо, молодая жена Олтона, ласково взяла ее за руку:

— Ну, не знаю, как вы, а я просто умираю от голода. Поэтому предлагаю перекусить — я прикажу, чтобы в музыкальной гостиной накрыли на стол, и мы устроим ужин при свечах. Кстати, Ферншо горит желанием похвастаться, каких высот он достиг в игре на арфе. Советую всем прихватить с собой клочок овечьей шерсти, чтобы было чем заткнуть уши, — только умоляю, не проболтайте мужу, что это я вас предупредила!

Джоселин благодарно улыбнулась Корделии: Ни для кого из гостей не было тайной, что ужин при свечах затевался исключительно для того, чтобы отпраздновать их с Девонем помолвку.

— Если честно, я тоже проголодалась, — кивнула она. Как ни странно, это была чистая правда. Джоселин внезапно поймала себя на том, что ею овладело неведомое ей доселе ощущение какой-то странной свободы. Итак, ее прилюдно отвергли, а она, подумать только, жива и даже хочет есть!

Словно по команде, Олтон Ферншо и Гейбриел Боскасл выступили вперед, чтобы проводить ее к столу. В другое время Джоселин даже позабавила бы столь подчеркнутая галантность, но сейчас она мечтала об одном — незаметно исчезнуть. Адам, услышав ее слова, испуганно шарахнулся в сторону, как будто она была прокаженная, давая понять, что он не желает иметь с ней ничего общего. Ее брат с беспомощным выражением лица молча стоял в углу.

К собственному неудовольствию, Джоселин была вынуждена принять руку Гейбриела Боскасла, которую он галантно ей предложил, чтобы отвести девушку к столу. Конечно, она знала, что репутация у него самая скандальная. Но... ей сейчас не приходится выбирать, с горечью подумала она.

— Держите голову высоко, даже если чувствуете, что с радостью провалились бы сквозь землю, — глубоким, звучным голосом проговорил он ей на ухо.

Джоселин против воли рассмеялась:

— Вы не поверите, но сердце у меня до сих пор бьется! Нет, умирать я пока не собираюсь, не надейтесь! Но вот ваш кузен...

Гейбриел молча смотрел на нее сверху вниз. Джоселин невольно отметила их сходство с Девонем, но лицо Гейбриела было более суровым, более усталым. Казалось, одолевавшие его заботы оставили на нем свой след.

— Между прочим, я знаю, как поднять настроение даме в несчастье.

Джоселин резко остановилась, словно налетев на невидимую стену. Брови ее взлетели вверх.

— Наверное, я сделала глупость, приняв вашу руку. Нужно было идти к столу одной, — буркнула она.

— Успокойтесь, Джоселин. Я только хотел напомнить вам, что свет не сошелся клином на моем кузене. В конце концов, он не единственный джентльмен, и если Девон откажется

выполнить свой долг...

Джоселин вскинула глаза на его суровое, хмурое лицо. В голове у нее мелькнуло нехорошее подозрение. Ну и наглец, подумала она. Надо же, какое бесстыдство!

— Вы намекаете, что я могла бы стать вашей...

— Моей любовницей? — В глазах Гейбриела мелькнуло веселое удивление. — А как бы вы отнеслись к такому предложению? — Он улыбнулся ей с высоты своего роста.

— Даже не знаю, что и сказать, — пробормотала она, с трудом удерживаясь, чтобы не расхохотаться. Его дерзость вдруг показалась ей забавной. — Просто ушам своим не верю! Как у вас язык повернулся сделать мне подобное предложение? Разве вы не знаете о наших отношениях с Девонем?!

— О Боже, какая наивность! — захохотал Гейбриел. — А вам не приходило в голову, что я сделал это предложение именно потому, что Девон приходится мне кузеном?

— Решили использовать меня как оружие против него? — напрямик спросила Джоселин.

— Оружие? — удивился Гейбриел. — Нет. Скорее уж вы приз, который нужно завоевать. — Он немного помолчал. — Вообще-то, если честно, я вдруг неожиданно понял, что сильно привязан к своим кузенам.

Джоселин удивленно вскинула на него глаза.

Внезапно в гостиной воцарилась тишина.

Даже не оборачиваясь, Джоселин уже догадалась, что произошло. Выдернув свою руку из руки Гейбриела, она зябко передернула плечами.

— Пожалуй, я пойду одна, сэр Гейбриел, — осторожно выбирая слова, пробормотала она.

— Нет, — перебил ее глубокий, звучный мужской голос. — Спасибо, что приглядел за ней, Гейбриел. Как приятно, что я всегда могу положиться на тебя... особенно в свое отсутствие.

Чувствуя, как заколотилось сердце, Джоселин подняла голову и молча уставилась на смуглое лицо Девона, невольно отметив про себя, что сегодня он выглядит еще суровее и мрачнее, чем накануне. Несмотря на то, что обращался он к ней, взгляд его был направлен в другую сторону. Джоселин невольно покосилась на Гейбриела — так и есть, мысленно чертыхнулась она. Взгляды кузенов скрестились, как стальные клинки. И Джоселин почему-то внезапно стало страшно.

Ей сразу же стало ясно, что многолетнее соперничество между кузенами вспыхнуло с новой силой. И даже не потому, что Девон увидел Гейбриела под руку со своей нареченной — хотя, если честно, Джоселин так и не смогла понять, откуда ветер дует. Может, их вражда как-то связана с Лили Кранли? Уинифред уже успела рассказать подруге о пресловутом пари.

Она вдруг почувствовала себя принцессой, волей судьбы оказавшейся между двумя разъяренными, плюющими огнем драконами. Интересно, чем это закончится, промелькнуло у нее в голове. Но затем Гейбриел, пожав плечами, с невозмутимым видом отодвинулся. И лицо Девона невольно просветлело.

Витавшее в воздухе напряжение мгновенно исчезло. Кстати, а чего, собственно, ожидал Девон, когда удрал, даже не предупредив ее? Что она могла думать? Конечно, он ее бросил.

— Прощу простить меня за опоздание, но тому была причина, — проговорил он, бросив взгляд на кузена. — Насколько она веская и достаточно ли ее, чтобы я мог заслужить

прощение, судить Джоселин.

Та, хмыкнув, молча разглядывала голубой бархатный мешочек, который протянул ей Девон. Изнывающие от любопытства гости сгрудились вокруг них; всеобщее возбуждение оказалось даже сильнее простой вежливости — никому и в голову не могло прийти, что жених с невестой предпочли бы объясниться наедине.

Впрочем, Джоселин и сама уже сгорала от любопытства.

— Что это такое? — спросила она, закусив губу, чтобы невольно не выдать себя.

— Ничего особенного, — бархатным голосом промурлыкал Девон. — Так, пустичок... небольшая безделушка, которая, я надеюсь, поможет мне вымолить у вас прощение.

— Какая безделушка? — не выдержала она.

Краем глаза она заметила застывшего у дверей Грейсона. Он выразительно поднял бровь, услышав последнюю фразу младшего брата.

— Ну-ну, не скромничай, Дев, — иронически хмыкнул он. — Это чрезвычайно дорогая безделушка!

— Может, мне будет позволено судить об этом самой? — сухо спросила Джоселин.

— Конечно, дорогая, — ухмыльнулся Девон. — А теперь, подставляйте руку!

Джоселин поджала губы, подозревая какой-то подвох, потом послушно протянула руку ладонью вверх. Улыбаясь, Девон потянул за шнурки и высыпал содержимое мешочка в руку Джоселин. Над толпой гостей пронесся благоговейный вздох.

Джоселин, которая отнюдь не разделяла их восхищение, посмотрела на Девона в упор. Интересно, он на самом деле считает ее женщиной, чью благосклонность можно купить, помахав у нее перед носом какой-то блестящей безделушкой?

Ее и раньше никогда особенно не интересовала подобная ерунда. А уж теперь и подавно.

Однако все эти мысли разом вылетели у Джоселин из головы, стоило ей только опустить глаза, на ладони у нее сияла и переливалась радужными огнями самая потрясающая тиара из всех, которые она до сих пор видела. Тонкий, изящно изогнутый золотой ободок, украшенный тончайшей резьбой, украшали бриллианты чистейшей воды, при малейшем движении бросавшие по сторонам огненные сполохи. Любуясь подарком, она на мгновение и в самом деле почувствовала себя принцессой. Опозоренной, униженной — и все-таки принцессой!

— А как вы догадались, что я всегда мечтала о тиаре? — сорвалось у нее с языка прежде, чем она успела подумать.

Девон пожал плечами. Она вскинула на него глаза — и только тут заметила крохотные капли дождя, дрожащие в его волосах. Джоселин, мысленно ахнув, поспешно опустила взгляд. Сапоги Девона были все в мелких брызгах грязи.

Господи... как он умудрился раздобыть подобное сокровище... да еще ночью, в сонном захолустье Эссекса?! Конечно, Боскаслы очень богаты, к тому же в обаянии им не откажешь. Ей уже случалось видеть, как, поддавшись их неотразимому обаянию, люди буквально из кожи вон лезли, чтобы выполнить желание кого-то из этой семейки, и все же...

Ни один из знакомых Джоселин джентльменов еще ни разу не дрался из-за нее на дуэли... не говоря уже о том, чтобы делать такие дорогие подарки. До сегодняшнего дня никто и никогда не выделял ее в толпе других молодых дебютанток и не окружал таким вниманием. И Джоселин вдруг растерялась. Она понятия не имела, как ей на это реагировать. Наверное, Девон ждет ее благодарности, но она так смутилась, что не могла

выдавить из себя ни слова.

Вместо этого она молча смотрела ему в глаза. Не отрывающийся от ее лица взгляд Девона заставил ее сердце забиться чаще, и на один коротенький миг Джоселин вдруг показалось, что он, заглянув ей в душу, разглядел нечто такое, чему она и сама не могла найти названия. Она уже успела убедить себя, что Девон не придет. Его внезапное появление было для нее словно гром среди ясного неба. И уж конечно, она и представить себе не могла, что он преподнесет ей такой поистине королевский подарок.

— Как вам удалось отыскать такую красоту... да еще так неожиданно?

— Насколько я понимаю, это означает, что она вам понравилась? — спросил он таким голосом, словно вся его жизнь зависела от того, что она ответит.

Вот хитрый мошенник! Она выставит себя полной дурой, если решится отрицать, что в восторге от подарка. Ну и если уж начистоту, она действительно была тронута до такой степени, что ей было глубоко наплевать, из каких побуждений он сделал ей такое подношение. А если уж совсем честно, то Джоселин была на седьмом небе от счастья.

— Знаете, это самая прекрасная вещь, которую мне когда-либо дарили!

Эти бесхитростные слова заставили Девона ухмыльнуться. Джоселин готова была поклясться, что услышала вздох облегчения, вырвавшийся из груди ее брата Грейсона. И на один короткий миг ей отчаянно захотелось поверить, что их брак не печальный результат чьего-то злобного розыгрыша, а что-то совсем другое.

Пока старший брат, взяв Джоселин за руку, объявлял о ее помолвке с одним из лучших женихов Лондона, Девон не отходил от нее ни на шаг. Присутствовавшие на этой церемонии дебютантки, до этой минуты, питавшие самые радужные надежды, со слезами на глазах клялись друг другу, что потеря этого обаятельного синеглазого мужчины навеки разбила им сердце. Сбившиеся в кучку в самом дальнем углу приятели Девона хранили гробовое молчание, походя на группу безутешных родственников, только что проводивших кого-то в последний путь. Девон, не обращая внимания на их отчаяние, казалось, был полностью поглощен Джоселин. Все оказалось гораздо проще, чем он думал.

Похоже, ее гордость несколько не пострадала оттого, что тогда, в башне, она с такой неподдельной страстью отвечала на его поцелуи. Вспомнив ее нежные губы, Девон почувствовал, как в нем вновь просыпается желание. Только теперь ему хотелось большего. И может быть, от этого улыбка, скользнувшая по его скульптурно вылепленным губам, пока обступившие их гости поздравляли жениха и невесту, далась ему легче, чем он ожидал.

Повернувшись к Джоселин, Девон обвил рукой ее талию.

— Может, вы поцелуете меня, дорогая? В честь нашей помолвки? — негромко пробормотал он, склонившись к ее уху.

— Только не при всех, — так же тихо ответила она.

Но Девон все же сам поцеловал ее. Его крепкая, горячая рука обхватила ее за плечи, притянула к себе, потом скользнула выше, обхватила ее затылок, а в следующую минуту она почувствовала, как губы Девона прижались к ее губам. Джоселин и ахнуть не успела, как он уже целовал ее так, словно они были одни в целом мире.

Сказать по правде, Девон не ожидал от этого поцелуя ничего особенного — чистая формальность, не более того. Но потом он вдруг почувствовал, как руки Джоселин уперлись ему в грудь, услышал глубокий вздох, сорвавшийся с ее губ, и сердце пронзила неведомая прежде боль.

Она вскинула на него потемневшие глаза. Что-то яростное вдруг поднялось в нем; необузданное желание, стремление защищать — все это было ему знакомо. Но куда сильнее было другое, не изведенное доселе чувство, неизбежно возникавшее в тот момент, когда рядом с ним находилась Джоселин:

Мысленно чертыхнувшись, Девон спрятал руки за спину. Джоселин улыбнулась, но почему-то не спешила отодвинуться в сторону.

— Довольны собой, да? Наверное, думаете, что, устроив при всех это представление, что-то себе доказали?

Бог свидетель, именно так он и думал.

Увы, его обмануть она не смогла, хотя ее умение притворяться было достойно восхищения, и мысленно он аплодировал ей. Девон без труда мог угадать, когда женщина испытывает желание — тем более, когда он сам же его и вызвал; он чувствовал сжигающий их обоих жар. А при мысли о том, какие еще желания ему удастся разбудить в этом роскошном, чувственном теле, вся кровь в его жилах разом закипела.

— Этот поцелуй, как печать, скрепившая нашу помолвку, — удовлетворенно вздохнув, объявил он. — Посмотри сама! По-твоему, кто-то шокирован? Да ничуть!

— Неужели? Ладно, будь по-вашему. — Насмешливо фыркнув, она прощмыгнула мимо

него к дверям музыкальной гостиной, где для обрученных и гостей был сервирован изысканный ужин.

Девон с вымученной улыбкой неохотно последовал за ней, по дороге бросив взгляд на стоявшего у двери старшего брата.

— Ну, как по-твоему, я искупил свою вину? Грейсон покосился в сторону удаляющейся Джоселин.

— По-моему, тебе нужно волноваться не обо мне, старина, — ехидно хмыкнул он.

Негромкий вскрик, сорвавшийся с губ леди Уинифред, заставил Девона обернуться. Она стояла за спиной Джоселин в самом конце залитого ярким светом коридора, вдоль которого тянулись многочисленные канделябры с зажженными свечами. Поначалу он даже не сообразил, почему обе молодые женщины разом вдруг словно превратились в каменные статуи.

Но потом он повернул голову, чтобы проследить за взглядом Джоселин, и то, что он там увидел, заставило Девона оцепенеть. На мгновение он даже глазам своим не поверил, а потом вдруг пришел в такую ярость, что у него потемнело в глазах. В самом конце коридора водруженный поверх двух гигантских каменных урн красовался массивный гроб из красного дерева. Внутри него, покрытое пресловутым черным бархатным плащом Девона, покоилось соломенное чучело, тускло поблескивал череп, который чья-то рука приставила ему вместо головы.

У основания гроба торчал плакат, которому чья-то рука придала форму надгробного камня. Надпись на нем гласила:

Лорд Девон Боскасл

Лучше смерть, чем жена

Девон рванулся к Джоселин. От бешенства на скулах у него вздулись и заходили желваки. Он еще успел заметить, как в глазах его нареченной мелькнула боль и тут же сменилась наигранным равнодушием. Джоселин, на удивление быстро взяв себя в руки, хрипло рассмеялась.

— Я тут ни при чем, — прошептал он, чуть ли не силой заставив Джоселин повернуться спиной к гробу. — Клянусь тебе!

— Но ведь это правда, не так ли? — негромко спросила она.

Девон молчал. Подбежавшая к ним Эмма схватила Джоселин за руку.

— Надеюсь, ты не станешь расстраиваться из-за чьей-то дурацкой шутки?!

— Конечно, нет, — задумчиво протянула Джоселин. Девон скрипнул зубами.

— По мне так это вовсе не смешно.

Джоселин несмело улыбнулась, незаметным кивком указав на толпу гостей, которые, вытягивая шею, жадно таращились на нее, ожидая, как она отреагирует на эту нелепую и оскорбительную выходку.

— Жаль, что я не знаю, куда поставили гроб для невесты. И еще мне, конечно, хотелось бы самой выбрать платье для своего погребения, потому что черного плаща в моем гардеробе нет.

Потемневший от ярости взгляд Девона обежал лица столпившихся вокруг них гостей.

— Клянусь, если я найду того, кто это сделал, — угрожающе прошипел он, — то этот гроб недолго будет пустовать!

Джоселин робко коснулась его руки.

— Может, вернемся к ужину, Девон? — предложила она. — В конце концов, ничего страшного не произошло. А угрозы вряд ли заставят кого-то признаться.

Девон молча стоял, провожая ее взглядом. Он смотрел, как она невозмутимо прошла мимо этого дурацкого гроба, а Эмма и Уинифред двигались следом за ней, словно ангелы-хранители, и чувствовал, как в груди его закипает злость. Конечно, он догадывался, что Джоселин изо всех сил старается не выдать обиду. Если кто-то хотел подшутить над ним, это еще полбеды. Подобные проделки на приеме у лорда Ферншо были обычным делом, но если какой-то шутник с извращенным чувством юмора рассчитывает, что обида, нанесенная его нареченной, сойдет ему с рук, то он очень ошибается.

— Проклятие, я выясню, чьих рук это дело. И клянусь, он об этом пожалеет, — угрожающе прорычал он, окинув взглядом остальных гостей, еще не пришедших в себя от пережитого шока. Лакеи лорда Ферншо поспешили, проводить дам к боковой двери.

Внезапно в глаза ему бросилось мрачное лицо кузена. Девон подозрительно прищурился.

— Это не я, клянусь, — поспешно пробормотал Гейбриел. — Ей-богу, Девон! Я бы до такого не додумался.

— Надеюсь, — с горькой усмешкой покачал головой Девон.

Девон поджал губы. Он почти не сомневался, что Гейбриел при всех своих недостатках не способен на такую жестокость, но кто же тогда устроил это жуткое представление?!

— Джентльмены, — встав между ними, решительно вмешался Грейсон. — Давайте постараемся больше не давать повода для сплетен, хорошо? Если вы хотите дать выход своим эмоциям, потерпите до турнира, который устраивает Олтон. А пока предлагаю присоединиться к остальному обществу за ужином.

Гейбриел, покосившись на Девона, облегченно кивнул:

— Что скажешь, кузен? Мир?

Девон кивнул, бросив на него виноватый взгляд.

— Помоги мне вытащить отсюда, этот чертов гроб прежде, чем он попадет на глаза кому-то еще.

— Я прекрасно справлюсь с этим и без тебя, — отмахнулся Гейбриел. — Кстати, почему бы, не заглянуть для начала к местному гробовщику, спросить его, не продавал ли он недавно кому-нибудь гроб?

Джоселин не могла прийти в себя от удивления, каким вниманием она пользовалась за ужином. Все молодые бездельники и джентльмены, явившиеся сюда без дам, которые прежде, зная о ее безупречной репутации, не осмеливались даже приблизиться с ней, теперь, словно сговорившись, бросились ухаживать за ней. В ее честь произносились льстивые речи, звучали бесконечные тосты. В конце концов, не выдержав, она тоже произнесла тост, упомянув в нем пустой гроб, а закончила свою речь обещанием, адресованным Девону, в котором поклялась в их первую брачную ночь непременно «воскресить его».

Адам, услышав столь экстравагантное заявление, только неодобрительно покачал головой и смущенно заерзал на стуле, стараясь не встречаться с ней глазами. Было очевидно, что его мнение о Джоселин, прежде столь высокое, за последний час значительно изменилось, причем не в лучшую сторону. Ее брат откровенно ухмылялся. Кое-кто из гостей сочувственно вздыхал, приговаривая, что вид пустого гроба, вероятно, слишком сильно подействовал на нервы мисс Лидбери. Похоже, бедняжка на грани истерики.

— По-моему, ты слегка переусердствовала с кларетом, — шепнула ей на ушко Уинифред, притворившись, что уронила вилку.

— Почему это? — шепотом возмутилась Джоселин, в свою очередь, нырнув под стол. — Кстати, а ты разве нет?

— Дорогая, хотя бы одна из нас обязана сохранять трезвую голову! — возмутилась Уинифред.

Джоселин согласно закивала:

— Замечательная идея! Предлагаю разделиться: я буду пить, а ты думать! — Она захихикала.

— Черт возьми, Джоселин, он подарил тебе тиару с бриллиантами!

Джоселин, спохватившись, поправила изящный золотой ободок, который так и норовил сползти на один глаз.

— Красивая, правда? — похвасталась она. — И он тоже чертовски красив. Но кое-кто думает, что раз он женится на мне, то все, ему конец! Жизнь, считай, не удалась.

Леди Уинифред нахмурилась, прислушиваясь к нестройному хору мужских голосов. Ей кажется, или он и впрямь стал громче?

— Никогда не думала, что доживу до того дня, когда ты... когда тебя... — Она замялась.

— Ты опять за старое? Изображаешь из себя скромницу? — Джоселин с трудом подняла голову.

— Ты разбила сердце Адаму, — убитым голосом объявила Уинифред.

— Позвольте полюбопытствовать, мисс Лидбери, что вы пытаетесь отыскать под столом? — весело поинтересовался с другого конца стола один из новых поклонников Джоселин.

— Чувство собственного достоинства, — отрезала леди Уинифред, бросив на подругу насмешливый взгляд. — Вечно оно теряется!

Молодой человек разразился хохотом:

— Ну, в таком случае, шут с ним! Небог вещь, какая ценность, и к тому же с ним одна морока! — Встав из-за стола, он направился к тому месту, где сидела Джоселин. — Впрочем, может, поищем его вместе?

Джоселин захихикала. Но если бы она к этому момента еще сохранила способность соображать, то заметила бы гробовую тишину, которая воцарилась за столом сразу после того, как юный джентльмен бросил эту игривую фразу. Знакомая рука накрыла ее ладонь, решительно отобрав у нее бокал с кларетом. Девон, выполнив взятое на себя невеселое дело и вытащив из замка гроб, решил присоединиться к своей невесте и остальной компании.

— Дорогая, только не говорите мне, что вы праздновали нашу помолвку, не дожидаясь меня, — пробормотал он, потершись носом о ее шею. — Я был уверен, что вы простили мне мое опоздание.

Повернув голову, Джоселин бросила взгляд на своего жениха. Как несправедливо, мысленно возмутилась она, даже три бокала кларета, которые она лихо опрокинула один за другим, не помешали ей по-прежнему остро реагировать на его присутствие. Стоило ему только взглянуть на нее, как сердце ее начинало трепетать, словно бабочка, а горло сжималось так, что становилось трудно дышать. И к тому же она еще отчетливо помнила, что чувствовала, когда его грешные губы коснулись ее обнаженной груди. Воспоминания о вольностях, которые она ему позволила, было достаточно, чтобы кровь разом прихлынула к

ее лицу.

— Бог ты мой! — пробормотала она. — Только посмотрите, кто пришел! Возвращение из царства мертвых!

Однако улыбка, которой были встречены ее игривые слова, почему-то подействовала на нее как холодный душ. Джоселин смущенно поерзала на стуле.

— Клянусь, кто-то заплатит за это. Я заставлю его пожалеть о том, что он сам не лег в этот гроб.

— Но ведь это была просто шутка, не так ли? — нерешительно пробормотала она.

Девон заглянул ей в глаза.

— Тебе было смешно? — тихо спросил он.

— Черный юмор, конечно, но... в каком-то смысле да, — призналась она. — Знаешь, я бы, наверное, посмеялась от души, не будь у меня такого чувства, будто я своими руками вырыла тебе могилу.

Девон, довольно бесцеремонно отодвинув в сторону баронета, пожирившего Джоселин глазами, опустил на стул возле своей нареченной.

— А что, я, по-твоему, похож на мертвеца? — негромко осведомился он, выразительно подняв одну бровь.

Джоселин возмутилась:

— Что ты! Нет, конечно!

Решительно взяв ее за руку, он потянул ее из-за стола.

— Мы сегодня еще не танцевали.

— Прощу тебя, Девон... только не сегодня!

Но он, не слушая возражений, уже вывел ее на середину комнаты.

— Нет, именно сегодня, — бросив на нее оценивающий взгляд, прошептал он. — И постарайся сделать вид, будто тебя несколько не волнует, что о тебе думают.

Джоселин с немалым удивлением обнаружила, что пока еще в состоянии вспомнить фигуры танца. Что невозмутимость, с которой он высказал свою просьбу, неожиданно придала ей мужества. Сколько раз ей случалось кружиться по залу и флиртовать в надежде, что кто-нибудь сделает ей предложение, промелькнуло у нее в голове. Что кто-то влюбится в нее. Человек, с которым она сейчас танцевала, не любит ее... да и она сама, если честно, затруднилась бы сказать, какие чувства испытывает к нему. Единственным утешением было то, что он почему-то вызывал в ней доверие, — удивительно, если учитывать обстоятельства, при которых состоялась их помолвка. Желание и доверие. Достаточно ли этого, чтобы стать мужем и женой?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Она внезапно почувствовала на себе его взгляд. Как ни странно, он не улыбался, но чувственный огонек, разгоравшийся в его потемневших глазах, заставил Джоселин зябко поежиться.

Какой же он красивый, мысленно вздохнула она. Эти глубокие, как озера, синие глаза, высокие скулы, решительный подбородок... Джоселин безнадежно вздохнула. Как легко влюбиться в него, даже зная, что он никогда не ответит тебе взаимностью.

Положив руку ей на плечо, Девон мягко, но решительно притянул ее к себе. Как все-таки несправедливо, что от одного прикосновения его руки ее бросает в дрожь, с горечью подумала Джоселин. Нет, она не пыталась отодвинуться. Да и зачем? Это сильное тело, точно магнитом, притягивало ее к себе. Как ей хотелось прижаться к Девону, почувствовать

себя под его защитой...

— Твои друзья бьются об заклад — спорят, что тебе и в голову не придет повести меня к алтарю, — тихонько прошептала она, украдкой бросив взгляд на его лицо.

— Жалкие глупцы, — отрезал он.

Сдержит ли он данное ей слово? Хватит ли у него мужества явиться в церковь, чтобы перед Богом и людьми объявить ее своей женой, гадала она.

Чуть повернув голову, Девон бросил взгляд поверх головы Джоселин на дверь у нее за спиной. Интересно, кого он там увидел, подумала она. Лили Кранли? Нет, она не станет оборачиваться, это ниже ее достоинства. Вместо этого Джоселин с мужеством отчаяния уставилась на Девона.

Наконец танец закончился. Неохотно высвободившись из его объятий, Джоселин повернулась, и взгляд ее против воли устремился к двери. Там никого не было. Если Лили и заглянула в гостиную, чтобы напомнить ему о себе, то уже успела уйти. Однако какие бы чувства ни испытывал Девон к очаровательной вдовушке, за которой открыто волочился у всех на глазах, надо отдать ему должное — он ни на шаг не отходил от своей нареченной до тех пор, пока небо на востоке не начало светлеть и даже самые стойкие из гостей не разбрелись по своим спальням, гадая, какие новые сенсации готовит им наступающий день.

На следующее утро погода безнадежно испортилась. Джоселин предпочла отсиживаться у себя в комнате, пока не закончится завтрак. Наконец решив, что горизонт очистился, она потихоньку прошмыгнула вниз и в одиночку отправилась на прогулку по окружающему замок парку.

Кое-кто из гостей предпочел после завтрака вернуться в постель, чтобы попытаться уснуть. Хотя это было сложновато, учитывая оглушительный стук молотков и громкие голоса, доносившиеся с лужайки, где в течение трех дней должен был проходить рыцарский турнир, открытие которого было назначено на вторник. Вокруг арены, которой отводилась роль ристалища, одна за другой выросли палатки с хлопающими на ветру флагами и расшитыми золотом балдахинами. Со склона холма, где, укрывшись за деревьями, стояла Джоселин, ей была хорошо видна группа всадников, собравшихся тут, чтобы потренироваться перед турниром.

Девона она не увидела, зато его кузена Гейбриела, гарцевавшего верхом на вороном жеребце, не заметить было невозможно.

Вот он вихрем проскакал по лужайке, потом, увидев Джоселин, натянул поводья и помахал ей рукой. Джоселин вздохнула — она-то тешила себя мыслью, что тут ее никто не заметит. Оказалось, напрасно.

Она притворилась, что не заметила его, и принялась поспешно спускаться по склону, намереваясь вернуться обратно в замок, но на полдороге вдруг резко остановилась, заметив мелькнувшую среди деревьев мужскую фигуру. Кто-то прятался в небольшой грабовой рощице, которую она обогнула, опасаясь столкнуться нос к носу с кем-то из знакомых. Похоже, теперь встречи избежать не удастся, с сожалением подумала она. Вздохнув, Джоселин расправила плечи и с независимым видом двинулась дальше.

Мужчина вдруг обернулся, и сердце у Джоселин упало.

— Адам, — смущенно пробормотала она, тщетно пытаясь проглотить внезапно застрявший в горле комок. — Решили попрактиковаться перед турниром?

— Если я и приму в нем участие, то лишь ради того, чтобы иметь удовольствие проткнуть копьем черное сердце Девона Боскасла, — угрюмо проворчал он.

— Понимаю, — упавшим голосом пробормотала она.

— Неужели?

— Кажется, да, — мягко сказала она.

— Да? А вот я, черт побери, в толк не возьму.

Если честно, она вряд ли смогла бы объяснить свои поступки. Джоселин скорее откусила бы себе язык, чем решилась признаться Адаму, что мысль о необходимости выйти замуж за Девона Боскасла теперь казалась ей совсем не такой пугающей как раньше. А если уж совсем честно, то ничего более волнующего с ней никогда еще не случалось. Собственно говоря, это было единственное чудо, которое она могла вспомнить.

Джоселин огляделась по сторонам. Судя по всему, с лужайки их было не видно, правда, за окна замка она бы не поручилась. При мысли о возможной встрече с Адамом ее заранее бросало в дрожь, однако Джоселин твердила себе, что просто обязана объясниться с ним напоследок. Только на этот раз она сама будет решать, что и как ему сказать.

Насупившись, Адам сверлил ее неприязненным взглядом. Это было так неожиданно, что Джоселин невольно попятилась. Выглядел он так, словно не спал несколько ночей подряд. Лицо заметно осунулось, а подбородок, казалось, заострился еще больше. Джоселин догадывалась, что он ненавидит ее, и не обижалась, но ей хотелось, чтобы он, по крайней мере, понял, что толкнуло ее на этот шаг.

— Адам, — нерешительно начала она, — я...

— В тот самый вечер, когда вы отправились в башню на свидание к Боскаслу, — сдавленным голосом перебил он ее, — я как раз просил у вашего отца вашей руки. Мне хотелось сделать вам сюрприз. — Он помолчал мгновение, словно для того, чтобы смысл его слов дошел до нее. — Но проклятие, — в голосе Адама неожиданно прорезались визгливые нотки, — вместо этого вы сами устроили нам сюрприз! Да еще какой!

— Для меня это тоже стало сюрпризом. Адам покачал головой:

— Я хотел, чтобы все было, как полагается. Мне и в голову не могло прийти, что я собираюсь взять в жены женщину, способную броситься на шею человеку вроде Девона Боскасла!

— Я думала, что это были вы! — беспомощно пробормотала она.

Скривившись, он окинул ее уничтожающим взглядом:

— По-вашему, я настолько глуп, чтобы предложить вам встретиться ночью в башне?!
Подходящее место, нечего сказать.

— Я решила, что вы хотите сделать мне предложение в романтической обстановке.

— Не вижу в этом ничего романтического! — отрезал Адам. Внезапно лицо его исказилось словно от боли. — Мне хотелось сказать вам по секрету, что я намерен послать Боскаслу вызов, поскольку расцениваю случившееся как оскорбление, нанесенное вашей чести!

— Вы серьезно?! — Джоселин даже попятилась от неожиданности. — Но вам ведь никогда еще не доводилось драться на дуэли. А ему приходилось, и не раз. — Во всяком случае, она слышала немало разговоров на этот счет. Впрочем, достаточно было поставить их рядом, чтобы понять, чем может закончиться затеваемый поединок.

— Мне это известно, — надулся он. — Вообще говоря, у меня нет ни малейшего желания драться с ним, но я считаю, что мне нанесли обиду!

— Наверное, примерно так же думает и Девон.

— Ну, тут уж я ни при чем, — отрезал Адам. — Не можете же вы серьезно верить в то,

что кто-то послал вам ту записку, воспользовавшись моим именем, и что тот же шутник проделал то же самое с Девонем! И потом, Джоселин, он ведь... хм... известный распутник. Бьюсь об заклад, что он уже потерял счет своим любовницам.

— Да, но я ему верю, — возразила Джоселин. И только сейчас поняла, что это правда. — Он... — Она резко вскинула голову. — Ой, он идет сюда! Господи помилуй, он направляется прямо к нам! — Джоселин понятия не имела, почему ее вдруг охватила паника.

В глазах Адама метнулся страх.

— Отойдите от меня! — шепнул он.

— Мы же не делаем ничего предосудительного, — почти беззвучно пробормотала она, с трудом подавив желание поспешно отодвинуться в сторону, потому что тогда это выглядело бы так, словно их застали на месте преступления. Их общение было вполне невинным, напомнила себе Джоселин. Ну, разве что они обсуждали предстоящую дуэль. Однако, судя по циничной усмешке, игравшей на губах ее жениха, эту часть их беседы ему удалось-таки подслушать.

— Вы только посмотрите, — воскликнул он, резко остановившись, словно только сейчас их заметил, — моя невеста! И Чизвик. Вместе, притом наедине. Желаете, чтобы я оставил вас вдвоем оплакивать свою несчастную судьбу?

Джоселин закусила губу.

— Благодарю. Если у меня и появится подобное желание, то я буду делать это в одиночестве. И вообще, я уже уйду.

— Я тоже, — коротко бросил Адам.

— Нет-нет, я совсем не собирался вам мешать, — запротестовал Девон. — Прошу вас, не стоит уходить из-за меня. Просто мне показалось, я услышал, что было упомянуто мое имя, причем в связи с предполагаемой дуэлью. Может, я чего-то не знаю? Ведь на дуэлях, случается, убивают...

При этих словах лицо Адама сначала позеленело, а потом вдруг залилось такой мучнистой бледностью, что Джоселин даже испугалась, как бы он не рухнул в обморок.

— Эээ... — пробормотал он, — видите ли, мы просто обсуждали, кто кому пошлет вызов во время предстоящего турнира.

— Ах да, турнир! — Девон хищно потянулся, позволив Джоселин полюбоваться своим мускулистым телом. — Странное дело, в этом году у меня просто руки чешутся с кем-нибудь сразиться... сам не понимаю почему. И кто бы ни был мой противник, пусть заранее готовится к тому, что я первым же ударом копья вышибу его из седла.

А ведь он непременно это сделает, подумала Джоселин. Во всяком случае, выглядел он так, словно ему все по плечу — высокий, гибкий, мускулистый, словом, мужчина в полном расцвете сил.

— Вы явились сюда специально, чтобы похвастаться силой перед Адамом? — вызывающе осведомилась она.

Девон, ухмыльнувшись, расправил плечи.

— Хотите потренироваться, Адам?

Джоселин не видела выражения лица Адама, поскольку у нее просто не хватило духу обернуться к нему. Ответа не последовало. Но она могла бы поклясться, что особого энтузиазма это предложение не вызвало.

— Лорд и леди Ферншо клянутся, что в этом году приготовили для победителя

потрясающий приз, — помолчав немного, задумчиво добавил Девон. — Ходят слухи о какой-то великолепной лошади.

Адам, немного оправившись, снова обрел если не свою обычную самоуверенность, то хотя бы прежний цвет лица.

— Если вы не против, Боскасл, я, пожалуй, попрактикуюсь после обеда, — уклончиво бросил он.

Девон беспечно пожал плечами. Потом бросил взгляд на быстро темнеющее небо, заметил мохнатую тучу, чья могучая спина подперла небосвод, заслонив собой солнце.

— А мне все равно, когда... хотя, похоже, вот-вот грянет ливень. — Опустив голову, он повернулся к Джоселин. — Наверное, вам лучше вернуться в замок до того, как разразится гроза. Естественно, если вы с Чинни закончили беседовать.

Джоселин покачала головой. Что бы она сейчас ни сказала, вышло бы только хуже.

— Думаю, мы закончили.

Девон бросил на Адама косой взгляд.

— А ты закончил, Чинни? — с нажимом в голосе осведомился он.

Адам, вздрогнув, расправил плечи.

— Несомненно, — выпятив подбородок, чопорно заявил он.

— Тогда чего же ты дожидаяешься? — негромко осведомился Девон.

Именно в эту минуту Джоселин со всей отчетливостью поняла, что, несмотря на все его легкомысленное обаяние, Девон Боскасл совсем не тот, каким его привыкли считать. Может, он и не сам дьявол, промелькнуло у нее в голове, но наверняка один из его любимых отпрысков, потому что, как бы старательно он ни напускал на себя беззаботный вид, от его внимания мало что могло ускользнуть.

Девон быстрым шагом направился к лужайке, где вскоре должен был состояться турнир. Плотники энергично стучали молотками, сколачивая скамьи для зрителей. Несколько дам, уже собрались, чтобы полюбоваться на гарцующих за деревянным ограждением молодых джентльменов и других, с мечами в руках, кто явился сюда, чтобы заранее поупражняться в фехтовании, а те, чувствуя на себе восхищенные взгляды, принимали картинные позы.

Лили в зеленом шелковом платье, закутавшись в плащ, устроилась на скамейке. Заметив приближающегося Девона, она демонстративно сморщила носик, отвернулась и сделала вид, что любуется Гейбриелом, который как раз в этот момент скакал галопом через лужайку. На таком расстоянии трудно было утверждать, успел ли опухший носик очаровательной вдовушки принять свои первоначальные размеры. Впрочем, Девон был слишком занят своими мыслями, чтобы обращать внимание на подобные пустяки.

Он застал ее обнаженной, лежащей на смятых простынях в объятиях его кузена, и нельзя сказать, чтобы Девона это сильно удивило. Не занимало его и пари, которое он заключил с Гейбриелом. Лили слишком мало значила для него, чтобы забивать себе голову такой чепухой.

Куда сильнее беспокоил его разговор между Адамом и Джоселин, обрывки которого ему удалось услышать. Эти двое были настолько глупы (или просто невинны), что им даже в голову не могло прийти, что он стал свидетелем их встречи. А вот сам Девон заметил их задолго до того, как дал им возможность обнаружить свое присутствие.

Вначале он решил, что это даже забавно. Однако что-то упорно не давало ему покоя. И дело даже не в том, что этот глупец решил вызвать его на поединок, — сам Девон хорошо понимал, что такое честь мужчины и как ее следует защищать. Больше всего его бесило то, что Джоселин пыталась утешать этого чудака.

Может быть, имело смысл уговорить Адама бежать с ней? Это бы разом лишило все проблемы Девона. Он даже мог бы сделать вид, что ее побег разбил ему сердце. Впрочем, нет... это уж слишком, одернул он себя. Вряд ли бы кто-то поверил, что он будет убиваться из-за женщины.

Однако что толку обманывать себя, с горечью усмехнулся он. Глупо притворяться, что он равнодушен к Джоселин. В конце концов, никто не заставлял его рыскать ночью по этой глуши, чтобы умолять тетюшку отдать ему ее знаменитую бриллиантовую тиару. Да и торчать возле невесты до самого утра его тоже никто не принуждал. Девон даже не сразу понял, что ему вовсе не хочется уходить от нее. А когда осознал это, страшно удивился.

Да, действительно, его чуть ли не силой вынудили жениться, однако сам он, сказать по правде, был не прочь заполучить ее к себе в постель. С каждым днем ему все сильнее хотелось этого. Со временем мысль соблазнить ее превратилась в навязчивую идею. Конечно, он будет очень осторожен — она ведь совсем еще невинна.

Дьявольщина, что толку обманывать себя?! Он изнывал от желания обладать этой девушкой. Оно сводило его с ума. Когда это случится, он может смело считать, что ему еще очень повезло, если ему хватит терпения сорвать с себя одежду. Конечно, Девон не сомневался, что у нее самой и в мыслях нет соблазнить его, но... тут уж ничего не попишешь, она делала это, да еще как!

Почему он, спрашивается, весь последний час рыскал по саду, если не для того, чтобы

отыскать ее? А пока он, как последний идиот, ломал эту комедию, делая вид, что просто вышел подышать свежим воздухом, она кокетничала с Адамом.

С губ его сорвалось грубое ругательство. То, как они испуганно отскочили в разные стороны при его появлении, не просто раздражало его. Почему-то, вспоминая об этом, Девон чувствовал себя злым волшебником из сказки, похитившим прекрасную принцессу и разлучившим ее с возлюбленным.

Девон как-то не привык считать себя злодеем — он не помнил случая, чтобы ему случалось сломать чью-то жизнь, во всяком случае, до сих пор. Но... кто знает? Возможно, у него врожденный талант причинять людям зло. По крайней мере, сегодня роль героя ему не слишком удалась, с грустью подумал он.

— Девон!

Обернувшись на голос, он смотрел, как кузен Гейбриел, осадив гарцующего жеребца, легкой рысцой приближается к нему. В лице Девона не дрогнул ни один мускул, однако спокойствие это было обманчивым — внутри у него все кипело. Девон сжал кулаки. Он был не в том настроении, чтобы терпеть издевки Гейбриела.

— Проснулся, Спящий красавец? Что-то ты припозднился, — ухмыльнулся Гейбриел, бросив многозначительный взгляд в сторону Лили. — Пошли. Мне позарез нужно на ком-то поупражняться.

Девон продел руку в кольцо.

— Удивительно, что ты вообще нашел в себе силы подняться с постели. Не говоря уже о том, чтобы сесть в седло, — с насмешливой улыбкой бросил он.

По губам Гейбриела скользнула недобрая усмешка.

— На здоровье пока не жалуясь, — хмыкнул он. — Да и сил у меня хватает.

— А вот это мы проверим, когда начнется турнир, — отрезал Девон, саркастически ухмыльнувшись в ответ. — Забавно — я и понятия не имел, что Ферншо в этом году разрешит своим фермерам принять участие в празднике. Состязание по уборке навоза — как тебе? Тебе не случалось заниматься чем-то подобным?

— Нет. Хотя могу попробовать, если под навозом ты подразумеваешь себя, — парировал Гейбриел.

Девон рассмеялся:

— Кстати, с кем ты собираешься биться на турнире? Спешившись, Гейбриел кинул поводья подскочившему груму.

— Хочешь совет? На твоём месте я бы серьезнее отнесся к предстоящим состязаниям.

— Почему? — удивился Девон. Он не просто служил в кавалерии — до этого дня он не проиграл ни одного поединка, которыми славились ежегодные приемы лорда Ферншо. — Пока что никому еще не удавалось выбить меня из седла.

— Счастье переменчиво. Кто знает, вдруг в этом году удача отвернется от тебя.

— Удача тут ни при чем. — Девон одним прыжком перескочил через окружавшую ристалище изгородь. Гейбриел советует поупражняться? Почему бы и нет, внезапно решил он.

— Должен признаться тебе кое в чем, — пробормотал Гейбриел ему вслед. — Если ты думаешь, что это я пригласил Лили заглянуть ко мне прошлой ночью, то ты ошибаешься. Я хорошо знаю тебя. Да, мы побились с тобой об заклад, но потом я решил, что ты и так уже потерял свободу и не заслуживаешь, чтобы тебе напоминали об этом. Собственно говоря, она сама захотела меня и...

Девон расхохотался:

— Если это извинение, считай, что оно принято. Гейбриел покачал головой:

— Нет, мне бы и в голову не пришло извиняться. Я просто сказал тебе об этом, чтобы ты знал — когда я завтра вышибу тебя из седла, это не имеет никакого отношения к Лили. Дело вовсе не в ней.

— Гейбриел, когда я заставлю тебя ткнуться твоим задранным носом в землю, ты тоже можешь быть уверен, что Лили тут никаким боком. Я уже забыл о ней. Она ничего для меня не значит.

Гейбриел какое-то время молчал, словно переваривая услышанное.

— А если бы ты застал в моей постели не Лили, а Джоселин?

Девон насмешливо склонил голову:

— Мне кажется, или ты на самом деле напрашиваешься, чтобы кто-то тебя вздул, а, Гейбриел?

— Если уж кому-то суждено меня победить, пусть это лучше будешь ты, Девон.

Тот задумчиво усмехнулся.

— Прошлой ночью мне удалось выяснить кое-что, — понизив голос, проговорил Гейбриел. — Тот гроб... так вот, его украли, а не купили!

— Примерно чего-то в этом роде я и ожидал.

— И если кому-то в замке известно, кто за всем этим стоит, — продолжал Гейбриел, — то он предпочитает держать язык за зубами.

— О, какое зрелище! Просто бальзам на душу! — послышался позади чей-то издевательский голос. — Позволено ли мне будет надеяться, что холодок в дружбе двух кузенов станет предвестником грядущего кровопускания? По мне так давно пора!

Девон резко обернулся. К ним приближался капитан Терли в окружении компании своих приятелей — у всех молодых людей были в руках либо тупые копья, либо просто палки от метлы.

— На кой дьявол вам понадобились метлы? — удивился Девон. — Выметать соперников с поля?

— А ты еще не в курсе? — с усмешкой спросил Гейбриел. — В первом туре противники будут биться не копьями, а палками от метлы. Забавно, правда? Ферншо боится, чтобы кто-то из новичков не поранился.

— Ну, в таком случае... — Девон молниеносным движением выхватил из рук капитана палку от метлы, — давайте потренируемся! К бою!

Гейбриел, увернувшись, ловко схватил палку, которую бросил ему подбежавший грум.

— Вот это дело! — Расхохотавшись, он сделал выпад, целясь Девону в грудь.

Девон, легко и изящно уклонившись, сам нанес удар, который пришелся Гейбриелу в бедро. Тот только ухмыльнулся.

— Это уже становится опасным, — пошутил он. — Не будешь ли ты так любезен, держать свою палку подальше от той части моего тела, что для меня драгоценнее всего?

— Мои извинения, — хохотнул Девон. — Честно говоря, даже не подозревал, что она у тебя имеется.

— А ты спроси Лили.

— Нет уж, спасибо.

Вокруг них стала мало-помалу собираться толпа. Краем глаза Девон заметил Лили, которая тоже решила полюбоваться занимательным зрелищем. В нескольких шагах от нее

стоял Адам, а вот Джоселин не было видно. Неужели она послушалась его совета и вернулась в замок, удивился он. А может, они с Адамом договорились встретиться позже, втайне от всех...

— Проклятие! — Сильный удар по локтю вернул его к действительности.

— Прости. — Гейбриел с лицемерным сожалением пожал плечами. — Радуйся, что на этот раз мой удар пришелся не по рукоятке меча. Однако искренне советую тебе в следующий раз не столь пренебрежительно относиться к новичкам.

Стоит жара или льет проливной дождь — знаменитый турнир, который ежегодно устраивал лорд Олтон Ферншо, должен был состояться в любую погоду.

Из-за горизонта вынырнуло солнце, разгоняя последние клочья седоватого тумана, поднимавшегося над лужайкой, которой в этот день была отведена роль ристалища. Окружавшие ее со всех сторон деревянные скамьи были заполнены заспанными и зевающими гостями, которых привело сюда любопытство и страстное желание увидеть рыцарский турнир. Возможно, многих грела мечта о возрождении рыцарского духа. А может, как это бывает нередко, за этим скрывалась тайная надежда своими глазами полюбоваться грандиозным поединком, в котором примут участие самые сильные, искушенные в ратном деле бойцы.

И вот в этом году благодаря неожиданному скандалу, в котором оказались замешаны двое самых обаятельных джентльменов из числа представителей лондонской аристократии, их надеждам суждено было сбыться. Ходили слухи, что этим двоим, не терпящим пустить друг другу кровь.

В глубокой тайне заключались пари и делались ставки — гости бились об заклад, кто из кузенов Боскаслов выйдет из схватки победителем. После вчерашней тренировки на палках от метлы Гейбриел щеголял с распухшей губой — впрочем, многие дамы пылко уверяли, что шрамы, мол, украшают лицо мужчины. В отличие от него Девон бродил по замку с отсутствующим выражением лица, не похожим на его обычную скептическую гримасу, к которой уже все успели привыкнуть. Самые преданные из числа его поклонников едва удерживались о того, чтобы не спросить, не нужна ли ему помощь.

Эти последние, а также все, кто ставил на Девона, с пеной у рта уверяли, что сам их кумир ничуть не сомневается ни в собственном мужестве, ни в своем умении держаться в седле. Он был молод, необуздан и храбр. Более тяжеловесный Гейбриел казался сильнее, его суровое, грубоватое лицо было под стать манерам. Его сторонники уверяли, что Гейбриел, считавшийся среди остальных Боскаслов кем-то вроде изгоя, будет сражаться до конца, так как ему, мол, нечего терять.

Но куда более жгучее любопытство вызывал другой вопрос — какая из дам возбудила в кузенах столь яростное соперничество?

Мисс Лидбери, до сей поры считавшаяся безупречной во всех отношениях, или имеющая сомнительную репутацию, но при этом невероятно соблазнительная миссис Кранли?

И почтит ли кто-то из них поединок своим присутствием?

Последний вопрос тоже не давал собравшимся покоя. Заключалось немало пари и на этот счет — правда, большинство ставили на Лили, поскольку накануне Джоселин куда-то пропала. Во всяком случае, никто не видел, чтобы она смотрела, как джентльмены разминаются, готовясь к предстоящему турниру.

Впрочем, Джоселин ни за какие сокровища в мире не согласилась бы пропустить это зрелище; она дала клятву принять то, что посылает ей судьба, и была твердо намерена сдержать ее. И потом, успокаивала себя Джоселин, она ведь именно для того и приехала на этот прием, чтобы найти себе мужа, разве нет? Конечно, трудно встретить человека, менее отвечающего тому идеалу респектабельного супруга, который она нарисовала себе, чем Девон Боскасл, но разве это так уж важно? В конце концов, в любом, даже самом блестящем плане случаются неожиданные повороты.

Они с леди Уинифред чинно уселись на скамье и принялись глазеть на бродивших вокруг менестрелей, которые, как и положено в таких случаях, распевали любовные песни в честь прекрасных дам — в точности как средневековые трубадуры.

Все, кто пришел посмотреть на турнир, явились в карнавальных костюмах. Джоселин надела блио [\[3\]](#), верхнюю тунику из шелестящего шелка аметистового цвета с низко спускающимся на бедра поясом в виде золотой цепи.

Пронзительно взвыли фанфары, возвещая о прибытии хозяина замка. Появившийся на лужайке лорд Ферншо занял кресло под балдахином.

Герольды огласили правила турнира, напомнив участникам, что биться можно только оружием с затупленным концом. И вообще состязание должно проходить в духе доброй воли и товарищеского соперничества. После этого почетный распорядитель турнира взмахнул платком, и раздался пронзительный возглас герольда: «Удачи вам, доблестные рыцари!»

Турнир начался.

Ни у кого не было ни малейших сомнений, что им предстоит захватывающее зрелище.

Главным призом, который должны были вручить победителю нынешнего турнира, был андалузский жеребец чистейших кровей.

Среди тех, кто выехал на поле, скорее всего не было ни одного, кто бы, не сторал от желания увидеть это прекрасное животное в своей конюшне. Или уж на крайний случай хотя бы разок проехать на нем по Роттен-роу, чувствуя на себе, восхищенные взгляды дам.

Совершенно неотразимый в своих рыцарских доспехах, Девон Боскасл почти сразу же стал героем дня, причем без особых усилий со своей стороны — всего лишь сделав круг по полю на своем резвом боевом коне, голову которого украшал пышный султан. Впрочем, он и впрямь выглядел великолепно: из-под короткой туники переливчатого голубого атласа, которую он накинул на плечи, виднелись богато украшенные серебряной чеканкой доспехи, а в прорезях стального шлема дьявольским блеском сверкали синие глаза, и взгляд этот не сулил ничего хорошего тому, кто решится скрестить с ним оружие. Он с таким мастерством управлял своим конем, что среди дам послышался восторженный шепот.

Джоселин, заметившая его в тот момент, когда он только появился на поле, поспешно отвела глаза в сторону. Если Девон поприветствует Лили, а не ее, с мрачной решимостью подумала она, ему несдобровать — она сама пошлет ему вызов. Что вряд ли кого-то удивит после того, как она набросилась на Лили с ракеткой. Она догадывалась, что Девон не был в восторге, застав ее беседующей с Адамом. Но тот в ее представлении был удобен как старые разношенные шлепанцы, что же касается Девона, то о каких-либо удобствах тут вообще речь не шла. В его присутствии она забывала дышать, чувствовала себя нескладной наивной простушкой.

— Джоселин, — окликнула ее Уинифред. — Только не говори мне, что ему вздумалось снова разыграть спектакль перед этой женщиной, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание, — с досадой бросила она.

— И не собиралась. Потому что ему вздумалось разыграть спектакль перед тобой. И весьма впечатляющий, надо сказать, — фыркнула Уинифред.

— Оставь свои шуточки, Уинифред. Я сейчас не в том настроении.

— Джоселин! — Подруга ткнула ее локтем в бок, многозначительным взглядом указав на арену.

Джоселин нехотя повернула голову. Прямо перед ними, твердой рукой удерживая приплясывающего жеребца, замер Девон — весьма впечатляющее зрелище, нехотя призналась она себе.

— О, прекраснейшая из дам, умоляю вас, не откажите мне в просьбе — дайте какой-нибудь талисман из ваших рук, ленточку или бант, который принесет мне удачу в сражении! — игриво воскликнул он, протянув к ней руку в латной перчатке.

Джоселин вздрогнула, уговаривая себя, что она не должна придавать значение подобному пустяку.

— Что мне ему дать? — прошептала она, дергая за рукав Уинифред.

— Туфельку, — прыснула подруга.

— Еще чего!

— Ну, тогда подвязку.

— Ты с ума сошла?! Чтобы я подарила ему свою подвязку? Даже и не думай!

— Ну, тогда решай сама. Только быстрее! Джоселин густо покраснела. Потом, немного подумав, развязала один из шелковых бантов, которыми были подвязаны широкие рукава ее бблио и которые сильно ее раздражали. Девон с поклоном подцепил его концом своего копья, галантным жестом поднес бант к губам, после чего заставил своего коня склониться перед Джоселин в поклоне.

— Какая сцена, просто как в рыцарском романе! — Уинифред восторженно захлопала в ладоши.

Джоселин с трудом спрятала улыбку.

— Какой актер, ты, наверное, хотела сказать, — фыркнула она.

— Ну, если он и разыгрывал перед тобой спектакль, я бы не отказалась поучаствовать в нем вместо тебя. О Господи... это не с сэром ли Гейбриелом он собирается сражаться?!

Второй участник турнира только что въехал на ристалище верхом на могучем сером жеребце. Увенчанный пышным черным плюмажем шлем полностью скрывал его лицо, однако надменность, с которой этот рыцарь сидел в расшитом золотом седле, не оставила у зрителей никаких сомнений в том, кто этот смельчак, решившийся бросить вызов Девону Боскаслу. Сделав круг по полю, он подъехал к тому месту, где сидела Лили Кранли. Очаровательная вдовушка без каких-либо колебаний приподняла край платья и, ставив с ноги подвязку, бросила ее сэру Гейбриелу в качестве талисмана.

«Зато Девон оказал эту честь мне», — промелькнуло у Джоселин в голове, и хотя она упорно твердила себе, что сей жест, в сущности, ничего не значит, ей все же было приятно. Однако если Девон считает нужным на публике играть роль влюбленного жениха, выходит, было бы разумно с ее стороны последовать его примеру. Странно было другое — что для нее не составляет ни малейшего труда играть роль влюбленной невесты.

Дождавшись, когда герольд подаст знак к началу поединка, Девон тронул шпорами жеребца, пустив его легкой рысью, зрители затаили дыхание. Через мгновение они с кузеном уже галопом неслись навстречу друг другу, не обращая внимания на ошметки грязи, летевшие из-под лошадиных копыт. Девон с невольным восхищением разглядывал кузена, с

непринужденной ловкостью управлявшего своим могучим серым жеребцом.

Однако сам Девон был прирожденным наездником. Это было у него в крови. К тому же при своем высоком росте и худощавом телосложении он привык больше полагаться на ловкость и проворство — и именно их он сейчас противопоставил могучей силе и тяжеловесному сложению Гейбриела.

Взяв тяжелое копьё с затупленным наконечником в левую руку, Девон, прищурившись, направил его в середину щита кузена. Если ему удастся нанести удар с достаточной силой, подумал он, то он выбьет его из седла, зато в этом случае удастся обойтись без серьезных повреждений.

Расчет Девона казался верным.

К несчастью, Гейбриел слишком прочно сидел в седле — словно уличный мальчишка на заборе, а тяжелый щит смягчил удар.

— Давай, кузен! — издевательски крикнул он, поворачивая коня перед еще одной схваткой. — Не принимай свою неудачу слишком близко к сердцу! Вдобавок все дамы и так знают, что любовные подвиги в постели лорд Девон ценит куда больше ратных!

Девон осадил своего горячившегося жеребца с ловкостью, давно уже ставшей частью его натуры. При его мастерстве и подвижности ему ничего не стоило опередить тяжеловесного и медлительного Гейбриела.

— Что-то мне не доводилось пока слышать о твоих подвигах на поле битвы! — насмешливо крикнул он.

— Это потому, что все мои противники мертвы, и не в состоянии рассказать о них! — бросил через плечо Гейбриел. — Но сейчас все по-другому. Это только игра, не так ли, кузен?

Да, это была просто игра, однако Девон уже забыл об этом. Он потерял голову в тот момент, когда, выехав на поле, увидел сидящую среди зрителей Джоселин. Вряд ли ему удастся произвести на нее впечатление, если он проиграет схватку, мрачно подумал он. Прищурившись, Девон усилием воли заставил себя не думать об этом. Они с Гейбриелом, развернув коней, легким галопом вновь поскакали навстречу друг другу.

Игра или нет, он должен победить!

На этот раз... все решится на этот раз!

Уверенно сидя в седле, Девон устремился навстречу Гейбриелу. В этот момент он не думал ни о чем, не слышал ничего, кроме тяжелого грохота копыт жеребца, на котором скакал кузен. И это принесло свои плоды. Мгновением позже острие его копья с грохотом ударило по шлему на голове Гейбриела, а еще через миг его кузен вылетел из седла и, подняв облако пыли, покатился по земле. Это была победа.

Зрители восторженно взревели. Кто-то бросил на поле венок из плюща. Герольды, протрубив в свои трубы, торжественно объявили лорда Девона победителем поединка. Теперь ему оставалось одержать верх только в двух состязаниях, подумал он про себя...

Девон с веселым удивлением разглядывал лежавшего на земле кузена.

— Надеюсь, это хотя бы на денек-другой собьет с тебя спесь, — проговорил он.

Гейбриел, с трудом поднявшись на ноги, стащил с головы шлем.

— Между прочим, ты должен быть мне благодарен, кузен, — проворчал он.

— Вот как? — фыркнул Девон. По лицу его катился пот. — Интересно, за что?

— За то, — ухмыльнулся Гейбриел, — что я позволил тебе победить! И тем самым помог избежать унижения на глазах нареченной.

Девон, запрокинув голову, захохотал:

— Ну, ты и наглец!

— Я пожертвовал ради тебя своей гордостью, — притворно надулся Гейбриел, — а ты смеешься?!

— Знаешь, о чем я думаю, кузен? По-моему, ты не умеешь проигрывать. Да и насчет самопожертвования явно погорячился. Как-то это на тебя не похоже, согласен?

У Гейбриела не нашлось, что ему возразить.

Девон, повернув коня, подскакал к скамьям, на которых волновались зрители, спешился и склонился в низком поклоне перед Джоселин. Какое-то время она молча смотрела на него, не зная, что сказать.

У Девона имелась тайная причина, по которой ему позарез нужно было одержать победу над кузеном, и он отлично это знал. Так что им, скорее всего, двигала оскорбленная мужская гордость, а не желание заполучить великолепного андалузского жеребца. Удивительно было только, что Джоселин не выглядела потрясенной его ратными подвигами.

Гейбриел, догнав кузена, с размаху хлопнул его по плечу.

— Будь я на твоём месте, — понизив голос, пробормотал он, — уж я бы выжал из этой ситуации максимум возможного. Попроси ее поцеловать твоё копьё.

— Может, сам поцелуешь? — хмыкнул Девон.

Джоселин поднялась со скамьи. Девон, даже не оборачиваясь, мог бы поклясться, как кузен пожирает взглядом хрупкую фигурку его нареченной, и, несмотря на усталость, в нём опять волной поднялась злость. Джоселин смущенно откашлялась. Леди Ферншо, незаметно подойдя к ней, шепотом подсказывала ей, что следует говорить в подобных случаях.

— Лорд Девон, — заикаясь, начала она, — ваша храбрость была...

«Чем она была? — с невольным раздражением подумал отважный рыцарь. — Напрасной тратой времени?» Взгляд Девона помимо его воли вновь обежал ее фигуру. Средневековый костюм облегал ее тело как перчатка, подчеркивая все его восхитительные изгибы. С какой бы радостью он отвел ее в уединенное место и сорвал бы его! Забавно, что совсем недавно он не чувствовал ничего, кроме навалившейся на него свинцовой усталости. Тело его болело и ныло по-прежнему, однако, по иной причине. Неутоленное желание — вот в чем дело.

Тряхнув головой, Девон попытался сосредоточиться на том, что говорит Джоселин, стараясь не думать, что бы он сделал, будь они сейчас наедине. И тут вдруг до него дошло, что она замолчала и смотрит куда-то поверх его плеча. Девон нахмурился. Может, Гейбриел, воспользовавшись тем, что он его не видит, строит из-за его плеча рожи?

Девон резко обернулся. Однако Гейбриел и не думал смотреть на Джоселин. Собственно говоря, в эту минуту он таранился на одного из лакеев лорда Ферншо: одетый в костюм средневекового сквайра, тот торопился к скамьям, на которых сидели зрители.

— Мне велено передать лорду Девону вызов на поединок, — объявил лакей, поклонившись Девону.

— Кто тебя послал? — усталым голосом спросил он запыхавшегося гонца.

— Лорд Чизвик, милорд.

— Чинни?! — Гейбриел недоверчиво фыркнул. — Сражаться с тобой?!

— Лорд Чизвик просил передать, что желает сразиться пешим, — добавил лакей, окинув взглядом внушительную фигуру Девона. В голосе его слышалось явное сомнение.

Девон застонал:

— Больше всего я сейчас мечтаю о том, чтобы скинуть с себя эти дурацкие доспехи!

Гейбриел задумчиво потер подбородок.

— Ну, ты ведь всегда можешь отказаться, — пробормотал он.

Подняв щит, Девон передернул плечами, словно разминая затекшие мышцы.

— И тем самым сознаться в собственной трусости!

— Язык не поворачивается, да? — пробормотал Гейбриел. — Будь я на твоём месте, я бы принял этот вызов и сразился с ним. Опять же Джоселин ждёт твоего ответа, — ухмыльнулся он.

— Вижу, — сухо кивнул Девон.

— Кстати, я заметил, какими глазами ты смотришь на неё, — задумчиво пробормотал Гейбриел.

— Да и ты поглядываешь на неё с интересом, — буркнул Девон.

— Ну, ведь не я на ней женюсь, — пожал плечами Гейбриел. — Зато, если ты победишь Чинни, вряд ли она после этого взглянет на него.

Конечно, он ещё не женат, мрачно подумал Девон. И не чувствует себя связанным этой дурацкой помолвкой. Он знает, что как любовнику ему нет равных, но вот верит ли он в любовь? Ему всегда казалось дикостью, что нормальный здравомыслящий мужчина может по доброй воле обречь себя на подобную многолетнюю пытку.

И, тем не менее, он принял вызов. Отказаться поднять брошенную ему перчатку помешала бы гордость. Ни один из Боскаслов никогда не отказывался от схватки. Он запятнал бы свою честь, если бы поступил иначе.

Через несколько минут Девон уже стоял посреди поля, разглядывая своего невысокого, щуплого, с перекошенным от волнения лицом соперника. И чувствовал, как его решимость тает на глазах. Он не мог заставить себя поднять руку на Чинни. Было бы подло драться с юнцом, у которого и без того поджилки трясутся, подумал он.

К тому же Адам имел полное право считать себя оскорблённым. Девон и в самом деле увел у него невесту — и не важно, что случилось это не по его воле. Адам считал, что задета его честь. А Адам ею дорожил.

— Мне бы не хотелось ранить тебя, Адам, — мягко сказал он, повернувшись спиной к сквайру, державшему в руках затупленные мечи, которыми им предстояло драться.

Адам вызывающе вздернул подбородок:

— Да? А вот мне чертовски хочется прикончить тебя!

— Стоит ли? — Девон рассмеялся бы, если бы бедняга Чинни не выглядел таким решительно настроенным. — Мы же старые друзья, не так ли? И этот турнир всего лишь игра, Чинни. Дружеская игра.

— Для тебя все игра, Боскасл! — взорвался Адам. — Для тебя и твоих чертовых братьев! Война, женщины. И моя невеста тоже игра. Вернее, я уже считал её невестой.

Девон повертел в руках меч.

— Я не думал, что для тебя это так серьезно.

Взгляд Адама, скользнув мимо него, устремился к скамьям, на которых сидели зрители, и Девон с трудом подавил желание обернуться. Интересно, о чем сейчас думает Джоселин? Молится, чтобы этот дикарь, её жених, не поранил как-нибудь ненароком её героического защитника? И Девону внезапно страшно захотелось устроить им обоим сюрприз.

Он поведет себя как джентльмен — сделает так, что Чизвик предстанет в ореоле героя. Это ведь действительно игра. Это...

Сильный удар мечом по плечу, который плашмя нанес ему Адам, вернул Девона к реальности. Скрипнув зубами, он встал в боевую позицию.

Это был подлый удар. Девон был потрясен, что Адам воспользовался его замешательством. Такого он не ожидал. Но гораздо сильнее его поразила боль, отдавшаяся во всем его теле. Удар оказался сильным. К несчастью, он получился еще и весьма ощутимым. И — уж совсем некстати — удар этот разбудил дьявола, дремавшего в душе Девона.

Он со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы и сделал ложный выпад, повернув меч так, чтобы удар, пришедшийся по запястью Адама, вышиб у него из рук оружие. Тот отлетел в сторону, а мгновением позже тупой наконечник меча Девона уперся ему в грудь.

— Прости, старина, — пробормотал он. При виде унижения на лице Адама в горле у него встал комок.

Адам угрюмо кивнул:

— Ничего, переживу. Да и потом... я бы не выжил в школе, если бы ты постоянно не защищал меня. Я у тебя в долгу, Боскасл...

Герольды, протрубив в фанфары, выкрикнули имя победителя. Опустив меч, Девон с сожалением покачал головой:

— Ну, и чего ты добился? Хотел произвести впечатление, да? А в итоге выставил нас обоих идиотами!

Адам расправил плечи.

— Возможно. Но теперь, по крайней мере, я спокоен, потому что выполнил свой долг. Во всяком случае, у меня уже не так паршиво на душе.

— Да? Что ж, я рад за тебя, — пожал плечами Девон, невольно покосившись в сторону зрителей.

Одному Богу известно, что думает об этом дурацком поединке Джоселин. Сказать по правде, он боялся, что юная леди, да еще получившая столь деликатное воспитание, потеряет сознание. Или будет обливаться слезами при виде поражения своего верного рыцаря. Впрочем, вскоре выяснилось, что он мог и не тратить время, пытаясь угадать, как она отнесется к этому.

Когда Девон решил посмотреть в ту сторону, где сидела его невеста, выяснилось, что ее место на скамье пусто. Честно говоря, он даже сомневался, что она видела унижение Адама. Итак, что бы она ни думала по поводу турнира, объяснения придется отложить на потом. Может, хоть тогда станет понятно, что за чертовщина с ним происходит.

Джоселин, приоткрыв дверь своей комнаты, высунула в шелку нос, подкарауливая Девона. Ждать пришлось довольно долго. Когда же он, наконец, появился, одного взгляда на него оказалось достаточно, чтобы понять, что он не в духе. И Джоселин благоразумно решила подождать, пока у него немного улучшится настроение.

Она подозревала, что они с Гейбриелом не поделили милости одной небезызвестной вдовушки, а сегодняшняя стычка была всего лишь следствием этого. Однако официально он сражался ради нее — и против этого трудно было возразить. Конечно, это был не настоящий поединок — скорее уж пародия на него. Но разве не был пародией ее будущий брак? Девон тоже это знал. И, тем не менее, взял в руки копье и, не колеблясь, ринулся в бой. Как и положено истинному Боскаслу.

Сама Джоселин не была бойцом по натуре, но, с другой стороны, ради чего ей было сражаться? Стеснительную юную девушку так легко загнать в угол. Ее собственная матушка была тихой серой мышкой, боявшейся лишней раз рот открыть. А отец считал своей обязанностью жестко подавлять даже те редкие и весьма робкие попытки, бунтовать, на которые решалась его всегда послушная и почтительная дочь.

К добру ли, к худу ли, но сейчас она готова была в очередной раз взбунтоваться. Похоже, она вовсе не такая уж послушная овечка, которой ее всегда считали, промелькнуло у нее в голове.

Воодушевленная примером человека, не по своей воле ставшего ее рыцарем и защитником, она впервые в жизни решила сражаться за то, чего ей хотелось больше всего на свете.

А ей хотелось стать женой Девона Боскасла, и не формально, потому что формальности не имели в ее глазах никакого значения. Нет, она хотела стать его настоящей женой, женщиной, которой он отдал бы свое сердце, которую бы он полюбил так, что остальные вроде Лили Кранли перестали бы для него существовать. Конечно, это будет непросто, но, с другой стороны, рассуждала Джоселин, если сегодня ради нее он сражался с другом, разве это не говорит о том, что он уже успел влюбиться в нее? Она сильно подозревала, что делает слишком поспешные выводы... но кто не грешит этим, когда речь идет о любви?

Итак, первая проблема, с которой она столкнулась, заключалась в том, чтобы прибрать к рукам такого строптивца, как Девон Боскасл, превратив его в послушного ягненка, покорного ее воле. Пока что он напоминал ей дикого зверя, привыкшего жить, как ему нравится, и вдруг сообразившего, что его заманили в ловушку, используя ее в качестве приманки.

Мимо Джоселин по коридору пробежали две хихикающие горничные, неся в руках тяжелые кувшины с горячей водой. Она проводила их взглядом. Обе девушки прощмыгнули в комнату Девона. А вот обратно вышла только одна. Джоселин невольно отметила ее разочарованно вытянувшееся лицо.

В следующую минуту Джоселин уже неслась по коридору к той двери, из которой только что вышла служанка. Она уже взялась за ручку, когда решимость внезапно покинула ее. Не может же она вот так взять и войти в спальню к джентльмену, пусть даже они официально помолвлены, думала Джоселин. Это же верх неприличия. Но потом она напомнила себе, что женщины вроде Лили Кранли вряд ли забивают себе голову подобной

ерундой. И к тому же в комнате осталась горничная, спохватилась она. Джоселин подняла руку и решительно постучала.

Приоткрыв один глаз, Девон увидел горничную, с интересом разглядывающую тяжелый меч, которым он дрался с Адамом. Наконец любопытство пересилило. Девушка протянула к нему руку.

— Будь осторожна, крошка. Не советую его трогать.

— Господи, спаси и помилуй, — ахнула толстощекая девица, с вождением разглядывая обнаженного Девона, — я и не думала, что в наше время встречаются такие огромные штуки. — Она нахально облизнулась. — Само собой, присутствующие не в счет.

Девон невольно расхохотался:

— Ну и наглая же ты девица! Все, ты свободна, можешь идти. Мне больше ничего не нужно.

— А просто посмотреть нельзя? Девон закрыл глаза.

— Просто посмотреть можешь на кого-то другого. Думаю, в желающих недостатка не будет. Особенно в замке твоего хозяина.

Опустившись на колени перед ванной, девушка принялась намыливать его плечо.

— Это уж точно, — промурлыкала она. — Для любопытных тут раздолье. Столько всего интересного — тайные свидания, возня под лестницей, а иногда и на лестнице... — Она развязно захихикала.

— А ты не знаешь, кто подбросил мне записку, назначив ночное свидание в башне? — наугад спросил он.

— Нет... этого никто не знает, — помрачнев, пробормотала она. — Это чистая правда, клянусь.

— А как насчет гроба? — Девон решительно отвел в сторону ее руку, слишком дерзко шарившую по его телу. — Спасибо, дальше я сам.

Девушка с разочарованным вздохом разогнулась.

— Кое-кто считает, что это дело рук сэра Гейбриела. Ну, якобы это он притащил гроб в замок. Разве вы не поэтому задали ему сегодня трепку?

Девон нахмурился.

— Мне тоже пришлось нелегко. Остается только надеяться, что ему сейчас так же горько, как и мне. В любом случае он не имеет к этому никакого отношения.

— От такого зрелища у девушки прямо мороз по коже, милорд!

Девон стиснул зубы. Ему вспомнилась боль, мелькнувшая в глазах Джоселин, когда до нее дошел смысл злобной шутки, и то, с каким присутствием духа и достоинством она держалась весь остаток вечера.

А что, если Джоселин не раз приходилось сталкиваться с подобной жестокостью? Иметь отцом такого деспота, как сэр Гидеон, вряд ли приятно, особенно для молодой девушки, которая, вероятно, не раз вызывала его раздражение.

Если это так, он будет считать своим долгом, сделать все, чтобы заставить ее забыть об этом. Как только они поженятся, сэр Гидеон навсегда исчезнет из ее жизни. Он, ее муж, позаботится, чтобы она виделась с отцом, только если сама того пожелает.

Девон покачал головой. Дьявольщина... что это на него нашло?!

Еще недавно он готов был придушить ее собственными руками... и вот сейчас мечтает стать ее защитником. Семейная черта Боскаслов — тут уж ничего не поделаешь.

Игривый смешок горничной, прервав его размышления, заставил Девона вернуться к

реальности.

— Если хотите, милорд, я помогу вам помыться, — вкрадчиво предложила она. — Правда, мне придется сбегать за полотенцем. Эта салфетка явно для вас мала. Ах, вы такой огромный, сэр...

Дверь у нее за спиной негромко скрипнула, и девушка, испуганно ойкнув, оглянулась. Девон и ухом не повел. Если окажется, что это кузен Гейбриел, вознамерившийся сравнять счет и выбравший для этого момент, когда он с наибольшей степенью вероятности застанет его голым, он утопит его прямо тут, в ванне.

Горничная, сразу присмирив, молча шмыгнула в угол.

Девон, плотно прикрыв глаза, прислушивался, пытаясь угадать, кто его неожиданный гость. Потом совсем рядом послышался легкий шелест шелка. В памяти Девона мелькнуло какое-то неясное воспоминание, и его охватил знакомый жар.

— Ну, давай, девочка, — мысленно улыбаясь, нетерпеливо бросил он. — Помоги мне помыться. Вода быстро остывает, а тело у меня одеревенело так, что я даже шевельнуться сам не могу.

Он услышал, как тихонько закрылась дверь, — значит, горничная ушла, решил Девон. Потом он вдруг почувствовал на своем плече руку другой женщины и весь замер от сладостного предвкушения, когда она провела рукой по его напрягшейся груди. Нежность, с которой она намыливала его закаменевшие мышцы, возбуждала его до такой степени, что Девон едва сдерживался.

Какие нежные... робкие пальчики! Девону все труднее было притворяться, что он не замечает разницы. Зато ее замечало его тело, да еще как! Его мужская плоть, словно вставший на дыбы жеребец, вынырнула из воды, самым предательским образом нарушив его планы.

— Чудесно, — пробормотал Девон и, высунув из воды руку, схватил свою посетительницу за локоть. — Но может быть, ты опустишь руку немного пониже?

Негромкий возглас заставил его открыть глаза. Девон широко ухмыльнулся. Швырнув салфетку на его восставшее копыто, Джоселин испуганно пятилась к двери.

— Нет, Девон Боскасл, вы действительно дьявол!

— Джоселин! — притворившись, что страшно удивлен, ахнул он. — Это вы?! Надо же, какой приятный сюрприз! Вот уж никогда бы не подумал! Иначе ни за что бы, не осмелился попросить вас о столь интимной услуге! А впрочем... может, вы для этого сюда и пришли?

Переминаясь с ноги на ногу перед дверью в комнату Девона, Джоселин твердила себе, что сейчас самое время попытаться взять быка за рога. Однако она испытала настоящий шок, убедившись собственными глазами, какой огромный в действительности ее «бык». Правда, она застала его голым, но хотя бы не в тот момент, когда он развлекался со служанкой. «Благодарю тебя, Господи, хотя бы за это», — благочестиво подумала она.

Стоявшая на коленях возле ванны горничная бросила на нее через плечо удивленный взгляд. Джоселин приложила палец к губам, моля Бога о том, чтобы девица не подняла шум.

Девушка понимающе ухмыльнулась, молча протянула ей мыло и исчезла. Девон, блаженно прикрыв глаза, нежился в горячей воде и, казалось, ни о чем не подозревал. Джоселин, не удержавшись, с невольным любопытством окинула взглядом его обнаженное тело, вернее, ту его часть, которая была на виду. Проклятие, до чего же он красив, этот дьявол, промелькнуло у нее в голове.

Густые завитки мокрых темных волос облепили сильную шею. Могучие мышцы плеч

влажно поблескивали, по широкой груди струйками стекала вода. Судорожно стиснув в руке скользкий кусок мыла, она нерешительно шагнула к ванне и тут же, перепугавшись до смерти, уронила мокрую салфетку на его восставшую из воды мужскую плоть, которую он нахально предложил ей помыть. И тут до нее вдруг дошло, что Девон с самого начала знал, что перед ним не горничная.

Получается, ради этого она и явилась сюда? Да, наверное.

Девон вдруг шумно вынырнул из воды, словно какое-то диковинное морское чудовище, и встряхнулся, устроив в ванне небольшой шторм, отчего по поверхности воды в разные стороны разбежались волны.

Ивстал перед ней во весь рост прежде, чем она успела юркнуть за дверь. На губах Девона играла хитрая усмешка. Воззрившись на окаменевшую Джоселин, он заморгал, делая вид, что страшно удивлен.

— Господи, спаси и помилуй меня, грешного! — в притворном ужасе воскликнул он. — Я даже не слышал, как вы вошли! Кстати, а вы постучали?

Быстро сделав несколько шагов, Девон задвинул задвижку на двери. Струйки воды, стекая по его широкой спине, скатывались по выпуклым мышцам бедер. Изо всех сил, стараясь не смотреть на него, Джоселин схватила висевшее на стуле полотенце и швырнула ему. Потом, сосчитав до десяти и решив, что этого времени ему наверняка хватило, чтобы вспомнить о правилах приличия и прикрыть наготу, она осмелилась открыть глаза и бросить взгляд на его отражение в большом зеркале.

Увы, Девон так и стоял, в чем мать родила. Видимо, стыдливость не входила в число его добродетелей. Полотенце болталось у него на шее. С таким же успехом он мог попытаться закутаться в носовой платок, поскольку оно закрывало только плечи. Что же касается самой возмутительной части его тела, выглядывающей из густой поросли темных курчавых волос, прикрывавшей низ живота... у Джоселин даже слов не нашлось, чтобы описать ее. Правда, она, вовремя опомнившись, крепко зажмурила глаза, успев благоразумно прикусить язык.

— Прошу вас, набросьте на себя хоть что-нибудь, — слабеющим голосом пробормотала она.

— Тогда дайте мне хотя бы минуту. Я не ожидал гостей. Она невольно открыла глаза.

— Между прочим, у вас уже была гостья, когда я вошла! — нахмурилась Джоселин.

— Дорогая, это всего лишь горничная! — Ухмыльнувшись, Девон нарочито медленно сбросил полотенце. Потом наклонился, чтобы вытереть мокрые ноги. Джоселин, ругая себя на чем свет стоит, украдкой бросила любопытный взгляд на его упругие ягодицы и закашлялась, почувствовав, как мгновенно пересохло в горле.

— Ничего, ничего... не обращайтесь на меня внимания, — колко бросила она.

Девон улыбнулся ее отражению в зеркале. — Ты не возражаешь?

— Против чего? — прошелестела она, изо всех сил стараясь проглотить вставший в горле комок.

— Если я подлзу под твою ногу.

— Что?! — Глаза Джоселин полезли на лоб.

— Просто ты стоишь на моей рубашке.

Облегченно выдохнув, она поспешно попятилась, чтобы дать ему поднять с пола рубашку. Правда, он вдруг почему-то передумал ее надевать. Вместо этого, шагнув к ней, Девон обнял ее за плечи и рывком заставил ее повернуться. При одном только взгляде на это великолепное мужское тело голова у нее закружилась. И Джоселин вдруг почувствовала

непреодолимое желание упасть на диван и поднести к носу флакон с нюхательными солями.

— Джоселин? — Девон с тревогой, на этот раз непритворной, нагнулся к ней, вглядываясь в побледневшее лицо. — Прости, что дразнил тебя. Просто не смог удержаться. Извини, но я вынужден спросить... Что ты делаешь в моей комнате?

Хороший вопрос. Именно его она и задала себе, когда почувствовала, что начинает понемногу приходить в себя. Наверное, для того чтобы поблагодарить Девона зато, что на сегодняшнем турнире он сражался в ее честь, спохватилась она. Хотя, сказать по правде, ей как-то не приходило в голову, что Девон станет выслушивать ее благодарность, стоя перед ней в чем мать родила.

— Я собиралась... — промямлила она. И сразу же сообразила, что сделала большую ошибку, бросив взгляд на его рот. Эти твердые чувственные губы дали ей почувствовать всю сладость греха. И заставили мечтать о большем. — Впрочем, все это может подождать, — спохватилась она. — По крайней мере, до тех пор, пока вы не приведете себя в приличный вид.

— Ты точно знаешь, что хочешь именно этого? — вкрадчиво спросил он, кончиками пальцев лаская ее обнаженное плечо. Джоселин, вспыхнув, поежилась.

— Может, вам это покажется странным, но у меня нет привычки, беседовать с голыми мужчинами, — буркнула Джоселин.

— Ну, если тебя это так смущает, могу помочь тебе раздеться, — с готовностью предложил Девон. Нагнув голову, он игриво куснул ее за шею, и Джоселин с ног до головы покрылась гусиной кожей. Она могла бы поклясться, что Девон тут же это почувствовал.

Она слабо застонала. Груды мгновенно набухли, соски стали болезненно чувствительными.

— Нет... я имела в виду, что это вы оденетесь! Черт побери... можно подумать, вы не понимаете, что я хотела сказать! — вскрикнула она.

— А зачем? По-моему, мне нечего стыдиться. Я как-никак у себя в комнате. И я не монах, как ты уже, наверное, заметила.

Она вздрогнула, почувствовав, как его губы прокладывают цепочку обжигающих поцелуев вдоль ее плеча.

— Не думаю, что кто-то способен ошибиться, Девон Боскасл, приняв вас за святого отшельника! — ехидно отрезала она.

Он с улыбкой поднял голову.

— Ты явилась сюда, чтобы спасти мою душу? Джоселин стиснула зубы, напомним себе, что не может позволить вновь поддаться обаянию этого человека. Она так долго собиралась с духом, чтобы прокрасться сюда, что ничто на свете — ни нахальная горничная, ни полное отсутствие у ее нареченного каких-либо нравственных принципов (не говоря уже о полном отсутствии на нем одежды) — не помешает ей привести в исполнение свой план. Если она твердо намерена стать женой этого человека, она должна найти способ сопротивляться ему. Конечно, ей придется нелегко, и все же...

— Я пришла к вам, чтобы выразить свою благодарность, — чопорно проговорила она.

Девон в ответ окинул ее таким взглядом, которым опытный всадник оглядывает породистую кобылку.

— Приятно это слышать.

— Да? Что ж, не могу сказать, что мне приятно наблюдать, какими глазами вы на меня смотрите.

— А какими я должен смотреть?

Позже Джоселин частенько спрашивала себя, как это произошло: сама ли она упала на постель, потому что у нее подкосились ноги, или это Девон опрокинул ее на кровать. Все, что она помнила, это тяжесть навалившегося на нее сверху тела, оглушительный стук сердца и сладкую, ноющую боль в груди.

Но когда его губы вдруг прижались к ее губам, это вышло так естественно, что ей и в голову не пришло оттолкнуть его. Казалось, по-другому и быть не могло. Будучи сверху, он оказался в выигрышном положении, и Джоселин как-то подозрительно быстро забыла свое намерение, ради которого, собственно, и явилась сюда. Всякая мысль о сопротивлении вылетела у нее из головы. Девон застонал, почувствовав, как она обхватила его за шею.

— Я пришла сказать... никто еще никогда не сражался в мою честь, — прошептала она. — Я... я очень тронута!

— Ну что ж, я благодарен тебе, — кивнул Девон, — вот только честь тут совершенно ни при чем.

Глаза Джоселин превратились в узкие щелки.

— Я имею в виду сегодняшний турнир! — уточнила она.

— А-а... вот ты о чем! Значит, тебе понравилось, как я вздул Чинни? — ухмыльнулся Девон.

— Ну, не могу сказать, что ваш поединок привел меня в восторг, но я была растрогана, когда ты объявил, что готов поднять меч на защиту моей чести.

— Правда? Я могу и сейчас его поднять, если хочешь, — с готовностью предложил Девон.

— Девон!

— Значит, ты пришла меня благодарить. И увидела голого рыцаря.

— Я решила махнуть рукой на правила приличия и прийти в твою комнату.

— Иначе говоря, ты решила вознаградить меня за проявленную на турнире доблесть?

Джоселин смутилась.

— Даже не хочу спрашивать, что ты под этим подразумеваешь.

— Я бы опустил свой меч, если бы был уверен, что этим доставлю тебе удовольствие.

— Не могу сказать, что это будет правильным поступком.

— Тогда, может, выясним для начала, что именно тебя порадует?

В его потемневших глазах читался такой соблазн, что у Джоселин вновь пересохло в горле.

— На этот вопрос я тоже не стану отвечать.

— Не думаю, чтобы в этом была особая необходимость, — мягко проговорил он. И тут же, припав к ее губам, наглядно объяснил почему. Голова у Джоселин сладко закружилась, перед глазами все поплыла.

Притянув девушку к себе, он потерялся о ее бедра, дав ей почувствовать свою напряженную, закаменевшую плоть. Потрясенная Джоселин замерла на мгновение, а потом забилась в его руках, пытаясь вырваться. Тщетно! Она почувствовала себя зверушкой, угодившей в капкан. А Девон медленно, томительно-медленно задвигал бедрами, и она замерла, почти лишившись чувств.

— Это... — Джоселин облизнула внезапно пересохшие губы.

— Да. Это то самое, чем занимается мужчина со своей женой, — хрипло прошептал Девон.

— Ты забыл, что мы еще не обвенчаны, — напомнила она.

— Что значат какие-то несколько дней? Джоселин не смогла удержаться от смеха.

— Ах, так? Неужели это говорит человек, который когда-то поклялся, что никому не удастся отвести его к алтарю?

— Ну, если уж я соглашусь нарушить клятву, то будь я проклят, если откажусь насладиться тем, на что буду иметь полное право!

Джоселин почувствовала, что проигрывает битву. Откуда ей было знать, что мужское тело может доставить такое ни с чем не сравнимое наслаждение? Бог свидетель, чувствуя, как его мужская плоть трется об нее, она начала понимать, как можно потерять голову от желаний. Низ ее живота наполнился сладкой тяжестью.

Джоселин, уцепившись за его плечи, сделала последнюю, отчаянную попытку оттолкнуть его.

— Разве ты забыл, что вечером пир в честь победителя турнира? — слабеющим голосом прошептала она. — Все ожидают, что ты появишься на нем. — Неожиданно для себя она вдруг изогнулась, со стоном припав к его груди.

С губ Девона сорвался низкий гортанный смешок.

— Да? По правде сказать, я рассчитывал, что меня сегодня вечером ждет совсем другой пир.

Джоселин даже не успела возмутиться этим откровенно бесстыдным предложением, потому что в следующую минуту Девон уже ловко расстегивал ее корсаж. А мгновением позже он уже жадно пожирал глазами ее обнаженную грудь.

Глаза Девона смеялись.

— Значит, тебе понравилось, как я сражался в твою честь? — спросил он и, опустив голову, припал губами к ее груди.

— Э-э-э... Ты сражался очень храбро. Мне было приятно на тебя смотреть, — задыхающимся голосом прошептала она. — И я догадалась, что тебе стоило немалого усилия воли сдержаться, чтобы сделать... нет, вернее, не сделать с Адамом того, что ты собирался, — окончательно запуталась она.

— Ну, чтобы сдержаться сейчас, мне требуется, куда большее волевое усилие. Уж ты мне поверь.

— Девон, ради всего святого! — дрожащим голосом взмолилась она. — Если нас снова застанут вместе, как мы сможем объяснить, чем мы тут занимались?! А ты, между прочим, до сих пор голый! — напомнила она.

— Зато сейчас ты, по крайней мере, с чистой совестью сможешь сказать, что я тебя соблазнил, — с кривой усмешкой бросил он.

— Кстати, тебе не пора одеваться? Или ты забыл про сегодняшний пир?

— Я бы с гораздо большим удовольствием раздел тебя...

— По-моему, ты уже наполовину это сделал.

— Тогда, с твоего позволения, я продолжу.

Джоселин попыталась вывернуться из его рук и сползти с кровати. Увы, вместо этого она неожиданно для себя оказалась в еще более затруднительном положении, поскольку Девон ухитрился ловко раздвинуть ей ноги коленом — теперь он мог без помех ласкать ее, и она ничего не могла с этим поделать. Джоселин слабо ахнула, когда его ладонь накрыла ее обнаженную грудь.

— К дьяволу этот пир! — выдохнул он, прижавшись губами к ее шее. — Кстати, что это

за цепь у тебя на талии... жутко мешает. Чертова шгуковина так и норовит запутаться между пальцами.

— Это пояс, — машинально объяснила Джоселин. — Кстати, если уж вспомнить о средневековых костюмах, в которых мы сегодня щеголяли, тебе не кажется, что так называемый пояс целомудрия сейчас оказался бы на редкость кстати?

Она вдруг ощутила, как сильная рука Девона раздвинула ей ноги. Джоселин почувствовала, что ей не хватает воздуха.

— Ну, уж если я смог сначала надеть на себя средневековые доспехи, а потом и выбраться из них, то уж с твоим облачением я как-нибудь справлюсь, — прошептал он.

И словно в подтверждение этих слов он без труда расстегнул на ней пояс, после чего ловким движением стащил с нее блио. Джоселин слабо ахнула — теперь Девон мог без помех любоваться ее обнаженным телом.

Она сделала последнюю попытку вырваться, но он, навалившись на нее сверху, пригвоздил ее к постели всей тяжестью своего тела.

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно вздохнул Девон.

— Девон...

Его теплое дыхание защекотало ей ухо. Ощущение его сильного мускулистого тела притупило все остальные чувства. У нее возникло такое ощущение, будто она тает в его руках. Джоселин закусила губу, чтобы сдержать рвущийся из груди стон.

— Так даже лучше, — прошептал он, — Раздвинь немного ноги... пожалуйста.

— Но... зачем?

— Увидишь.

В следующий миг его умелые пальцы слегка раздвинули нежные розовые складки, прикрытые облачком курчавых волос. Джоселин потрясенно ахнула.

— Ты такая влажная... — прошептал Девон, пощекотав ее ухо губами. — И упругая... как бутон розы... — Пальцы его попытались протиснуться внутрь, но Джоселин напряглась, и Девон удовлетворенно зарычал.

Из груди девушки вырвался чуть слышный стон. Пальцы Девона задвигались, неуклонно продвигаясь вперед, пока не наткнулись на невидимую преграду.

— Сладкая моя Джоселин, — пробормотал он. — Тебе не нужно бояться. Я постараюсь быть нежным, когда придет время, обещаю.

Ее мышцы снова сжались, стиснув его руку, и Джоселин зарыдала бы, но губы Девона в ту же минуту накрыли ее рот, заглушив стон поцелуем. Его пальцы задвигались быстрее, и через несколько минут Джоселин, достигнув пика наслаждения, уже забила в судорогах. Ничего подобного она никогда не испытывала. Ощущение было настолько острым, что у нее едва не разорвалось сердце.

Потрясенная, она спрятала лицо у него на груди. Впрочем, заставив Джоселин потерять голову, Девон и сам не остался равнодушным. Дыхание стало неровным и хриплым, на лбу бисеринками выступил пот. Прикрыв глаза, он провел рукой по ее телу, продлевая наслаждение, и по спине Джоселин снова пробежала судорога. При мысли о том, сколько еще точно таких же упоительных мгновений ждет ее впереди, она блаженно улыбнулась. Ни о чем таком она и понятия не имела, но теперь, когда Девон ввел ее в свой мир запретных наслаждений, она твердо намерена была стать примерной ученицей.

— Возможно, мне стоит подумать о том, чтобы одержать еще парочку впечатляющих побед в твою честь, — хрипло пробормотал он. По голосу было ясно, что он едва

сдерживается. — Я...

Резкий стук в дверь заставил Девона проглотить остаток фразы.

— Девон, я могу войти? — раздался громкий мужской голос. — Это Адам! Хочу поговорить с тобой по-мужски.

— Как тогда, на ристалище? — вскинув брови, вполголоса пробормотал Девон. По лицу его скользнула усмешка. — Черт, нужно было все-таки тогда его прикончить!

Джоселин в ужасе приподняла голову. Придавленная сверху тяжелым телом Девона, она не могла сдвинуться с места.

— Нельзя, чтобы он застал нас... в таком виде. Уговори его уйти, — извиваясь, чтобы выбраться из постели, прошептала она.

Выругавшись сквозь зубы, Девон сжал руками ее бедра, чтобы помешать ей, выползти из-под него. В его синих глазах сверкнуло раздражение.

— Уходи, Адам! — прорычал он. — Ты не вовремя. Я сейчас в ванне. Не могу же я показаться тебе с голой задницей?!

— У тебя что-то болит? — сердобольно осведомился Адам.

Девон, тяжело вздохнув, окинул тоскливым взглядом распростертую перед ним женщину.

— Черт возьми, да! И еще как! — рявкнул он. — Мне сейчас не до разговоров!

— Мне очень жаль, что я позволил себе вспылить, — покаянным тоном сообщил из-за двери Адам. — Знаешь, если честно, я вообще не собирался вызывать тебя на поединок.

Джоселин заерзала, пытаясь подцепить валявшуюся на полу тунику, но Девон, схватив ее за руку, прижал к постели.

— Не шевелись, — прошипел он ей на ухо. — Я никому не позволю войти сюда. Обещаю тебе.

— Ты в порядке? — вновь забеспокоился Адам. Слышно было, как он топчется под дверью. — Это все я виноват, увлекся. Нужно было соразмерять свои силы. А что у тебя болит? Спина? — участливо спросил он. — Или... э-э... ниже?

— Почти угадал, — криво ухмыльнулся Девон. — А в одном месте мышцы совсем окаменели.

— Может, я могу чем-то тебе помочь? — с готовностью вызвался Адам. — Например, помассирую тебе это место или...

Девон, не выдержав, сел. Лицо его потемнело от злости.

— Ты для этого явился?! — рявкнул он.

— Э-э... не совсем, — промямлил из-за двери Адам. — Вообще-то мне пришла в голову одна мысль. Я подумал, что если мы все трое спустимся сейчас вниз и сядем за стол, точно добрые друзья, это будет в Духе рыцарства. Ну, учитывая, что перед этим мы сражались друг с другом и все такое...

Девон, поцеловав Джоселин, бережно прикрыл одеждой ту часть ее тела, которую недавно так искусно ласкал.

— Все трое? — переспросил он, сделав ей знак сесть, чтобы он помог ей зашнуровать корсаж. — А третий-то кто? Джоселин?

Бедный, ничего не подозревающий Адам! Если бы он только знал!

— Нет, конечно, — безмятежно ответил он. — Я имел в виду тебя, себя и Гейбриела. Было бы очень здорово, если бы мы спустились к столу и вели себя как друзья. Если ты не против, конечно, — смущенно добавил он.

— Разумеется, я «за», — сердито проворчал Девон. И вдруг встрепенулся, словно только сейчас сообразив, о чем речь. — Как?! — заорал он. — Ты сказал — Гейбриел?!

— Нуда. Он сейчас как раз тут — стоит рядом со мной. Честное слово! — заверил из-за двери Адам.

— Какое невероятное совпадение! — ухмыльнулся Девон. — Только не говори мне, что вы случайно столкнулись под дверью моей комнаты, потому что я все равно не поверю.

— Как ты догадался? — Судя по голосу, Адам страшно удивился. — Кстати, — помявшись, спросил он, — ты, случайно, не знаешь, куда подевалась Джоселин?

Гейбриел нерешительно кашлянул.

— Адам боится, что ваш поединок довел ее до истерического припадка. Она куда-то убежала. И с тех пор ее никто не видел. Она снова пропала — уже второй раз.

Девон с улыбкой приподнялся на локте. — Как ты думаешь, может, нам стоит ее поискать? — встревоженным тоном предложил Адам.

— Я был бы тебе чрезвычайно обязан, — учтиво проговорил Девон, поглаживая колено Джоселин. — У меня самого просто не хватит сил. Ты сегодня задал мне такую трепку, что я просто на ногах не стою.

— Ясно, — понимающим тоном заявил Адам. Это было сказано с такой важностью, что Девон только головой покрутил. — Да, не рассчитал немного. Заставил тебя попотеть. Ты уж меня прости, хорошо?

— Надеюсь, мне все-таки удастся оправиться, — сквозь зубы проворчал Девон. И уже громче добавил: — Да, мне редко доводилось встречать такого сильного противника.

— Передать что-нибудь Джоселин от тебя, если я отыщу ее? — после довольно неловкой паузы предложил Адам.

Девон замялся. Джоселин притихла, решив, что он собрался выдать ее. Но вместо этого он нагнулся и легким поцелуем коснулся ее губ. У нее словно камень с души упал.

— Нет, Адам, не стоит. Предпочитаю поговорить с ней сам! — крикнул он.

— Ты точно не держишь на меня зла? — Судя по всему, Адам все никак не мог успокоиться.

— Вот ведь зануда, — пробормотал Девон так тихо, что его слышала только одна Джоселин. — Разве можно на него обижаться? Как, по-твоему?

Минут через двадцать после этого разговора Девон, уже одетый, как полагается, в вечерний костюм, прислушался, не идет ли кто. Потом махнул Джоселин, что она может без опаски выскользнуть в коридор и вернуться к себе.

Еще немного, и было бы поздно. Замок начал вновь заполняться людьми — гости один за другим возвращались к себе в комнаты, чтобы, сняв карнавальные костюмы, переодеться перед грандиозным званым обедом в большом зале. Суетливо, словно муравьи, сновали слуги, разнося горячую воду, отглаженные платья и надушенные любовные записки.

Этот пир, который ежегодно давал у себя в замке лорд Фернцо, считался главным событием его загородного приема. Обычно гости засиживались за столом до самого рассвета, чтобы потом, рассевшись в кареты, клевать носом до самого Лондона. А для того чтобы танцевать, флиртовать, пировать, чтобы сказать возлюбленному «прощай» или договориться о будущих свиданиях, у них оставалась в запасе целая ночь.

Целая ночь для того, чтобы подумать о будущем.

Сидя за огромным обеденным столом, Девон задумчиво потягивал вино и беззаботно смеялся остроумам и шутливым тостам, которые сыпались на него со всех сторон. К слову

сказать, объектом всех подначиваний был он сам — после сегодняшних событий никто из гостей не осмелился бы как-то затронуть его невесту. Девон не только открыто объявил о своих чувствах, но еще и доказал, что готов защищать ее.

Если бы кто-то неделю назад сказал ему, что он уедет с этого приема без пяти минут женатым человеком, Девон во всеуслышание назвал бы его лжецом, после чего, скорее всего, призвал бы наглеца к барьеру.

Итак, ему предстоит жениться.

На Джоселин Лидбери.

На той самой юной леди, которой он пренебрег четыре года назад, — и вот чем это для него обернулось. То приглашение на званый обед, о котором он имел беспечность забыть, рикошетом ударило по нему, опутав его узами скоропалительного брака. И вот теперь... помоги ему, Боже!

Возможно, все было бы намного проще, если бы он тогда приехал на тот пресловутый обед.

Ведь теперь ему предстоит обедать с ней до конца его дней.

Девон с нескрываемым интересом поглядывал на свою невесту. Ему приходилось то и дело напоминать себе, что за неяркой внешностью и немного скованными манерами скрывается на редкость чувственная и страстная натура. Нежное, гибкое, как тростник, тело Джоселин согревала горячая кровь, ее неброская красота не сразу бросалась в глаза, но Девон ловил себя на том, что с каждым днем незаметно для себя все сильнее подпадает под власть ее чар. Оставалось только гадать, как он сможет спать рядом с ней каждую ночь и при этом оставаться равнодушным.

Нет, это невозможно. К тому же у него и в мыслях не было лишать себя супружеских радостей. Но вот что до всего остального... тут оставалось только гадать.

Их взгляды встретились. Подмигнув, Девон поднял свой бокал и сделал большой глоток, едва не рассмеявшись при виде ее насупленных бровей.

Но когда кто-то из гостей предложил очередной тост за здоровье жениха, Джоселин первая поднесла к губам бокал.

Порой ему начинало казаться, что недоверие, с которым светское общество отнеслось к их браку, невольно сделало их с Джоселин союзниками. Объявив о своей помолвке, они заключили негласный договор сыграть роль влюбленных, тем самым, заткнув злопыхателям рот.

Итак, недоброжелатели, сплетники или просто любопытные, нетерпеливо дожидавшиеся случая увидеть скандальную развязку этой драмы, были разочарованы. Девон только с виду казался обычным ветреным светским львом — под этой личиной скрывался железный характер истинного Боскасла, закаленный вдобавок отцовской тростью.

Служба в кавалерии сделала из него мужчину. А его сестры позаботились о том, чтобы он знал, как вести себя с дамой.

Конечно, их супружеская жизнь не обещает быть гладкой. Будут и ссоры, но отголоски их никогда не выйдут за пределы супружеской спальни. Он не позволит, чтобы кто-то догадался о его истинных чувствах.

Да он и сам, если честно, не слишком хорошо понимал, какие чувства питает к будущей жене.

Что же до Джоселин, то она старалась не выходить из образа скромной английской барышни — невозмутимо улыбалась, говорила немного, и те, кто, глядя на жениха, гадал,

когда же пресловутый Боскасл, соскучившись, обратится в бегство, понемногу начинали сомневаться в этом.

В итоге большинство гостей вынуждены были согласиться, что из Девона с Джоселин вышла приятная пара, и вдобавок благодаря их романтической помолвке ежегодный прием, который давал в своем замке лорд Ферншо, стал одним из самых знаменательных событий светского сезона.

Им предстояло обвенчаться в небольшой фамильной часовне лондонского особняка Грейсона Боскасла. Свадебная церемония была назначена на следующее утро после их возвращения в Лондон. Всеми приготовлениями к свадьбе занималась Эмма Боскасл. Несмотря на это, с той самой минуты, как карета виконтессы, за которой скакали Девон и Гейбриел с Джейсоном, загромыкала по Эппинг-роуд, Джоселин была как на иголках.

Дамы прибыли в Лондон, почти на двадцать минут опередив сопровождавших их джентльменов, и с этого момента у Джоселин уже просто не оставалось времени о чем-то волноваться, потому что она прямо с порога погрузилась в мир Боскаслов.

Собственно говоря, в этот день им с Девоном едва удалось перемолвиться словечком наедине. Случилось это на лестнице, да и то им тут же было велено разойтись по своим комнатам.

Девон, прыгая через три ступеньки, бежал вверх, чтобы отыскать одного из своих малолетних кузенов, обстреливавшего слуг шариками из жеваной бумаги, и надрать сорванцу уши. Джоселин спускалась по лестнице после ожесточенной перепалки с портнихой леди Джоан по поводу свадебного платья, в котором ей наутро предстояло венчаться.

Особняк лорда Седжкрофта заполнили Боскаслы, еще накануне слетевшиеся в Лондон, чтобы присутствовать на свадьбе одного из членов этого многочисленного семейства, а заодно и на холостяцкой пирушке, которая должна была состояться накануне. Учитывая, какое количество родственников скопилось в доме, можно было не сомневаться, что поговорить наедине им не дадут. А если такая возможность и представится, то тут же появится кто-то, чтобы прервать их на самом интересном месте.

— О, какой сюрприз! — воскликнула Джоселин. Сердце ее сладостно, хоть и болезненно сжалось — впрочем, так бывало всегда, стоило ей только увидеть Девона... чертовски красивого и невероятно обаятельного Девона Боскасла. Господи... неужели совсем скоро он будет принадлежать ей? Как такое могло случиться? — А я уж было, решила, что ты дал деру еще по дороге в Лондон!

— Извини, если разочаровал тебя, — ухмыльнулся он. — Представляю, как ты была потрясена, убедившись, что честь для некоторых мужчин не пустое слово. Сказать по правде, я тоже боялся, что ты сбежишь, — с легкой грустью в голосе заметил он.

— И совершенно напрасно, — отрезала Джоселин.

— Я рад. — В синих глазах Девона мелькнул насмешливый огонек.

Джоселин молча кивнула. Что тут можно сказать? Он вынужден жениться на ней, тогда как ему страшно этого не хочется.

— Да, такие уж мы честные люди. Хотя время до завтрашнего утра еще есть.

Но оба они понимали, что все разговоры про побег только шутка.

Первое, что услышала Джоселин, проснувшись на следующее утро, был глубокий, низкий голос Девона, доносившийся до нее снизу. Он смеялся, и вместе с ним хохотали его братья. Забавная у них семья, внезапно подумала Джоселин. Буйные, необузданные, они могли веселиться по любому поводу. Оставалось только надеяться, что так будет и дальше. У нее, во всяком случае, повода для веселья было мало. В отцовском доме не было места

шуткам и смеху. Джоселин вспомнила, как годами страдала ее мать, угодившая в ловушку неудачного брака, и у нее мучительно сжалось сердце.

И вот теперь... Джоселин закусила губу. Ей не хотелось повторить судьбу матери. И еще больше не хотелось, чтобы такая же судьба постигла и Девона.

Однако в такой день девушке положено радоваться. Невеста в день свадьбы становится объектом всеобщего внимания — взгляды всех устремлены на нее, а значит, она просто обязана быть красивой и светиться счастьем. Супруга Грейсона помогла ей облачиться в свадебное платье, после чего Грейсон, предложив ей руку, проводил ее к алтарю — в последнюю минуту ее отец и брат сообщили, что не смогут присутствовать на свадьбе.

К своему немалому удивлению, Джоселин вдруг поймала себя на том, что почти успокоилась. Вместо того чтобы нервничать, как положено невесте, она не чувствовала ничего, кроме легкого любопытства — казалось, она сидит в первом ряду партера, наблюдая за свадебной церемонией, которую разыгрывают на сцене два актера.

Кто он, этот темноволосый красавец, рядом с которым его скромная невеста выглядит почти простушкой? Великолепие семейства Боскасл подавляло ее. Смуглая, немного дикая красота, которой отличались все ее многочисленные члены, та бьющая через край жизненная сила, которая, казалось, бурлила в них, вызывали в ней непонятное волнение.

— Ну, — негромко кашлянув, пробормотал Девон, — похоже, мы оба оказались на месте, никто никуда не сбежал.

— Да. — Джоселин с трудом подавила улыбку. — Это нам удалось.

— А что твой отец и брат?...

Джоселин молча пожала плечами, старательно делая вид, что ее это несколько не волнует. Впрочем, сказать по правде, она испытала немалое облегчение, узнав, что сэр Гидеон отказался присутствовать на свадьбе. По крайней мере, она хотя бы в этот день будет избавлена от необходимости, выслушивать колкости, на которые так щедр ее отец.

— Они не приедут.

— Ах, вот оно что! — На скулах Девона заходили желваки. — Не захотели, значит, снизойти до нас! — Джоселин невольно сжалась, испугавшись, что он почувствует себя оскорбленным. К несчастью, она не позаботилась придумать подходящее объяснение отсутствия отца. Впрочем, она и сама не понимала, что заставило его так поступить. Джоселин всегда терялась в догадках, почему отец так жесток с ней. Оставалось только надеяться, что Девон не похож на него.

К ее немалому облегчению и великой радости, его это, похоже, не слишком волновало.

— Кстати, ты сегодня выглядишь прелестно, — просто сказал он. — Просто красавица!

Огонек, вспыхнувший в его потемневших глазах, заставил ее поверить, что в его словах нет ни капли лицемерия.

— Спасибо, — пробормотала она. — Ты тоже смотришься неплохо. — «Впрочем, как всегда», — мысленно добавила она. — Хорошо спал? — с внезапным любопытством спросила она.

— Я? — удивился он. — Честно говоря, и глаз не сомкнул. А ты?

— И я. — Вздохнув, она судорожно сжала в руках букетик подснежников.

— Мы с тобой, наверное, должны появиться на приеме вместе? — небрежно спросил он с таким видом, словно не знал, о чем с ней говорить.

— Станный вопрос. А разве можно как-то иначе? Мне казалось, это традиция.

— Я... видишь ли, до этого мне как-то нечасто доводилось присутствовать на свадьбах,

но, думаю, нам положено там быть.

Положено. Какое ужасное слово! Словно тяжелая могильная плита.

— Ну, если, конечно, тебе не хочется... — протянул он. Джоселин невидящим взглядом смотрела прямо перед собой. Интересно, промелькнуло у нее в голове, догадывается ли кто-нибудь, о чем шепчутся между собой жених с невестой? Подозревают ли они, что это не просто обычная болтовня влюбленных? Вряд ли, с грустью подумала она. В сущности, они ведь как были, так и остались чужими друг другу людьми, лишь по странной прихоти судьбы оказавшимися у алтаря.

— Знаешь, я сейчас подумала, что кому-то из нас может прийти в голову удрать после свадьбы, — задумчиво протянула Джоселин.

— Только если этот «один из нас» не окажется в интересном положении, — непререкаемым тоном заявил он.

Джоселин бросила на него ошеломленный взгляд:

— Что ты сказал?!

Девон пожал плечами. В его глазах запрыгали чертенята.

— Ну, такое всегда может случиться, — с озорной ухмылкой пробормотал он.

— А что еще нас ждет впереди? — помолчав немного, наконец, спросила она.

Девон явно растерялся.

— Ну, — он неловко замялся, — если я когда-нибудь изменю тебе, то сделаю все, чтобы ты никогда об этом не узнала. Обещаю, что буду очень осторожен. Я умею держать язык за зубами.

Джоселин неожиданно разъярилась:

— Если ты когда-нибудь изменишь, я за себя не ручаюсь. И уж тогда ты точно будешь держать язык за зубами. Мертвые вообще отличаются редкой молчаливостью!

Девон, вскинув одну бровь, окинул ее выразительным взглядом:

— Разве мы не договорились, что это будет чисто формальный брак?

— Что-то я не припомню такого уговора.

Коротко кивнув, словно давая понять, что принял это к сведению, Девон, как ни в чем не бывало, повернулся к алтарю.

— Какого черта я вбил себе в голову, что беру в жены застенчивую и кроткую юную леди? — сквозь зубы пробормотал он.

— Просто ты никогда не пытался понять, какая я на самом деле! — отрезала Джоселин.

— Что ж, тогда мне придется узнать это как можно скорее.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Сама знаешь, — пробормотал он дрожащим от едва сдерживаемого смеха голосом. — Постараюсь прибегнуть к способу, который так нравится всем дамам без исключения.

Джоселин сжала кулаки. Брак по необходимости. Брак, в котором нет ни капли любви, с человеком, который привык менять любовниц как перчатки. Возможно, многие сочли бы такой брак вполне приемлемым. Сколько жен привыкли закрывать глаза на «шалости» супруга? Может быть, если бы Джоселин после свадьбы вошла в обычную семью, она бы, в конце концов, тоже смирилась со своей судьбой.

Однако одной из самых удивительных, хоть и скандальных черт, которыми отличалось семейство Боскаслов, было их упрямое нежелание жить по общепринятым меркам.

Вот и она не станет, хотя, если честно, Джоселин и сама хорошенько пока не

представляла, на что она решится.

Очнувшись, она вдруг обратила внимание на стоявшего перед ними священника с открытым молитвенником в руках, на негромкий шорох у них за спиной, пока приглашенные занимали свои места на скамьях, и поняла, что обряд венчания начался.

— Если ты поторопишься, то еще успеешь на корабль, отплывающий в Индию, — еле слышно прошептала она.

— Возможно. — Он крепко взял ее за руку. — Впрочем, не думаю, что это путешествие станет приятным.

— Думаешь, «путешествие», которое предстоит нам с тобой, лучше?

— Понятия не имею. Откуда мне знать? Я ведь еще не был женат!

«Я не хочу влюбиться в него, — промелькнуло у нее в голове. — Я не могу. Я не стану этого делать. Ни за что!»

А потом священник ободряюще улыбнулся ей, и она ответила, что согласна... согласна любить его до конца своих дней. Во всяком случае, это был ее собственный голос. И это ее сердце часто-часто забилося, когда губы Девона прижались к ее губам. Оставалось только надеяться, что никто не заметил, как с ее губ слетело сдавленное «ах», когда он поцеловал ее.

Он, ее муж, конечно, заметил это. Сильная рука обхватила ее за талию. Джоселин успела отметить торжествующий огонек, блеснувший в его глазах за мгновение до того, как правила приличия заставили его отпустить ее. Возможно, кое-кто из Боскаслов все-таки считал нужным хотя бы иногда их соблюдать.

Ее с такой сердечностью приняли в их семью, что Джоселин очень скоро забыла, что ее брат с отцом даже не сочли нужным явиться на свадьбу. У нее не осталось времени жалеть об их отсутствии.

Ее тормозили, целовали, сжимали в объятиях. Джоселин переходила из рук в руки, пока не оказалась перед одним из седовласых джентльменов, приходившимся Девону дядюшкой. Преисполненный радости, старый проказник расцеловал ее в обе щеки. Мальши с липкими щеками и лицами херувимов дергали ее за подол, требуя своей доли поцелуев. И, наконец, все потонуло в общем хоре голосов, наперебой желающих им счастья.

Так начался ее первый день в роли жены Девона Боскасла, наполненный смущением, радостью, робостью и легкой тоской.

Впереди была первая брачная ночь... Джоселин, отчаянно храбрясь, пила вино бокал за бокалом. Вскоре у нее над ухом раздался шепот Девона, напомнившего, что им пора возвращаться домой. Дом. Ее дом... которого у нее никогда раньше не было. И ее муж... человек, которому она с этого дня принадлежит душой и телом. Интересно, насколько серьезно он отнесся к данной сегодня клятве, подумала Джоселин. Ведь для женщины все немного по-другому, разве не так? Впрочем, она уже успела понять, что ее муж — человек чести. И вдобавок невероятно страстный.

Не успели они переступить порог его дома, как Девон, подхватив ее на руки, бережно понес ее вверх по лестнице.

— Моя прислуга разобиделась насмерть. Никому и в голову не пришло предупредить их, что я привезу домой жену.

Джоселин со вздохом обвила руками его шею. От Девона приятно пахло лавандой и чуть-чуть шампанским. Сегодня он перед Богом и людьми дал клятву любить и защищать ее.

— Тебя ведь тоже никто об этом не предупредил, — прошептала она, спрятав лицо у

него на плече, чтобы он не увидел, что она улыбается.

Он на руках отнес ее в свою комнату и бережно опустил на кровать. В тот день, когда Девон покидал этот дом, у него и в мыслях не было, что он вернется назад не один. Впрочем, он не помнил, о чем он думал тогда. Возможно, вообще ни о чем.

Почему-то он не видел абсолютно ничего странного в том, что в его постели лежит Джоселин. В их постели, машинально поправился он. Да, похоже, ему еще долго придется привыкать к тому, что у него теперь есть жена.

Казалось, от одного ее присутствия в комнате стало теплее. Не говоря уже о том, что температура его собственного тела явно поползла вверх. Собственно говоря, с того самого дня, когда она тайком пробралась в его комнату, он только и думал о том, как они, наконец, займутся любовью. Пылкость, с которой она отвечала на его ласки, потрясла Девона. Раз уж свалил дурака, позволив завлечь себя в брачные сети, с мрачной покорностью думал он, стоит ли тратить время на то, чтобы жалеть себя?

Во всяком случае, он знал немало способов провести время с большей приятностью.

Девон, отвернувшись, принялся стаскивать с себя сюртук. И замер, услышав, как Джоселин соскочила с постели. Мгновением позже ее нежные руки, обвившись вокруг его талии, принялись расстегивать пуговицы его рубашки. Затаив дыхание, он ждал, что будет дальше. Джоселин с каждой минутой все больше удивляла его.

— Позволь, я помогу? — спросила она. А руки ее уже проворно раздевали его.

Девон застыл как изваяние. Ее неловкие попытки помочь ему раздеться невероятно возбуждали его. Забавно... он никак не ожидал ничего подобного — да еще от женщины, которая наотрез отказалась разговаривать с ним, пока он голый сидел в ванне.

— Буду очень рад, — пробормотал он. Сжав ее руку, он потянул ее к застежке тугих черных панталон. — Кстати... зачем же останавливаться на рубашке?

Она замялась словно в нерешительности. Потом послушалась. Дыхание ее участилось. Расстегнув на нем рубашку, Джоселин неумело стащила с него панталоны. При виде его восставшей плоти она озадаченно моргнула, и ее взгляд тут же метнулся к его лицу. Джоселин смущенно облизнула губы. Девон заметил, как ее кремовая кожа слегка порозовела.

— А теперь я хочу, чтобы ты разделась. Пожалуйста, — с улыбкой попросил он.

Поколебавшись, Джоселин направилась к стоявшей в углу ширме. Но Девон оказался проворнее — выпутавшись из своей одежды, он успел удержать ее за локоть. — Нет, прямо тут. Мне безумно интересно, как выглядит моя жена.

Стыдливо опустив глаза, Джоселин неловкими руками стащила с себя свадебное, цвета слоновой кости, платье, потом принялась расшнуровывать шемизетку и короткий корсет. Ее груди вырвались на свободу. Увидев розовые соски, Девон вновь почувствовал знакомое возбуждение.

— Чулки с подвязками можешь оставить, — пробормотал он. — Сними только туфли и иди ко мне.

— Уже начинаешь отдавать приказы, да? — слегка задыхаясь, прошептала она.

— Главный мой приказ самому себе — подарить тебе наслаждение, — ответил он, пожирая ее голодным взглядом. — Иди ко мне. Я покажу тебе, как это делается.

Джоселин молча смотрела на него, чувствуя, как кровь шумно стучит в висках.

— Ничего страшного — я могу подождать. Хоть всю ночь, если хочешь, — пробормотал он. — В конце концов, мы ведь женаты. Так что я готов ждать... целую вечность.

Девон вытянулся на постели в ленивой позе и, приподнявшись на локте, вновь принялся смотреть на жену. Само собой, его тело отреагировало мгновенно — подрагивающая от нетерпения мужская плоть ясно доказывала, что, пообещав ждать, он слегка покривил душой. Джоселин смотрела на него во все глаза. Ее муж. Теперь он имеет полное право делать с ней что захочет. А она... Всего лишь час назад она поклялась повиноваться ему во всем.

Джоселин молча приблизилась к постели.

— Дорогой, — тихо позвала она. Взгляды их встретились. — Что я должна делать?

Одним гибким движением Девон сел, широко расставив длинные мускулистые ноги.

— Я скажу тебе, — пробормотал он. В глазах его вспыхнуло пламя. — Научиться любви.

— У твоих ног? — Джоселин широко раскрыла глаза.

— Не обязательно, — ответил он, слегка поведя широкими плечами. — Ничего не имею против того, чтобы иногда поменяться местами. Мне нравится заниматься любовью по-разному. И тебе тоже понравится, нисколько в этом не сомневаюсь.

Он явно испытывал от всего этого безумное удовольствие, и Джоселин подумала, надолго ли ее хватит. Оттого, каким взглядом он смотрел на нее, у нее подгибались ноги. Впрочем, долго ломать себе голову ей не пришлось. Неожиданно для нее Девон подался вперед, обхватил ладонями ее ягодицы и опрокинул ее на постель. Быстрота и решительность, с которой это было сделано, положили конец ее размышлениям на эту тему.

И снова Девон не дал ей ни единого шанса вспомнить о приличествующей девушке скромности. Томительно медленно он провел кончиками пальцев по ее лицу, коснулся пульсирующей на виске жилки. Джоселин даже вздохнула от удовольствия — столько соблазна было в этом легком прикосновении. От его рук исходила какая-то жаркая сила — именно такими, решила Джоселин, и должны быть мужские руки, когда они ласкают женское тело.

— Закрой глаза, Джоселин, — попросил он.

Джоселин охотно повиновалась. Ладонь Девона медленно поползла вниз, к ее плечу. Джоселин нетерпеливо ждала, когда она доберется до ее груди. Но ждать пришлось так долго, что она даже слегка застонала от нетерпения.

С губ Девона слетел легкий смешок.

— Знаю, чего ты хочешь, — шепнул он прежде, чем прильнуть к ней и крепко поцеловать.

— И чего же?

Их дыхание смешалось.

— Не скажу. Потому что мне самому хочется этого даже еще больше, чем тебе.

Джоселин широко раскрыла глаза. И прочла на его лице такое откровенное желание, что по спине у нее поползли мурашки. Грудь сразу налилась и заметно отяжелела. Она инстинктивно приподняла бедра, и по губам Девона скользнула плотоядная усмешка.

Он протянул руку и, раздвинув ей бедра, отыскал узкий треугольник кудрявых волос. И все это не смущаясь, как будто ничего естественнее в тот момент и быть не могло. Впрочем, может, для него так оно и есть, подумала Джоселин.

— Влажная, — удовлетворенно пробормотал он. Потом поднес заблестевший палец к губам и блаженно зажмурился. — Восхитительно! Оказывается, мне даже не нужно ничего

делать!

Джоселин стиснула зубы, чтобы подавить рвущийся из груди стон, не в силах сдержать дрожь, сотрясавшую ее тело. Судьба послала ей в мужа невероятно сексуального мужчину, к тому же весьма искусственного в искусстве любви; она бы нисколько не удивилась, узнав, что он инстинктивно догадывается, как сломить ее сопротивление. Предвкушая ожидавшее ее наслаждение, она закрыла глаза.

— Джоселин, — хрипло шепнул он. Она слегка охнула, ощутив на себе тяжесть его тела. — Как ты дрожишь! Боже! Ты возбуждаешься от одного моего прикосновения!

Джоселин с трудом приподняла голову.

— Надеюсь, в один прекрасный день я смогу сказать то же самое и о тебе!

— Возможно, этот день ближе, чем ты думаешь. Но до тех пор, дорогая, тебе придется смириться с тем, что ты будешь моей ученицей.

Словно в доказательство этого нахального заявления Девон протянул руку и костяшками пальцев дразнящим движением потер ее соски, и через минуту она уже задыхалась, изнывая от желания. Девон с улыбкой погладил мягкий изгиб ее живота, потом без малейшего стеснения раздвинул завитки волос, прикрывающие ее венерин холмик, и принялся слегка пощипывать тугой розовый бутон, пока окончательно потерявшая голову Джоселин не согласилась признать его своим господином и повелителем и не объявила о своей полной готовности пойти навстречу всем его желаниям.

Склонившись к ней, он нежно поцеловал ее в губы.

— Ну, как тебе понравился первый урок? — тихо спросил он.

Джоселин со стоном зарылась головой в подушки.

— Похоже, мне достался опытный учитель!

— Надеюсь. Хочу напомнить тебе, что прилежная ученица должна слушаться беспрекословно.

Девон продолжал безжалостно дразнить ее, чутко ловя любой признак, говоривший о том, что в ее защите появилась брешь, и немедленно делал все, чтобы этим воспользоваться. Джоселин изнемогала от наслаждения. Она не могла противиться его поцелуям, легким, как дуновение утреннего ветерка, не могла устоять перед движениями его сильных рук, блуждавших по ее телу. Даже не дожидаясь, пока он попросит об этом, она широко раздвинула бедра, моля Бога только о том, чтобы он не был шокирован тем, что она с такой пылкостью отвечает на его ласки — ведь она делала только то, что подсказывало ей ее тело. И вскоре гортанный стон, вырвавшийся из груди Девона, подсказал ей, что она поступает правильно.

Он был красив. Он горел желанием и был твердо намерен сделать все, чтобы она тоже потеряла голову.

О его обаянии ходили легенды. С момента своего первого выезда в свет она изо всех сил старалась не поддаваться его чарам. Но сейчас... Так какое она имела право смотреть свысока на тех несчастных, кто не нашел в себе сил противиться обаянию? Судьба, словно решив наказать ее за гордыню, послала ей в мужа одного из них... и теперь уже она не вправе ожидать сочувствия. Впрочем... Джоселин сильно подозревала, что найдется немало женщин, которые станут жгуче завидовать ей.

Она стала женой одного из этих испорченных, необузданных братьев Боскасл, в жилах которых течет горячая кровь. Джоселин украдкой бросила взгляд на склоненное к ней лицо и невольно вздрогнула — такое откровенное вождение прочла она в нем.

— Я хочу научиться всему, — запинаясь, пробормотала она.

На мгновение ей показалось, что Девон разочарован. Он так долго молчал, что Джоселин начала жалеть о своей искренности. Наверное, женщине не пристало столь откровенно говорить о своих желаниях... даже если мужчина и побуждает ее к откровенности.

А он вдруг резко приподнялся на локтях. Лицо его исказилось, и Джоселин не на шутку перепугалась, не понимая, что заставило его внезапно выйти из себя. Но прежде чем она успела открыть рот, он резким движением схватил ее за щиколотки и закинул ее ноги к себе на плечи, потом приподнял ей ягодицы и принялся яростно тереться своей восставшей плотью о девичьи бедра.

Ее тело с готовностью откликнулось на этот призыв. Просунув руку между ее ногами, Девон отыскал тугой розовый холмик, слегка нажал — и из груди ее вырвался крик. Даже не глядя на него, она могла бы поклясться, что он улыбается. Но ей было страшно открыть глаза — она слегка стыдилась того наслаждения, которое ей доставляли его бесстыдные ласки.

— Держу пари, к тому времени как мы закончим, я тоже смогу кое-чему у тебя поучиться, — пробормотал он.

Нагнувшись к ней, он впился губами в ее рот, заглушив ее слабый крик. Она даже не успела сообразить, что происходит, когда почувствовала, как его напряженное копье протискивается во влажную щель. Острая боль пронизала ее. Джоселин, вздрогнув, мгновенно напряглась. Ей казалось, еще немного, и он просто разорвет ее надвое. К ее огромному облегчению, тело ее, похоже, достаточно быстро приспособилось к внушительным размерам его копья. Вскоре боль почти стихла. А спустя какое-то время Джоселин внезапно поймала себя на том, что уже готова принять его.

Девон, воспользовавшись тем, что она обмякла в его руках и едва может дышать, одним мощным, резким толчком ворвался в нее. Джоселин, вскрикнув, застыла, вцепившись руками в его плечи. Казалось бы, она не должна удивляться боли. Станным было другое — как ему вообще удалось втиснуться в столь узкую щель, учитывая размеры его копья. Не могла она понять и того, почему происходящее кажется ей совершенно естественным.

Впрочем, сейчас это стало уже не важно. Таков, видно, закон природы. Она стала его женой, и ее тело призывало его. Оно двигалось как бы само собой, повинуюсь неизвестному ей инстинкту; ее мышцы напрягались, обхватывая, сжимая и затягивая его вглубь. А он все более мощными рывками врывался в нее, заставляя ее содрогаться от наслаждения.

Она словно растворилась в нем, в своем муже. Сознание ее затуманилось, тело билось под ним... и при этом ей все-таки хотелось большего. Девон задвигался быстрее. А нетерпение Джоселин с каждой минутой все росло.

Почему-то ей казалось, что он догадывается о ее желаниях. Внезапно Девон, застонав, выгнул спину, одним резким толчком пригвоздив ее к постели. Джоселин почувствовала, как напряглись все его мускулы. Еще один мощный толчок, потом еще — и он, обессиленный, рухнул на нее, придавив Джоселин тяжестью своего тела.

Джоселин вдруг показалось, что ее тело разбилось на куски. Ей не хватало воздуха. Она боялась пошевелиться. Боялась открыть глаза из страха, что не увидит на его лице отражения того, что чувствовала сама. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Девон откатился в сторону. Его рука так и осталась лежать поперек ее живота, словно охраняя ее, и мир снизошел в ее душу. Джоселин охватило сладостное ощущение покоя, равного которому она не испытывала никогда в жизни, а все страхи и сомнения, подспудно терзавшие ее до сих

пор, миг развеялись, будто туман в жарких лучах солнца.

Итак, брачная ночь не разочаровала ее. Больше того, она превзошла все ее ожидания. Его репутация непревзойденного любовника получила полное и несомненное подтверждение. Но даже ей, не имевшей никакого любовного опыта, было понятно, что и она тоже смогла подарить ему наслаждение.

Он лежал на скомканных простынях и лениво смотрел, как прошмыгнувший в щель между портьерами солнечный луч заливает золотом плечо его жены. Его жены. Он произнес это вслух, словно пробуя слова на вкус, и с некоторым удивлением вынужден был признать, что звучат они хотя и несколько непривычно, но гораздо лучше, чем он ожидал.

Она не разочаровала его.

Совсем, даже наоборот.

Джоселин ни капельки не была похожа, на тех дам полусвета, в объятиях которых он привык удовлетворять свои грешные желания. И не то чтобы он раньше не имел дело с дебитантками. Имел. И не раз.

Заигрывать с невинной девушкой совсем другое дело. Потому что в таких случаях приходится все время помнить о последствиях. А иначе дело кончится тем, что тебя потащат к алтарю.

Девон вздохнул. Не уж то это та самая простодушная юная девушка, от которой он четыре года назад бегал как черт от ладана? Не может быть. Но тогда кто эта пылкая женщина, превратившаяся в соблазнительницу... его жену?

Кто бы она ни была, она очаровательна. Восхитительна... даже когда от робости и смущения принимается говорить дерзости. И к тому же не боится самозабвенно отдавать ему всю себя, без остатка.

Теперь он уже не сомневался, что очень скоро у них появится ребенок. Девон вспомнил, как они занимались любовью прошлой ночью, и вздохнул. Он столько лет всеми силами старался избежать этого — и вот, пожалуйста, потерял голову, как зеленый юнец! Нужно быть полным идиотом, чтобы не считаться с подобной возможностью. Он, конечно, человек тщеславный, но не настолько, чтобы думать, что мать-природа ради его удовольствия согласится изменить свои законы.

Джоселин со вздохом перевернулась на бок. Покрывало немного сползло, обнажив молочно-белую грудь. Девон беззвучно выругался — на шее Джоселин алело крохотное пятнышко, свидетельство его ночных безумств.

Сглотнув, Девон отвел глаза в сторону. В горле внезапно пересохло, в паху появилась знакомая тянущая боль.

Ему редко случалось оставаться, у любовницы до утра. Девон инстинктивно чувствовал, что рассвет таит в себе куда больше опасностей, чем ночь, — только очень близкие люди могут позволить себе роскошь просыпаться в одной постели по утрам. А он и Джоселин... Девон вздохнул. Он дал ей свое имя. Выполнил свой долг. Никто не вправе требовать большего от мужчины, который пока и не думал остепениться. Сам Девон считал, что нужно сначала перебеситься и только потом заводить семью. И надеялся, что у него впереди еще немало приятных лет.

Однако решение было принято за него, и теперь ему придется делить постель... нет, не просто постель! Ему пришлось связать свою жизнь с ничем не примечательной с виду женщиной. После чего он своими глазами убедился в правильности старой поговорки, что внешность обманчива.

Встав, Девон бесшумно оделся, решив, что лучше уйти, пока она не проснулась. После всего, что произошло между ними, нужно дать ей поспать подольше... К тому же очень может быть, что она рассчитывает получить от него утреннюю порцию нежности — то, к чему Девон совершенно не был пока готов.

В конце концов, всем на свете известно, что он за человек — повеса и распутник! И если он дорожит своей честью, это вовсе не значит, что он обязан иметь сердце.

С того момента как ее супруг трусливо бежал с брачного ложа, прошло не больше часа. Джоселин, открыв глаза, убедилась, что осталась в супружеской постели одна, после чего с некоторым удивлением обнаружила, что кто-то заботливо подоткнул ей одеяло, сунув вдобавок под голову еще одну подушку. Конечно, доказательств того, что эта подушка принадлежит ее беглому супругу, у нее не было, записки он не оставил. Как не оставил и указаний, чем ей сегодня предстоит заниматься.

Она оделась сама, решив, что не стоит ради этого вызывать звонком горничную — тем более что она понятия не имела, позаботился ли ее супруг нанять кого-то для этой цели. Поначалу Джоселин решила, что Девон, возможно, ждет ее внизу, однако молчание, ставшее ей ответом, когда она окликнула его, красноречиво доказало, что это не так.

Имела ли она право чувствовать себя хозяйкой в доме, о котором она не знала ничего — ни сколько в нем комнат, ни как зовут слуг, которые содержат эти самые комнаты в порядке?

Джоселин слегка растерялась. Она понятия не имела, чем ей заняться. Можно, конечно, осмотреть дом, обследуя комнаты одна за другой в поисках слуг — тех самых, которые, по словам Девона, обижаются на хозяина из-за его неожиданной женитьбы, о которой никто не удосужился им сообщить.

Удастся ли ей завоевать их любовь, гадала она.

К ее радости, ответ на этот вопрос она получила уже через несколько минут, когда, спускаясь по лестнице, внезапно услышала настойчивый стук в дверь.

Джоселин замерла, гадая, что делать. И облегченно вздохнула, увидев спешившего к дверям мужчину в ливрее дворецкого.

— Быстрее! — раздался ему вдогонку сердитый женский шепот. — Не дай Бог, она проснется! Да шевелись же ты! Господи, спаси и помилуй... неужто опять одна из этих потаскушек, что шляются к его милости?! Я уж и так все утро гоняю их отсюда!

— Бегу, миссис Хэдли, бегу, — отдуваясь, пропыхтел дворецкий. — Но если это и впрямь какая-то шлюшка, уж вы, будьте любезны, займитесь этим сами, хорошо? Не думаю, что это входит в мои обязанности — я имею в виду, избавляться от всякой швали.

Джоселин похолодела от ужаса. Экономка говорит, что все утро только и делала, что гоняла каких-то потаскушек. Сколько же их всего? И что им тут нужно?

— Готов поспорить, это они, — пробормотал дворецкий, отпирая дверь.

Джоселин поспешно присела на корточки, намереваясь узнать, что происходит. Из подслушанных обрывков разговора она поняла, что в дом ее мужа явились три молодые дамы. Ни у одной из них не было при себе горничной, и вдобавок они вели себя так, словно не имели никакого понятия о правилах приличия. Настроены они были весьма решительно. И все три напрочь отказывались поверить, что их обожаемый «приятель» был вынужден жениться на ничем не примечательной девушке, которую ни одна из них не считала серьезной соперницей. А уж кандидаткой на роль его жены тем более.

Похоже, шустрые молодые особы соскучились по ее супругу, мрачно подумала про себя Джоселин. Пора положить этому конец. Она позаботится, чтобы они забыли сюда дорогу. Но сначала нужно послушать, о чем они говорят. Джоселин прислушалась. Бедняга дворецкий, имевший глупость впустить их в дом, растерянно топтался на месте, бормоча,

что хозяйина, к несчастью, нет дома. Женщины активно теснили его, и было ясно, что долго он не продержится.

— Мы пришли, поскольку за завтраком слышали все эти ужасные сплетни о лорде Девоне...

— Так это правда, что он был вынужден жениться на Джоселин Лидбери? Дворецкий, вжав голову в плечи, испуганно попятился.

— Может, вы зайдете попозже... — проблеял он.

— Никогда о такой не слышала, — презрительно фыркнув, заявила одна из них.

— Я слышала, — отозвалась другая. — И могу со всей ответственностью заявить, что ничего такого особенного в ней нет. На редкость невзрачная особа! Здорово смахивает на одну из кобыл, которых разводит ее отец!

— Может быть, Девон и женился на ней просто потому, что обожает ездить верхом? — ядовито прошипела третья.

— Говорят, его обманом заманили в ловушку. А потом вынудили жениться.

— А мне сказали, что она набросилась на Лили Кранли с ракеткой!

— И поделом той! Давно напрашивалась! — громогласно объявила на весь холл необъятных размеров женщина в накрахмаленном белом фартуке. — А теперь попрошу вас немедленно уйти, пока вы своим злобным кудахтаньем не разбудили ее милость! Лорд Девон строго-настрого велел, чтобы ее не тревожили. Хозяин оставил специальное распоряжение на этот счет. Его милость объяснил, что хозяйка очень утомлена — думаю, нет нужды объяснять, что он имел в виду? — с торжествующей ухмылкой добавила она.

Возымело ли это свое действие, было пока непонятно, но Джоселин решила, что настало время ей самой появиться на сцене. Расправив плечи, она решительно спустилась по лестнице, сделав вид, что не заметила, как у толпившейся в холле троицы при виде ее мгновенно вытянулись лица.

— Я уже проснулась, миссис Хэдли. Доброе утро. Кто это тут? Снова нищенки? Боже милостивый, когда же эти попрошайки, наконец, поймут, что для того чтобы кланчить милостыню, существует черный ход?!

Миссис Хэдли, чьи высокие моральные принципы слишком часто подвергались жестокому испытанию из-за дам, с которыми лорд Девон имел обыкновение водить дружбу, моментально поняв намек, демонстративно захлопнула дверь.

— Просто обычные потаскушки, ваша милость. Ох, и рада же я буду, если они навсегда забудут дорогу в этот дом!

— Я тоже, — кивнула Джоселин, с радостью сделав вывод, что в войне, которую она намеревалась вести за расположение своего супруга, у нее появился первый союзник.

Девон из кожи вон лез, пытаясь доказать самому себе, что в его жизни все осталось по прежнему. Всю следующую неделю он вел обычный холостяцкий образ жизни — по утрам ездил на скачки или побоксировать в тренировочный зал Джентльмена Джексона на Парк-лейн, вечерами пропадал в клубе. Но каждую ночь пунктуально возвращался домой, в супружескую постель.

И при этом он хотел свою молодую женушку с такой неистовой силой, что начал потихоньку опасаться, не сошел ли он, часом, с ума. Когда Джоселин жаловалась на его постоянные отлучки, он небрежно советовал ей позвать в гости кого-нибудь из приятельниц или проехаться по магазинам. Девону приходилось постоянно напоминать себе, что он

женится не по собственной воле. А если его супруга недовольна, так ведь он никогда не обещал ей, что после свадьбы станет другим человеком, верно?

И это вовсе не равнодушие — он ведь предупреждал ее об этом еще до помолвки. Так что никто не сможет упрекнуть его, что он дурно обращается с женой.

Девон не был жестоким человеком — скорее уж беспокойным по натуре, не способным подолгу оставаться на одном месте или жить с одной женщиной. Правда, с того дня, как он заполучил к себе в постель Джоселин, другие женщины для него перестали существовать. О том, что это значит, Девон предпочитал не задумываться.

Тем более что у него были заботы поважнее — нужно было выяснить, кто же все-таки заманил его в ловушку. Именно поэтому, не сказав Джоселин ни слова, Девон попросил своего старшего брата Дрейка встретиться с ним в клубе, чтобы без помех обсудить с ним эту загадку. Ведь Дрейк был рассудителен, разбирался в людях и к тому же умел держать язык за зубами.

Девон отыскал брата в библиотеке — дожидаясь его прихода, тот рассеянно разглядывал длинные ряды доходящих до самого потолка книжных шкафов. На свадьбе и потом, во время приема, братьям удалось перекинуться всего несколькими словами. Но Девон несколько не сомневался, что рано или поздно Дрейк потребует от него объяснений, как он дошел до жизни такой. Он слишком хорошо знал старшего брата, чтобы надеяться избежать допроса с пристрастием.

Увидев на пороге Девона, Дрейк отвесил ему шуточный поклон. По губам его скользнула циничная усмешка.

— А как же твои обещания, старина? Помнится, кто-то клялся, что скорее ляжет живым в могилу, чем позволит надеть на себя брачные узы? Или твоя Джоселин великодушно взяла на себя роль гробовщика? — В синих глазах его блеснул насмешливый огонек.

Девон пожал плечами.

— Просто мы с ней угодили в подстроенную кем-то ловушку.

— Вот как?

Девон опустил в одно из двух стоявших возле камина кресел.

— Случившееся не утаишь, Грейсон успел уже расписать в красках разразившийся по этому поводу скандал. Да и Эмма, насколько я знаю, не упустила шанса изложить свою версию событий. Теперь в Лондоне каждый об этом уже слышан. Зато по-прежнему остается загадкой, кто же все-таки сотворил такую подлость?

— А сама леди? Ее ты исключаяешь? — Дрейк всегда был изрядным скептиком.

— Поначалу я решил, что за всем этим стоит Гейбриел. Дрейк мрачно кивнул:

— Очень на него похоже. Между прочим, я еще не забыл, как он отвез мою жену в один сомнительный клуб под тем предлогом, что бедняжка, мол, была очень расстроена, и он хотел ее развлечь.

— Гейбриелу всегда нравилось нас изводить. По-моему, это кажется ему страшно забавным, — проворчал Девон. — Но для чего ему подкладывать мне такую свинью?

— Вероятно, чтобы доказать: тот, кого в семье считают изгоем, может взять над нами верх. Вспомни старую семейную вражду между нашими семьями. — На какое-то время в библиотеке воцарилось молчание. Дрейк задумчиво разглядывал помрачневшее лицо младшего брата. — Ты по-прежнему сомневаешься?

— Если честно, да, — признался Девон. — Или Гейбриел превосходный актер, или... или меня водят за нос.

— Значит, нам придется выяснить, кому это было на руку. Но знаешь, я тоже не думаю, что за всем этим стоит наш кузен.

Девон покачал головой:

— Я сам этим займусь. И ради всего святого, не вмешивай сюда старшеньких.

Дрейк, пряча улыбку, отвел глаза в сторону. Так в их семье принято было именовать тех, кто появился на свет раньше, — Грейсона, Хита и Эмму (в хронологическом порядке).

До своей недавней женитьбы, когда в семье возникали проблемы, Дрейк всегда либо держался особняком, либо занимал нейтральную позицию. Хлоя, Девон, а также их младший брат Брендон, еще в детстве ставший инвалидом, представляли собой младшее поколение Боскаслов. Эта троица обычно держалась вместе — только так можно было выдержать давление со стороны старших братьев и сестер.

И при этом все шестеро, не задумываясь, смыкали ряды, когда была затронута их фамильная честь.

— А тебе не приходило в голову, что это отец Джоселин подстроил тебе ловушку? — осторожно поинтересовался Дрейк.

— Сомневаюсь, — нахмурился Девон. Сэр Гидеон, правда, никогда не скрывал, что считает именно его вполне подходящим женихом для своей единственной дочери. — Хотя, конечно, все возможно, — неохотно пробормотал он.

— Маловероятно, — буркнул Дрейк. — Подумай сам — если бы его хитроумный план провалился, репутация Джоселин погибла бы. Поговори с женой, — посоветовал он. — Возможно, ей известно гораздо больше, чем она тебе сказала.

— Джоселин не имеет к этому никакого отношения, — возразил Девон, тщательно выбирая слова. — Кстати, я тут подумал... Помнишь слухи, ходившие насчет жестокости сэра Гидеона? Как ты думаешь, это верно?

— Насчет его издевательств над солдатами? Откровенно говоря, у меня есть все основания считать, что так оно и есть. Погоди... Надеюсь, ты не имеешь в виду, что он имеет привычку поднимать руку и на своих домашних? — понизив голос, спросил брат. — Как я понимаю, ты подозреваешь, что он плохо обращался со своей дочерью?

Девон, с трудом проглотив вставший в горле комок, отвел глаза в сторону. Он боялся, что голос выдаст его.

— Ноги его не будет в моем доме. Никогда! — отрезал он. — Знаешь, с того дня, как мы поженились, Джоселин даже ни разу не упомянула об отце.

— Ну, тогда надо надеяться, что время залечит старые раны, — философски заметил Дрейк.

Девон глубоко вздохнул. Какое все-таки облегчение иметь возможность поделиться с кем-то своими подозрениями, особенно с братом, хотя, если честно, при одной мысли о том, что они могут оказаться правдой, его начинало мутить. В глазах любого представителя мужской части семейства Боскасл не было худшего преступления, чем поднять руку на дочь, жену или сестру — на любую женщину.

Дрейк откашлялся. Похоже, этот разговор не оставил равнодушным и его.

— Давай все-таки попытаемся разобраться, кто мог подстроить тебе ловушку. Врагов у тебя нет — иначе я бы об этом наверняка знал. Напротив, у тебя столько друзей, что позавидует любой из тех, с кем я знаком. Правда, кое с кем из них я бы лично постеснялся водить дружбу, — насупился он.

Сам того, не подозревая, Дрейк попал в точку, хотя тогда Девон об этом не догадывался.

Конечно, даже если ему и удастся отыскать своего тайного врага, сыгравшего с ним злую шутку, это уже ничего не изменит, считал он. Правда, у него появится шанс отомстить за пережитый позор.

Попытки супруга делать вид, что свадьба никак не повлияла на его образ жизни, конечно, не ускользнули от внимания Джоселин. Правда, надо отдать ему должное — несмотря на это, каждый вечер он исправно возвращался домой, в супружескую спальню. Грех было жаловаться — о более страстном любовнике она не могла и мечтать. Но за ночью приходило утро, и Джоселин с ужасом понимала, что с каждым днем все сильнее, любит его. Вскоре стало ясно, что безразличие, с которым Девон относился к своей молодой жене, не осталось незамеченным и другими его родственниками. И в первую очередь Хлоей. Оправившись после выкидыша, сумасбродная юная виконтесса очень быстро догадалась, как обижает Джоселин невнимание супруга, и взяла ее под свое крылышко. У Джоселин в Лондоне почти не было друзей, поэтому она развлекалась тем, что транжирила деньги на новые наряды, а в промежутках отражала атаки бывших приятельниц Девона, штурмовавших его дом. Миссис Хэдли, домоправительница Девона, сразу же вставшая на сторону новой хозяйки, изо всех сил помогала ей и в том, и в другом.

Хлоя активно кинулась ей помогать. Она пару раз прошлась с Джоселин по магазинам, сводила ее в музей, в салон парижской парфюмерии, после чего вызвалась сопровождать ее на завтрак, который неожиданно затянулся до самого вечера.

Сегодня Хлоя решила отправиться на прогулку в парк. Джоселин поначалу вяло отказывалась, внезапно сообразив, что все эти попытки чем-то занять себя только подчеркивают бессмысленность и пустоту ее нынешней жизни. Но самым неприятным во всем этом было то, что равнодушие, с которым Девон относился к своей молодой жене, начало тревожить даже его родственников.

— Знаешь, Хлоя, мне сегодня что-то не хочется бродить по парку. Но все равно спасибо, что предложила.

Однако Хлоя, унаследовавшая фамильную настырность Боскаслов, явно не намерена была сдаваться.

— Не упрямясь, Джоселин, — упрямо настаивала она. — Учти, что ты не просто поедешь, а будешь вдобавок кокетничать и вообще делать вид...

— Что мне все равно, помнит ли мой муж о моем существовании или нет? — с горечью в голосе подсказала Джоселин. — Но дело в том, что мне-то это не все равно. А заметно это или нет — какая разница?

— Значит, едем? Джоселин тяжело вздохнула:

— А куда мне деваться? Ты все равно не отстанешь.

Девон появился в парке в окружении компании своих буйных приятелей. И слегка удивился, найдя там свою супругу, гуляющую под ручку с Хлоей. Их окружало с полдюжины молодых хлыщей, которые, насколько ему было известно, волочились за его сестрой еще до ее замужества. И, похоже, продолжали обожать ее до сих пор.

Прислонившись к дереву, он молча наблюдал за женой, дожидаясь, пока она соизволит обратить на него внимание. Однако первой его заметила Хлоя — царственным жестом велев своей свите ожидать ее возвращения, сестра направилась к нему.

— Так-так, дорогой братец... значит, решили почтить нас своим присутствием? — саркастически бросила она.

По губам Девона скользнула слабая усмешка.

— Как ты себя чувствуешь?

— Неплохо. — Но по тому, как она поспешно отвела глаза в сторону, Девон догадался, что рана от потери ребенка еще слишком свежа. Он решил увести разговор в сторону.

— Это твоя идея привезти Джоселин в парк? — помолчав, спросил он.

— Да! — с вызовом бросила Хлоя. — Я так рада видеть, с какой легкостью она влилась в нашу компанию! Твоя жена становится настоящей кокеткой. Вот уж никогда бы не подумала!

— Джоселин? — Девон решил, что ослышался.

— Неужели ты не заметил? Джоселин уже не та простушка, которая вечно подпирала стены на балах, и на которую никто не обращал внимания. Всякий раз, когда мы с ней куда-то выезжаем вместе, я теряю одного из своих верных поклонников.

Девон, повернув голову, покосился на Джоселин. По правде говоря, он с трудом мог отвести от нее взгляд. Конечно, нетрудно было понять, что Хлоя сильно преувеличивает. Ее слова не более чем попытка заставить его почувствовать угрызения совести из-за его невнимания к жене, и все-таки...

Дьявольщина... с кем это Джоселин разговаривает? За минуту до этого он видел, как она направилась к берегу пруда, — тогда с ней рядом не было ни души, а сейчас возле нее уже отирался какой-то мужчина...

Широкоплечий, весьма галантный джентльмен, не сводивший с нее восхищенных глаз, явно не принадлежал к числу его друзей. Лицо его было ему незнакомо. Нахмурившись, Девон заметил, как Джоселин кокетливо откинула назад голову и засмеялась. Ее спутник пожирал ее таким страстным взглядом, словно упивался возможностью хотя бы дышать с ней одним воздухом.

Недовольно поджав губы, Девон отвел глаза в сторону. Он был слишком искушенным человеком, чтобы с первого взгляда угадать в мужчине опытного соблазнителя, но никогда не думал, что увидит, как кто-то пробует свои чары на... его собственной жене. Особенно у него на глазах. Правда, Девон не был уверен, что предпочел бы, чтобы эти двое флиртовали за закрытыми дверями.

— Ты собираешься не замечать Джоселин до конца своих дней? — взглянув в ту же сторону, негромко поинтересовалась сестра.

— По-моему, она не может пожаловаться на недостаток внимания, — деланно-равнодушным тоном ответил Девон.

— Но не с твоей стороны, — заметила Хлоя.

— Послушай, оставь нравоучения для Грейсона и Эммы, — с мальчишеской усмешкой бросил он. — По-моему, раньше ты всегда была на моей стороне, разве нет?

Хлоя замаялась, в глазах ее мелькнуло сомнение. Еще в детстве они с Девоном всегда поддерживали друг друга, объединяясь всякий раз, когда одному из них приходилось выслушивать замечания старших братьев. Хлоя всегда бросалась на его защиту. И хотя она ни за что бы в этом не призналась, Девон догадывался, что после случившегося у нее выкидыша узы, связывающие ее с братом, стали еще крепче.

— Я не собираюсь читать тебе нотации, — со вздохом проговорила Хлоя, словно подслушав его мысли. — Если уж тебя не волнует, что у твоей жены может появиться любовник, то с какой стати мне из-за этого переживать?

Нахмурившись, Девон смотрел ей вслед, пока Хлоя возвращалась к поджидавшей ее компании. Интересно, его действительно не волнует тот факт, что его жена всю флиртует?

Но разве это не она только что познакомилась с наглым хлыщом, который так и сверлит ее взглядом? И при этом спит каждую ночь в его, Девона, постели. И он ни разу не оставил ее неудовлетворенной. Сам-то он был уверен, что у его жены нет никаких причин искать внимания другого мужчины. Но разве можно зарекаться?

За этими мыслями он даже не сразу заметил, что Джоселин скрылась из виду. Конечно, он понимал, что она не могла вот так взять и раствориться в воздухе — точно так же, как не сомневался, что она никуда не пойдет с незнакомым мужчиной... Но с другой стороны, совсем недавно она отправилась на ночное свидание с ним самим.

Девон покачал головой, только сейчас сообразив, до чего же глупо выглядит со стороны вся эта ситуация. Какой-то мужчина тайком от него пытается сыграть с его женой в ту же самую игру, в которую с другими годами играл он сам. Оставалось только гадать, как поведет себя Джоселин.

Он молча дожидался, когда она расстанется со своим новым поклонником. Ну, наконец-то! Джоселин шагнула в сторону. Но этот осел потащился за ней как привязанный. Девон нахмурился. Интересно, гадал он, чем закончился их разговор? Получил ли новоявленный ухажер по рукам или... А что, если Джоселин вздумалось подать ему надежду?

Знала ли она, что он, ее супруг, стоя в двух шагах от них, наблюдает весь этот спектакль? Ее поклонник не замечал никого, кроме нее.

Что-то он не помнил, чтобы она до замужества носила столь вызывающе обтягивающие платья, внезапно нахмурился Девон. Кстати, а где ее мантилья? Куда она подевалась? Джоселин сама ее сняла? Или кто-то из этих хлыщей, которые нагло пялят на нее глаза, помог ей, чтобы полюбоваться белизной ее плеч? Девон по собственному опыту знал, как легко умелая рука может сорвать с женщины плащ... какими волнующими могут быть поцелуи, которыми мужские губы осыпают шею, скользят по обнаженному плечу, понемногу спускаясь к груди...

Девон инстинктивно расправил плечи. Он помнил и то, как прошлой ночью Джоселин стонала от наслаждения, когда он ласкал губами ее упругие груди. Девон и представить себе не мог, как другой мужчина коснется ее. Он бы просто этого не вынес.

Джоселин внезапно вскинула глаза. Теперь он точно знал, что она заметила его. Будь на ее месте другая женщина, он бы подумал, что она нарочно разыграла весь этот спектакль, чтобы заставить его ревновать.

Неужели он и вправду ревнует? Проклятие... Конечно, ревнует, да еще как! У него даже в голове помутилось. Нет, конечно, это не вульгарная ревность, твердил он себе, просто в нем говорит оскорбленное чувство собственника. И то, что ему не нравится, когда другие мужчины заигрывают с женщиной, на которой его хитростью заставили жениться, вовсе не значит... В общем, это ничего не значит.

Он не допустит, чтобы это его задевало. Никто не заставит его испытывать чувства, которые он запрещает себе испытывать. А сейчас он вообще ничего не чувствует! Во всяком случае, ничего такого, что бы превратило его из легкомысленного ловеласа в нежного заботливого мужа. Но потом он, сам того не желая, снова посмотрел на Джоселин и стоявшего возле нее мужчину, и новый приступ ревности, от которого у него все сжалось внутри, превратил все его попытки убедить самого себя в жалкий фарс.

Нравится ему это или нет, но превращение уже началось.

— Видите ли, я давно не был в Лондоне, — объяснил Джоселин симпатичный молодой человек. Она ответила ему улыбкой — он был такой простодушный, приветливый... точь-в-точь один из ее провинциальных кузенов.

Однако даже ей, не сведущей в искусстве ухаживания, было уже понятно, что молодой джентльмен горит желанием поскорее завязать с ней более близкие отношения, чем это позволяют правила приличия. Здравый смысл предупреждал ее, что она ступает на зыбкую почву, где хищники только и ждут, когда она проявит слабость, чтобы запустить когти в беспомощную жертву.

А у нее, между прочим, имеется и собственный хищник, которого ей еще предстоит приручить! И раз уж об этом зашел разговор, интересно, почему Девон предоставил ей возможность отбивать атаки поклонников в полном одиночестве? Она прекрасно знала, что он наблюдает за ней, хотя и не предполагала, что супруг тоже собирается на прогулку в парк. Она совершенно случайно заметила Девона — он стоял, прислонившись плечом к дереву, и молча разглядывал ее, не сводя с нее глаз, — и от этого взгляда по спине у нее пробежала дрожь удовольствия.

Хотя Девон ясно дал понять, что не собирается вмешиваться, почему-то у Джоселин появилась уверенность, что, пока он тут, ей без труда удастся удерживать не в меру ретивого джентльмена в рамках приличия.

Внезапно она почувствовала, как рука в перчатке незаметно коснулась ее плеча, и брови Джоселин недоуменно поползли вверх.

— Насколько я наслышан, — вкрадчиво пробормотал незадачливый ухажер, — ваш супруг предпочитает развлекаться на стороне... В веселой компании.

Джоселин отодвинулась.

— Я об этом ничего не знаю, — осторожно ответила она. — Я не знакома с его друзьями.

По губам молодого человека скользнула улыбка. Затянутая в перчатку рука незаметно погладила ее запястье.

— Впрочем, мне нет до них никакого дела. Джоселин уставилась на его руку с таким безразличным видом, словно это было какое-то противное насекомое, свалившееся на нее с дерева, и теперь она не знала, стряхнуть ли его или лучше на всякий случай отмахнуться. Конечно, она уже успела понять, что ни к чему не обязывающее кокетство сейчас в моде, — Хлоя, ее легкомысленная золовка, весьма преуспела в этой игре. Собственно говоря, Хлоя вертела влюбленными в нее джентльменами как хотела, флиртowała направо, безмятежно выслушивала сыпавшиеся на нее комплименты, никому не отдавая предпочтения, и при этом умудрялась делать так, что ни один из отвергнутых вздыхателей не чувствовал себя обиженным.

— Я весь горю! — пылко выдохнул ее новоявленный поклонник.

Джоселин какое-то время с интересом разглядывала его.

— Может, прыгнете в пруд, чтобы немного остыть? — безмятежно предложила она.

Он со стоном закрыл глаза.

— И красота, и чувство юмора! Готов припасть к вашим ногам и умереть!

— Неужели? Тогда окажите нам обоим эту маленькую услугу! — Джоселин незаметно

высвободила руку. — Только умоляю — не у моих ног, хорошо? У меня и так уже репутация женщины, способной загнать мужчину в гроб.

Увы! Несчастный упрямец, похоже, расценил ее отказ как брошенный ему вызов. И решил проявить настойчивость. Вместо того чтобы уйти, он прижал Джоселин к скамейке, на которую она уже поглядывала, прикидывая про себя, нельзя ли воспользоваться ею как преградой, способной оградить ее от ухаживаний чересчур пылкого поклонника.

— Держите себя в руках, — прошипела она. — Мой муж наблюдает за нами! Он вызовет вас на дуэль, если вы немедленно не оставите меня в покое!

— Ваш супруг и не думает смотреть в нашу сторону, — вкрадчиво прошептал он ей на ухо. — Он ушел вместе со своими друзьями. Ну-ну, дорогая, к чему это глупое жеманство! Всем на свете известно, что вас просто заставили выйти за него замуж. В подобной печальной ситуации вполне объяснимо, что один из супругов станет искать утешения... на стороне.

Джоселин мгновенно разозлилась. Ей было горько думать, что кто-то может принять ее за легкомысленную кокетку, грустно оттого, что его слова по поводу ее брака были, в сущности, чистой правдой... Но большее всего было сознавать, что Девон ушел, попросту оставив ее на растерзание этому распутному мерзавцу. Она бросила беспомощный взгляд туда, где еще недавно стоял муж, и увидела Гейбриела, который не сводил с нее глаз.

— Прекратите немедленно! — прошипела она, отталкивая протянутые к ней жадные руки. — Иначе я буду вынуждена попросить мужа избавить меня от вашего навязчивого присутствия!

Тонкие губы ее поклонника скривились в понимающей ухмылке.

— Ну, если вы собираетесь ждать, пока он обратит на вас внимание, то вам придется заранее привыкать к одиночеству. Готов поспорить на что угодно, что и недели не пройдет, как вы соскучитесь. А еще через неделю вы уже будете счастливы, упасть в объятия любого, кто захочет вас утешить. Тем более всем известно, что вы вышли замуж не по любви!

— Всем известно и другое, — услышали вдруг они низкий, насмешливый мужской голос. — Что джентльмен, пытающийся силой навязать свое внимание леди, собственными руками роет себе могилу!

Джоселин облегченно вздохнула. Ей не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кому принадлежит этот голос, — кузену Девона, сэру Гейбриелу.

К сожалению, это был не ее муж — этот сукин сын предпочел испариться как раз в тот момент, когда ей позарез нужна была его помощь.

Несмотря ни на что, она была безумно благодарна Гейбриелу за вмешательство — на фоне равнодушного безразличия Девона его попытка защитить ее выглядела особенно благородно. К тому же теперь у нее появился благовидный предлог для того, чтобы сбежать.

Она резко повернулась, подняла глаза и ошеломленно ахнула — перед ней стоял Девон. Что было совершенно неожиданно, поскольку стоявший перед ней джентльмен несколько не походил на того беспечного, легкомысленного распутника, в которого она имела несчастье влюбиться. От этого мужчины с потемневшим лицом и сжатыми челюстями даже на расстоянии веяло угрозой. Джоселин невольно попятилась, но он даже не взглянул на нее.

Краем глаза она заметила подходившего к ним Гейбриела.

— Джоселин, по-моему, вас ждет Хлоя. — Голосом, способным заморозить всю воду в пруду, процедил ее муж. — Что же до вас, сэр, — обойдя супругу, словно перед ним был неодушевленный предмет, а не побледневшая от страха женщина, продолжал Девон, — не

припомню, чтобы имел несчастье быть с вами знакомым. Поэтому буду, признателен, если вы сообщите мне свое имя, чтобы я знал, кого мне предстоит убить.

Девона не так-то легко было вывести из себя. Однако сейчас он вдруг поймал себя на том, что испытывает непреодолимое желание прикончить этого пакостника.

— Хочешь, чтобы я остался? — услышал он за спиной хорошо знакомый ему решительный голос. — Или я увезу отсюда дам?

Девон, не оборачиваясь, узнал голос кузена.

— Поезжай с ними домой, Гейбриел. Что же до вас, — он бросил испепеляющий взгляд на стоявшего перед ним мужчину, — поскольку вы имели наглость протянуть свои руки к моей жене, то я твердо намерен потребовать у вас удовлетворения!

Джоселин бросила на него испуганный взгляд.

— Ничего такого не было, Девон... тебе показалось.

— Нет, было! Я все видел. — Девон угрожающе шагнул вперед, и ее недавний поклонник моментально растерял свою наглость. — Он дотронулся до тебя! Я видел это собственными глазами! Проклятие! Он посмел коснуться тебя!

— Я просто попытался стряхнуть с плеча вашей супруги упавший листок, — щелкая зубами, пролепетал мужчина. — У меня и в мыслях не было вас оскорбить, сэр!

Джоселин заметила, как на щеке Девона задрожал мускул.

— Ах ты, каналья! Я вобью эти слова тебе в глотку! — Только не здесь! — вмешался Гейбриел, поспешно встав между ними. — Насколько я помню, у тебя уже было достаточно неприятностей в прошлом году из-за того случая с каретой!

— Это совсем другое дело, — проскрежетал Девон. — По-моему, ты собирался уходить, — напомнил он.

— Прошу тебя, Девон. — Появившаяся как из-под земли Хлоя твердо взяла Джоселин по руку. — В парке полно детей! И твоих приятелей, кстати, тоже — и все они могут тебя слышать!

Присмиривший ловелас, дрожа от страха, вытащил из кармана шелковый платок и принялся промокать крупные капли пота, выступившие у него на лбу.

— Примите мои извинения, сэр, — проблеял он. — Я... э-э... ошибся. Леди просто была ко мне добра, а я принял это за...

Девон невольно покосился на молчавшую Джоселин. Кое-кто из его приятелей, ставших свидетелями этой сцены, подошли поближе, однако он не замечал никого, кроме своей жены.

— Почему вам вообще вздумалось преследовать ее? Мужчина растерянно покачал головой.

— Сам не знаю. Просто ходили слухи, что она... Лицо Девона потемнело.

— Продолжайте.

— Ну, что она... э-э... недавно в столице, поэтому гораздо хуже разбирается в обычаях лондонского света, чем я... — кротко пояснил он.

Девон смерил его убийственным взглядом.

— Тогда, возможно, вам лучше вернуться туда, откуда вы явились, сэр. И пожить там до тех пор, пока вы сами не научитесь разбираться в обычаях лондонского света и соблюдать его законы, первый из которых гласит, что мужчина не должен позволять себе вольностей с женой другого человека!

— Да-да, с вашего разрешения, сэр, я так и сделаю.

Джоселин ломала голову, как бы потактичнее нарушить неприятное молчание, воцарившееся в их маленькой компании после того, как ее неуклюжий поклонник, едва не сбив с ног двух гувернанток, возле которых резвились дети, поспешил унести ноги.

Гейбриел с непроницаемым выражением лица устался в землю.

Девон стоял молча, скрестив руки на груди. В глазах его еще пылал гнев.

— Ну, — Хлоя сделала попытку беззаботно рассмеяться, но получилось как-то неубедительно, — а я-то боялась, что будет скучно. Похоже, Девон, тебе не стоит оставлять свою прелестную жену надолго одну, — насмешливо протянула она, обнимая Джоселин. — Знаешь, ты меня просто поразил! Какое умение владеть собой! Какая выдержка! И какое здравомыслие!

— Неплохо, Девон, — одобрительно кивнул Гейбриел. — Извини, что пришлось вмешаться. Надеюсь, ты на меня не в обиде?

Девон молча покачал головой. Хлоя с тревогой покосилась на него.

— Может, нам... — робко начала она.

Девон, круто повернувшись, исчез прежде, чем она успела договорить. Джоселин со страхом смотрела ему вслед. Господи, как случилось, что так приятно начавшееся утро закончилось так ужасно?! Жаль, что она сама не спихнула этого ужасного человека в пруд, когда ей впервые пришлось в голову это сделать. Неужели Девон и вправду считает, что она его поощряла?

— Не расстраивайся, Джоселин! — жизнерадостно бросила Хлоя. — Придется Девону смириться с тем, что ты пользуешься успехом у мужчин! А этот небольшой скандал забудется уже к утру.

Девон, присев на край стоявшего в библиотеке бильярдного стола, пытался разобраться в причинах своего сегодняшнего поступка. Он ушел из парка, не потрудившись ничего объяснить, и всю дорогу домой втайне надеялся, что ему представится случай дать выход душившему его гневу.

Так что это ублюдок бормотал в свою защиту?

Что он слышал ходившие о Джоселин слухи. Что она, мол, не слишком хорошо разбирается в обычаях лондонского света.

Выходит, это дает основания мужчинам преследовать его жену?!

Нет, этого он не потерпит. И плевать ему на то, что это был всего лишь безобидный флирт. Он найдет способ положить этому конец.

Как часто он смеялся над своими приятелями, когда те от ревности теряли голову. Почему он был так уверен в том, что с ним такого никогда не случится? На несколько кратких мгновений ярость до такой степени ослепила его, что он забыл обо всем. Когда-то он самонадеянно считал, что не унаследовал пылкость, бывшую характерной чертой Боскаслов. Но оказывается, она лишь дремала в нем, дожидаясь удобного момента, чтобы вырваться наружу, словно лава из жерла вулкана.

Девон с трудом перевел дыхание. Краем глаза он заметил тоненькую фигурку в светло-зеленом, шелковом платье, бесшумно проскользнувшую в комнату.

— У тебя хватило храбрости потревожить льва в его логове? — не оборачиваясь, насмешливо спросил он.

— Мне угрожает опасность? — своим нежным голосом, от которого у него всегда замирало сердце, поинтересовалась Джоселин.

Резким ударом, послав шар в лузу, Девон выпрямился.

— Тебе — никогда! — Он немного помолчал. — Я не заметил, у тебя было сегодня что-нибудь на плечах? — бесцветным голосом осведомился он.

Джоселин робко улыбнулась.

— Только его рука...

Девон с проклятием швырнул в угол кий.

— Не зря я собирался свернуть ему шею! Почему вы помешали мне это сделать?

— Девон, мы ведь были в парке! — всплеснула руками Джоселин.

— А мне плевать! — прорычал он. — Будь я проклят, если позволю коснуться моей...

Джоселин молча протянула к нему руки. И Девон вдруг с ужасом и изумлением почувствовал, как знакомый жар разливается по всему его телу. Жар, мгновенно заставивший его забыть все, что он собирался сказать. Сцепив зубы, он ждал, снова и снова повторяя себе, что у него хватит выдержки... что он сможет устоять перед ее чарами — если, конечно, сумеет.

— Ты не хочешь подняться со мной наверх? — вдруг спросила она. И от всей его решимости не осталось и следа.

Джоселин поклялась сделать все, чтобы как можно лучше понять своего супруга. А вместо этого она с каждым днем открывала нечто новое в себе самой, тогда как Девон до сих пор оставался для нее загадкой.

Нет, она не была настолько наивна, чтобы вообразить, что любовные утехы в супружеской постели должны автоматически, перерасти в любовь, Джоселин понимала, что хорошего и плохого в Девоне примерно пополам.

Она уже успела понять, что гораздо проще вызвать в мужчине желание, чем любовь. А вот в своего супруга она, пожалуй, уже влюбилась.

Она до сих пор не знала, чем он занимается, когда оставляет ее одну: Возможно, ей и не хотелось этого знать. Но когда Девон возвращался, он принадлежал ей целиком, и Джоселин дала себе слово сделать так, чтобы ему не захотелось уходить.

Сегодня, когда они покидали парк, у нее впервые вспыхнула робкая надежда, что ее брак вовсе не так неудачен, как ей казалось. Конечно, ее отец всегда говорил, что Девон, женившись на ней, поступил как порядочный человек. Но больше он уже ничем не мог ей помочь.

Решающее слово оставалось за ней.

Возможно, стоит взглянуть на ситуацию под другим углом, подумала она. Представить, что ей предстоит разработать план военной кампании, например. И тогда остается только решить, завлечь ли врага на свою территорию или же преследовать его по пятам, чтобы потом окружить и взять в плен. Или потерпеть сокрушительное поражение — что куда вероятнее.

Выходит, нужна стратегия.

Джоселин мысленно прикинула, какое оружие имеется в ее арсенале на настоящий момент. Союзников у нее всего двое — Хлоя и миссис Хэдли. Этого мало, решила она. Без помощи союзников ей нечего и надеяться выиграть эту войну.

Впрочем... не все еще потеряно. Подумав немного, Джоселин решила, что кое-какое оружие у нее все же имеется. Ей нужно прислушиваться к голосу сердца. И следовать ему во всем.

Впрочем, так это или нет, однако нынешним вечером, пока Девон молча последовал за

ней в спальню, Джоселин едва не ударила в панику. Глядя, как он стащил с себя голубой сюртук, за которым последовали жилет и муслиновая рубашка, она нервно облизнула губы. Она могла только беспомощно любоваться им, когда он повернулся, чтобы запереть дверь.

Прижавшись к окну, Джоселин изнывала от желания кинуться ему на шею. Взгляд ее скользнул по широким плечам, остановился на выпуклых мышцах груди, испещренных крохотными белыми, едва заметными шрамами, и ей вдруг пришло в голову, что они напоминают плеяды звезд, которыми бывает, усеяно зимнее небо. Она украдкой покосилась на узкую полоску черных волос, сбегавшую по его животу и исчезающую за поясом панталон, и едва слышно вздохнула.

Заметив это, Девон бросил на нее уже хорошо знакомый ей взгляд — взгляд, каждый раз лишавший ее возможности нормально дышать.

— Можно спросить, Джоселин, что ты с таким интересом разглядываешь?

Не могла же она, в самом деле, признаться, что любит его? Джоселин, опомнившись, устремила взгляд в окно.

— Звезды, дорогой.

— Что?! — ошеломленно переспросил он.

— Когда я еще жила в деревне, то часто любовалась звездами, — с невинным видом бросила она через плечо.

Он стащил с себя панталоны.

— Думаю, нынче вечером нам найдется, чем полюбоваться, помимо звезд.

От этих слов сердце у нее затрепетало, словно бабочка в кулаке, и ноги стали ватными. Как она может изображать перед ним равнодушие, когда ему достаточно посмотреть на нее, чтобы она потеряла голову от желания?

Несправедливо требовать от замужней женщины, чтобы она изображала стыдливость, внезапно пришло ей в голову. Но... приличия есть приличия, тут уж ничего не поделаешь. Впрочем... она ведь сама предложила ему подняться с ней наверх.

— Так какими же созвездиями ты сейчас любовалась? — задумчиво протянул он.

— Тельца, — ляпнула Джоселин первое, что пришло в голову.

— А может, Быка? — хохотнул он.

Джоселин попыталась выглянуть в окно. Ну конечно, как и следовало ожидать, ей не повезло. Небо было затянуто облаками.

— Э-э... наверное, Ориона.

Девон, запрокинув голову, снова захохотал:

— Вот как? Неужели ты могла разглядеть его в таком тумане?

— Ммм... вероятно, мне показалось.

Девон подошел ближе и обнял жену за талию.

— Честно говоря, из-за этих чертовых облаков я не могу разглядеть ни одной звезды, но... кто знает? Возможно, если мы отправимся в постель и как следует постараемся, то увидим настоящий звездопад!

Девон с трудом подавил желание растянуться и уснуть рядом с женой. Они долго занимались любовью, и теперь она, свернувшись калачиком, сладко посапывала возле него, удовлетворенного, насытившегося.

Сирена, подумал он, прижавшись губами к ее плечу. Соблазнительница. Сожалений о его прошлой жизни почти не осталось в душе.

Девон осторожно сполз с постели и, подхватив одежду, на цыпочках прокрался к двери.

Почему-то остаться возле Джоселин ему было страшнее, чем бродить по утонувшим в тумане улицам Лондона, рискуя собственной жизнью. «Может, заглянуть к кому-то из братьев?» — мелькнуло у него в голове. Но он был не в том настроении, чтобы вновь выслушивать шуточки по поводу своей скоропалительной женитьбы. И уж меньше всего ему сейчас хотелось отвечать на вопросы о своей жене, с которыми начнут приставать невестки, тем более что он прекрасно понимал, что за этим кроется.

Ноги сами принесли Девона в клуб. Оставалось надеяться, что здесь, в этом закрытом мужском раю, ему удастся отвлечься от мыслей, которые иной раз заводили его в тупик, и вновь стать самим собой.

Стоя в залитой светом свечей прихожей, Девон лениво раздумывал, чем бы заняться. Так ничего и не решив, он безразлично кивнул, троим джентльменам, понуро сидевшим в креслах возле круглого стола. В одном из них он узнал капитана Мэтью Терли, старшего брата своего старого приятеля Дэниела. Вторым был лорд Бернэм, а третьим — известный своей распушенностью молодой хлыщ. Все они были полностью поглощены обсуждением сравнительных достоинств жриц любви.

Покосившись на них, Девон поморщился. Ему вдруг стало противно — казалось, он видит свое собственное отражение, только в кривом зеркале.

— Господи, помилуй, да ведь это Боскасл! — обрадовано пробормотал Терли. — Правду говорят — помяни дьявола...

— Собираешься держать пари, Девон? — с полузакрытыми глазами лениво протянул лорд Бернэм.

— У него же медовый месяц, осел! — буркнул Терли.

— Ну, он не первый и не последний, кто проводит его за карточным столом, верно?

За карточным столом... Гейбриел всегда был азартным игроком. Внезапно Девон сообразил, что теперь он знает, чем ему заняться. У них с кузеном осталось еще одно незаконченное дело.

Он кивком подозвал лакея.

— Сэр Гейбриел сегодня здесь?

— Нет, милорд. Если он появится, сказать ему, что вы его спрашивали?

Девон сжал зубы.

— Да. Непременно.

— Передать ему что-нибудь еще, милорд?

— Нет, не нужно. Все остальное я скажу ему сам. Повернувшись, он вышел из клуба. И только на улице обнаружил, что вся троица последовала за ним. Словно сговорившись, его прежние приятели дошли вместе с ним до кареты.

— Подвезти тебя? — предложил Терли. Лорд Бернэм рассмеялся:

— Может, до Темзы? Что-то вид у тебя не слишком веселый. Неужели ты до такой степени устал от своей молодой жены, что поспешил улизнуть от нее с утра пораньше?

«Нет... просто меня так тянет к ней, что я сбежал, чтобы окончательно не рехнуться», — едва не сорвалось с губ Девона. Однако он вовремя опомнился.

— А вы, гуляки, куда собрались? — спросил он.

— К Одри Уотсон, — фыркнул Терли. — Собираемся устроить «вавилонские ночи».

Девон тихонько рассмеялся. Речь шла о самом изысканном лондонском борделе — он готов был поспорить на что угодно, что его приятелей даже не пустят туда на порог.

— А что, это мысль! — просияв, воскликнул юный хлыщ. — Если мы возьмем с собой Боскасла, он сможет провести нас туда!

Девон покачал головой:

— Одри прикажет вышвырнуть вас прежде, чем вы успеете постучать в дверь. Но все равно отвезите меня туда. Вы подали мне хорошую мысль... возможно, мне удастся отыскать там Гейбриела.

Джоселин провалилась в сон — после того, как они с Девоном занимались любовью, сил разговаривать у нее уже не осталось. Гораздо приятнее было уснуть, прижавшись к нему. В этом было нечто поразительно нежное, интимное. Может, сегодня ночью ей удалось заложить первый камешек в основание их брака, засыпая, подумала она.

Потом что-то разбудило ее. Приоткрыв один глаз, Джоселин увидела, как ее муж, схватив одежду в охапку, бесшумно выскользнул за дверь.

Она протерла глаза и села. На душе у нее стало тяжело. А она-то, дурочка, надеялась...

Итак, ее распутный супруг снизошел до того, чтобы подарить ей наслаждение, и тут же сбежал, даже не оглянувшись. Джоселин, приуныв, надолго погрузилась в безрадостные размышления. Потом ей надоело жалеть себя, и к тому же в голове внезапно мелькнул обрывок какой-то мысли. Конечно, у него больше опыта в любовных делах, решила она, но это не важно. Да, он сбежал из ее постели, причем посреди ночи — и все равно Джоселин почему-то не верилось, что Девон удрал, потому что ему вдруг захотелось обнять другую женщину.

Не в силах уснуть, она приняла ванну, после чего спустилась вниз и стала ждать возвращения мужа.

Через несколько минут кто-то негромко постучал в дверь, и Джоселин не раздумывая, бросилась открывать. И опешила, увидев на пороге не менее удивленного Гейбриела.

Она никогда раньше не открывала дверь сама.

Да и одета была совсем не для приема гостей — кое-как застегнутое платье, босые ноги, волосы, которые ей и в голову не пришло уложить в прическу, распущены по плечам.

— Боже милостивый, сэр Гейбриел! — всполошилась она. — Я решила, что это Девон. Иначе мне бы и в голову не пришло...

— Его нет дома?

Джоселин с неудовольствием заметила, что Гейбриел, не дожидаясь приглашения, бочком протиснулся в дверь. Нет, конечно, она была достаточно хорошо воспитана, чтобы пригласить его войти, но вот как отнесется к этому Девон? Джоселин совсем не хотелось вновь раздувать их старую вражду.

— Надеюсь, я вас не потревожил? — с изысканной вежливостью осведомился он.

Джоселин была вынуждена сдаться. Неохотно посторонившись, она предложила ему войти. К счастью, слуги еще не легли. Она понятия не имела, когда ее ветреному супругу

заблагорассудится вернуться домой. Если честно, нынче вечером она не ждала гостей.

Извинившись, она поднялась к себе, немного подумала и натянула на себя опалово-белое шелковое платье, решив, что сегодня вечером обойдется без корсета. Потом бросила на себя взгляд в зеркало и оцепенела. В мерцающем свете свечей она выглядела на редкость соблазнительно. Слегка смущенная, но втайне довольная, Джоселин спустилась вниз, посмеиваясь про себя, — интересно, что подумает ее пылкий супруг, когда она в таком наряде встретит его возле двери? Наверняка он все поймет.

Правда, ее откровенный туалет не был рассчитан на то, чтобы поразить воображение его кузена. Оставалось только надеяться, что он ничего не заметит, вздохнула Джоселин.

— Может, перейдем куда-нибудь, где нас не будут слышать? — изысканно-светским тоном предложил дожидавшийся ее в прихожей Гейбриел.

Джоселин смущенно закашлялась. Вероятно, Гейбриел принял это за согласие, потому что решительно направился к лестнице, даже не позаботившись снять плащ.

Господи, спаси и помилуй, глядя ему вслед, думала она. Настроен решительно. Впрочем, все мужчины в этой семье могли похвастаться завидным упорством. Ладно, будь что будет, решила она. В конце концов, она — жена Девона. Вряд ли кому-то придет в голову найти что-то неприличное в том, что она принимает его кузена.

— Сэр Гейбриел, вы считаете, с вашей стороны благоразумно появляться здесь после сегодняшнего инцидента в парке? — не утерпела она.

Казалось бы, этот вопрос заслуживает внимания. Она тоже так считала, пока не перехватила в зеркале его взгляд. Гейбриел, хищно ухмыляясь, пожирал ее глазами.

Правда, когда он обернулся, его лицо не выражало ничего, кроме вежливого безразличия. Однако в душе Джоселин уже шевельнулось нехорошее подозрение. Она не могла выбросить из головы этот волчий оскал... и теперь ломала голову, гадая: какой же из двух Гейбриелов настоящий? Неужели тот, кого она видела в зеркале?

— Девон, похоже, спрашивал обо мне сегодня в клубе, — объяснил он. — Поэтому я решил оказать ему услугу и спокойно дождаться его здесь, вместо того чтобы рыскать по всему Лондону.

— О! — облегченно вздохнула Джоселин. У нее словно гора свалилась с плеч, когда выяснилось, что ее супруг в данный момент вовсе не ищет сомнительных удовольствий.

«Интересно, сэр Гейбриел все еще встречается с Лили Кранли?» — промелькнуло у нее в голове. Уж, не из-за нее ли Девон разыскивает кузена по всему Лондону? Почему-то ей не верилось, что Гейбриел и впрямь такой отъявленный мерзавец, каким его считали в свете.

— Значит, вы не будете возражать, если я его подожду? — спросил он.

Джоселин и сама не могла понять, как так вышло, что она согласилась. Молча, забрав у него плащ, она отнесла его в прихожую.

Она опомнилась, когда они уже сидели в гостиной. Разговор зашел о последней поездке Гейбриела в Париж. С немалым удивлением Джоселин узнала, что он, оказывается, интересуется живописью. До этого времени она была убеждена, что он, как и остальные представители мужской части семейства Боскаслов, отдадут предпочтение исключительно искусству любви, считая его чуть ли не призванием.

За интересным разговором время бежало незаметно.

Джоселин так увлеклась, что напрочь забыла о том, в каком виде она решила появиться перед Гейбриелом.

Впрочем, у нее мелькнуло подозрение, что в этом и состоял дьявольский план

Гейбриела. Едва только на пороге гостиной появился ее муж, как эта мирная, домашняя сцена почему-то мгновенно перестала казаться невинной. Джоселин точно разом прозрела — она заметила и свой небрежный туалет, и то, что они с Гейбриелом уютно устроились вдвоем на диване...

Джоселин метнула в Гейбриела недовольный взгляд. До этого они не сидели так близко. Наверняка этот мерзавец, услышав в прихожей шаги Девона, постарался придвинуться к ней поближе. Похоже, эти двое обожают дразнить друг друга, решила она.

Но, открыто обвинив его в этом, она только возбудит подозрения Девона. Так что если ее супруг ничего не заметил, с ее стороны будет благоразумнее сделать вид, что ничего не произошло — хотя бы для того, чтобы избежать новой ссоры в семье, подумала она.

Но конечно, он заметил. Девон буквально впился в нее взглядом. Джоселин зябко поежилась — у нее возникло омерзительное ощущение, что кто-то ощупывает ее ледяными пальцами.

Прищурившись, Девон бросил выразительный взгляд на два бокала с недопитым вином, стоявшие на столике возле дивана.

Лицо его потемнело от гнева. Однако как показалось испуганной Джоселин, его раздражение, похоже, было направлено только на кузена.

Она поспешно вскочила на ноги, словно намереваясь встать между мужчинами.

— Как это мило, Девон, что ты решил вернуться домой пораньше! — зашебетала она. — Твой кузен любезно предложил составить мне компанию...

— Какого черта тебе понадобилось в моем доме, Гейбриел? — прогремел Девон, вперив разъяренный взгляд в кузена поверх ее головы.

Джоселин нерешительно кашлянула.

— Я так поняла, что ты разыскивал его. Гейбриел встал.

— Мне передали, что ты хотел меня видеть. — На скулах у него заходили желваки. — И я всего лишь хотел сэкономить тебе время, поэтому...

— А я всего лишь решила составить ему компанию и посидеть с ним, — снова вмешалась Джоселин, — пока ты не вернешься... ну, короче, оттуда, где ты был.

Девон, обойдя ее, словно перед ним был неодушевленный предмет, встал так, что они с кузеном оказались нос к носу.

Гейбриел молча смотрел ему в глаза.

Ну и ну! Джоселин на всякий случай отошла в сторонку. Ладно, пускай разбираются сами, она больше не станет вмешиваться. Если эти двое решили поубивать друг друга, будет благоразумнее позаботиться о себе. Не хватало еще оказаться под перекрестным огнем.

— Я пришел только потому, что в клубе мне сказали, будто ты разыскиваешь меня, — каменным голосом повторил Гейбриел.

Девон слегка растерялся — похоже, он напрочь об этом забыл.

— Ах да, верно, — спохватился он. — Но я, кажется, не просил тебя являться сюда, чтобы соблазнять мою жену, не так ли?

— Прошу прощения, — не выдержала Джоселин. Конечно, ей не стоило вмешиваться, но обвинение, только что брошенное Девонем, выставило ее в столь неприглядном свете, что она не смогла удержаться. Хватит делать из нее какую-то распутницу, решила она. — Сэр Гейбриел и не думал этого делать!

Девон смерил жену уничтожающим взглядом.

— Просто ты ничего не заметила. В отличие от тебя мне хорошо известно, что у него на

уме!

— Хотелось бы мне знать, что на уме у тебя, — фыркнул Гейбриел. — Мне передали, что ты меня искал. Поверь мне, если бы не это, я бы никогда не пришел сюда, как бы мне ни хотелось побыть в обществе твоей очаровательной супруги.

Девон снова покосился на Джоселин.

— Не могла бы ты ненадолго оставить нас? — буркнул он.

— С радостью! — Джоселин решительно направилась к двери, чувствуя при этом, как они оба пожирают взглядом ее обнаженную спину, хотя и Девон, и Гейбриел не сговариваясь, сделали вид, что смотрят в другую сторону, видимо, для того, чтобы дать ей возможность с достоинством удалиться. Конечно, это было весьма любезно с их стороны, но, к сожалению, мало помогло. Джоселин была до крайности смущена. Одно дело — играть роль коварной соблазнительницы перед собственным мужем, и совсем другое — перед другим мужчиной.

Не успела дверь за Джоселин захлопнуться, как Девон повернулся к кузену.

— Родственник ты мне или нет, — смерив Гейбриела ледяным взглядом, начал он, — но если я увижу, что ты прижимаешься к ней...

Гейбриел примирительно поднял руку:

— Каюсь, я это сделал нарочно. И заранее прошу у тебя прощения. Услышал твои шаги в прихожей и... ну, словом, бес попутал. Дай, думаю, подразню. Успокойся — твоя Джоселин невинна, как новорожденный ягненок. А у меня и в мыслях не было ничего дурного.

Девон фыркнул.

— Надеюсь... — Он замялся. — Просто я сейчас не в том настроении, чтобы шутить.

Гейбриел невозмутимо повертел в руках часы.

— Спасибо за откровенность. Девон упал в кресло.

— Видишь ли... собственно говоря, мне хотелось тебя поблагодарить.

— Поблагодарить? Меня? — Гейбриел заметно удивился. — Должно быть, я ослышался.

— Ты ведь действительно хотел мне помочь. Помнишь, сегодня, в парке? — Девон тяжело вздохнул. — Во всем виноват мой дурацкий характер!

— Ну, кто бы спорил, — великодушно заметил Гейбриел.

Девон скривился.

— К тому же у меня хватает недоброжелателей, завистников.

Гейбриел вздернул одну бровь.

— Честность и благородство не всегда поощряются.

— Зато подлость и обман не одобряются никогда, — отрезал Девон.

— Насколько я понимаю, ты уже понял, что это не я заманил тебя в башню на свидание с Джоселин, да? — хмыкнул Гейбриел.

— Я никогда и не думал, что это ты.

— Ну, тогда, наверное, настало время выяснить правду, — решительно поднявшись, проворчал Гейбриел. — Конечно, ты сделал то, что обязан, был сделать, — вернул Джоселин доброе имя. Но теперь ты наверняка жаждешь мести.

— То, что я поблагодарил тебя за помощь, никоим образом не означает, что я позволяю тебе компрометировать мою жену, — поспешно заявил Девон. — Не хватает мне еще оберегать ее от тебя. — Успокоившись, он снова обрел способность шутить.

Гейбриел с усмешкой взял в руки плащ.

— Судя по тому, что я сегодня видел в парке, тебе нужно беспокоиться отнюдь не за меня, — хмыкнул он.

— Просто постарайся, чтобы мне не пришлось тревожиться из-за тебя, — бросил ему в спину Девон. — А с остальным я разберусь.

— Почему ты впустила его в дом, да еще в такое время? — допытывался Девон, расстегивая пуговицы на панталонах. Он приступил к допросу, едва успев захлопнуть за собой дверь спальни.

— По одной простой причине, — невозмутимо отрезала она. — Гейбриел — член твоей семьи. Именно поэтому я и не могла отказаться принять его. А что мне было, по-твоему, делать? Если бы это был Дрейк или Грейсон, я бы тоже их впустила.

— Впустить Гейбриела в дом и кокетничать с ним на диване, чуть ли не сидя у него на коленях, — это разные вещи, — проворчал Девон.

— Я и не спорю. — Встав, Джоселин помогла мужу стащить сюртук. — Но вообще-то до того, как ты пришел, Гейбриел сидел намного дальше от меня, — фыркнула она.

— Не подумай, что я тебя в чем-то обвиняю. Просто ты должна помнить, что с мужчинами надо быть поосторожнее, — строго сказал он.

— Может, тогда не стоит оставлять меня надолго одну? — ехидно протянула она.

— Постой...

Он поперхнулся. Джоселин невозмутимо скрестила руки — ее, не стянутая корсетом грудь, во всей своей прелести предстала его взгляду, и в горле у Девона мгновенно пересохло.

— А где твой корсет? — не веря собственным глазам, хрипло спросил он.

Джоселин слегка опешила. И тут же рассмеялась, почувствовав, как Девон торопливо ощупывает ее грудь в поисках несуществующего корсета.

— У тебя под платьем ничего нет?! Послушай, мне чудится, или на тебе действительно нет ни одной из тех штук, которые женщины обычно носят под платьем?! Это переходит все границы.

— Ну, я же не думала, что мне придется открывать дверь, когда готовилась ко сну! — с досадой буркнула Джоселин.

Девон окинул жену испытующим взглядом:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что принимала моего кузена в таком... полураздетом виде?

— Говорю же тебе — я не ждала гостей, когда спускалась вниз!

— Господи, спаси и помилуй! Неудивительно, что Гейбриел прижимался к тебе!

— Я тут ни при чем!

— Да? А кто «при чем»?

На миг в комнате воцарилась тишина, которая бывает перед грозой. Супруги мерили друг друга разъяренными взглядами. Правда, Девон никак не мог понять, что это означает — начало грозы или ее конец. Ни разу в жизни, ни с одной из своих любовниц ему не случилось пререкаться по столь идиотскому поводу. Впрочем, мысль о том, с какой легкостью Джоселин всегда удается вывести его из себя, беспокоила его ничуть не меньше, чем воспоминание о том, как он увидел свою жену (вдобавок, как выяснилось, без корсета!), воркующую на диване с Гейбриелом. И она восхищалась им — да, да, восхищалась! — тогда как этот самодовольный индюк, как обычно, был очень доволен собой.

Это заставило его мысли устремиться в другом направлении.

— Здравый смысл, не говоря уже о правилах приличия, — нравоучительным тоном

начал он, — должен был подсказать тебе, что нужно хотя бы поддеть под платье корсет. Прежде чем усаживаться с моим кузеном на диван!

— Ну, надо же! Ты читаешь мне мораль! — фыркнула она. — Да, конечно, мне следовало выглядеть иначе, но я ведь уже говорила тебе, что никого не ждала. Мне пришлось бежать вниз, чтобы открыть дверь...

— Можешь считать, что на этот раз тебе повезло. А в дальнейшем, будь добра, подожди, пока дверь откроет слуга.

— Договорились. — Джоселин подбоченилась. — Подать тебе ночную пижаму?

Девон слегка растерялся. И только потом сообразил, что отчитывает жену за неподобающие вольности в ее туалете, а сам стоит перед ней в одной рубашке.

— Я всю жизнь расхаживал у себя в спальне голый! — рявкнул он. — И не возражаю, если и ты будешь делать то же самое. Более того, я собираюсь отправиться в постель. И при этом я был бы весьма признателен, если бы ты объяснила мне, о чем ты думала, спускаясь вниз в наряде, который столь щедро демонстрирует твои прелести!

Джоселин молча расшнуровала платье, позволив ему соскользнуть с ее плеч. Потом немного помолчала, чтобы дать ему возможность хорошенько рассмотреть ее. И только потом потрудилась ответить.

— Я думала о тебе, — опустив глаза, прошептала она.

Девон растерялся. Господи, она сводит его с ума!

Любой мужчина может только мечтать о таком. Он смотрел, как она, полностью обнаженная, идет к постели, чувственно покачивая бедрами, и едва сдерживался, чтобы не наброситься на нее.

Он даже не сразу понял, что Джоселин ждет его реакции на свои слова.

Глаза его потемнели.

— Что ты имеешь в виду? — с вызовом бросил он.

— Ты бросил меня и ушел. Я не знала, куда ты отправился, но хотела встретить тебя у дверей, когда ты вернешься домой.

Девон растерянно уставился на нее во все глаза. Только сейчас до него, наконец, дошло, что она пыталась ему сказать.

— Ты хотела... выглядеть соблазнительной в моих глазах? — внезапно охрипшим голосом спросил он.

Джоселин с трудом спрятала улыбку.

— А ты находишь меня соблазнительной, признавайся? Синие глаза Девона блеснули.

— Так, значит, ты намеревалась соблазнить меня? Джоселин облизнула пересохшие губы.

— Возможно, мне приходила в голову такая мысль... Девон широко ухмыльнулся. А потом вдруг, легко подхватив жену на руки, бросил ее на постель.

— Мне кажется, я знаю, как решить дело миром, — прошептал он.

У Джоселин перехватило дыхание.

— А разве мы ссорились?

Девон убрал волосы с ее лица. И почувствовал, какая она горячая. Его пылкая, чувственная жена.

— Повтори, что ты ждала меня, чтобы соблазнить, — потребовал он.

— Ладно, твоя взяла! Да, я пыталась тебя соблазнить!

— Не возражаешь, если я попробую первый?

— По-моему, тебе уже это удалось.

Склонившись к ней, Девон припал к ее губам. Неужели она поняла? Неужели почувствовала, как страстно он хочет ее? Конечно, он изо всех сил пытался сохранить невозмутимый вид, но... его тело выдало его. Бессмысленно было скрывать, с какой неистовой силой он желает ее... как ему хочется изведать наслаждение, которое могла подарить ему только она.

Он вновь окинул жадным взглядом распростертое перед ним прелестное обнаженное тело жены, потом вскинул на нее глаза, и на губах его мелькнула самодовольная ухмылка.

— Моя, — едва слышно выдохнул он. Он успел заметить ответный огонь, вспыхнувший в ее глазах. Она уже соблазнила его, промелькнуло у него в голове. Если так пойдет и дальше, то вскоре ему придется на коленях молить, чтобы она снизошла до него.

Что ж, возможно, когда-нибудь он унижится и до этого, но сейчас, по крайней мере, он знал, как заставить ее умолять. Девон неторопливо ласкал ее грудь до тех пор, пока она не задрожала под ним.

— Зачем ты мучаешь меня? — всхлипнула Джоселин.

— Нет, милая, я мучаю не тебя, а себя, — хрипло прошептал он. Широко раздвинув ей ноги, он припал губами к шелковистому треугольнику волос.

На мгновение Джоселин застыла. Потом приподнялась на локте и уставилась на него, не веря собственным глазам.

— Ради всего святого, что ты делаешь?! Он осторожно опрокинул ее на постель.

— Ты хочешь меня соблазнить или нет?

— Я...

Она так и не смогла потом вспомнить, что она собиралась сказать. Прикосновение его языка заставило ее забыть обо всем. Джоселин только беспомощно стонала, не в силах противиться захлестнувшей ее волне наслаждения.

Она извивалась. Она всхлипывала. Однако Девон и не думал останавливаться. Его язык изощренно ласкал ее тело, пока она не стала содрогаться в конвульсиях.

Припав головой к ее шелковистым бедрам, Девон с наслаждением вдохнул терпкий аромат страсти.

— Ты спишь? — спустя какое-то время прошептал он. Джоселин гибким движением вывернулась из-под него.

— Девон? — окликнула она.

Он вскинул глаза на ее побледневшее лицо, обрамленное спутанными темными волосами.

— Что?

— Я сказала, что хочу соблазнить тебя, — напомнила она.

— Прекрасная идея!

Теперь уже она опрокинула его на спину. А потом, оседлав, спустилась ниже, раздвинула ему ноги и зарылась лицом между его бедер. Сердце Девона глухо забилося.

— Что ты делаешь? — просипел он.

— То же, что ты только что делал со мной. Он внезапно напрягся.

— Ты действительно этого хочешь?

— Да. Только научи меня.

— Ляг так, чтобы оказаться у меня между ногами. Джоселин послушалась. Сердце у нее испуганно екнуло. Она не сразу поняла, что он имеет в виду, но заранее настроилась сделать

все, чтобы доставить ему удовольствие. Ей уже не раз приходилось слышать о том, что все мужчины обожают, когда женщина удовлетворяет их таким способом, однако ходили слухи, что этим искусством владеют только профессиональные кокотки.

— Что теперь? — неуверенно спросила она.

— Твои губы должны двигаться так, чтобы имитировать акт любви, — пробормотал он. Мускулистые бедра его напряглись, стиснув ей плечи.

Вот как? Джоселин уже знала, что их тела должны двигаться в определенном ритме, доставляющем наслаждение им обоим. Одной рукой приподняв свою напряженную плоть, он осторожно направил острие копья, чтобы она могла взять его в рот. Джоселин, зажмурившись, обхватила его губами и пососала, словно пробуя на вкус. Смущение ее росло — и одновременно росло возбуждение. Его плоть оказалась чуть солоноватой, с острым привкусом страсти и вновь пробуждающегося желания. Приподнявшись на локтях, Джоселин осторожно обвела его кончиком языка.

Девон, задохнувшись, тяжело упал на подушки.

— Довольно... или я не выдержу.

Вместо ответа Джоселин крепче ухватилась за его бедра и быстрее задвигала языком — как незадолго до этого делал он сам. Она чувствовала его беспомощность, и это почему-то невероятно возбуждало ее. Движения ее языка и губ были неловкими, ей было страшно причинить ему боль. Впрочем, учитывая внушительные размеры его копья, это было маловероятно.

— Так хорошо? — прошептала она.

Ей было важно это знать.

Девон с трудом подавил рвущийся из груди стон. Он уже едва сдерживался. Одно неуправляемое движение, и нахлынувшая страсть окажется сильнее всех его сдерживающих центров. Этого нельзя допустить.

— Не то слово! — с трудом выдавил он из себя, догадываясь, что она ожидает его ответа, но... Господи, разве мужчина в состоянии разговаривать, когда женские губы выдвигают с ним такое?!

Язычок Джоселин, пощекотав его копье, вдруг куда-то исчез — Девон даже не сразу догадался, что жена ожидает его дальнейших указаний. Боже милостивый, ахнул он про себя, до чего же понятливая ученица ему досталась! И мысленно дал себе слово, что с лихвой вознаградит жену за доставленное ему наслаждение. Она вскинула на него глаза.

— Я все правильно делаю? — нежно спросила она. Девон только и смог, что молча кивнуть. Его всего трясло, точно в ознобе. В горле пересохло так, что он не мог выдать ни слова.

И прежде чем он успел ей помешать, Джоселин вновь опустила голову, обхватив губами его плоть. Это уже был конец! Девон, содрогнувшись всем телом, почувствовал, как его семя выплеснулось ей в рот.

Когда он снова обрел способность пошевелиться, то почувствовал, как его переполняет нежность. Взяв салфетку, он вытер с ее подбородка блестящие капли и улыбнулся ей.

Одному Богу известно, что ждет их впереди. Девон знал только одно — у него пропало всякое желание бежать от своей судьбы. И если это означает, что вся его жизнь переменится, — что ж, он ничего не имеет против.

Джоселин игриво пощекотала пальчиком ноги босые ступни мужа. Не открывая глаз, он одобрительно усмехнулся, потом, обняв жену, притянул ее к себе. Джоселин, замурлыкав,

прижалась к его обнаженной груди, потерялась щекой о колючий подбородок.

— Ты мой ежик, — прошептала она. — Такой... опасный. Можно уколоться.

Слегка согнув ногу, он коленкой раздвинул ей бедра.

— А тебе нравятся опасные мужчины, верно?

— Похоже, я питаю слабость к одному из них.

Он погладил ее по спине и почувствовал, как ее кожа покрылась мурашками.

— Знаешь, — продолжала она, — я никогда не спрашивала... говорят, ты как-то раз, остановил карету и потребовал от сидевшей в ней кокотки в награду поцелуй? Неужели это правда?

— Всякое бывало.

На губах Девона мелькнула усмешка, от которой ее бросило в дрожь.

— Хочешь, чтобы я надел маску и привязал тебя к кровати?

Джоселин растерялась, не зная, то ли бежать, то ли дать ему хорошего пинка.

— Собираешься устроить очередной спектакль? Его ухмылка сразу стала шире.

— Нужны доказательства? У меня тут под кроватью спрятан плащ, так что одно твое слово...

Джоселин увидела над собой его глаза — и по спине ее пополз холодок. Одно дело догадываться, что слухи о его распутном прошлом имеют под собой основание, и совсем другое — услышать, что доказательство его бывших походов лежит у тебя под кроватью.

— Насколько я понимаю, это не тот самый плащ, в котором ты пришел в башню на свидание со мной?

Вот дьявол! Он ни минуты не колебался.

— А какая разница? Даже если у меня дюжина таких плащей...

— Большая разница...

Его поцелуй подавил возражение, которое уже готово было сорваться с ее уст.

— Но ведь это сработало, верно? — безжалостно процедил он. — Насколько я помню, ты без особых колебаний бросилась в объятия возлюбленного, хотя лицо его и было скрыто под маской!

— Но я считала, что это Адам! — прошептала она, слегка раздосадованная этим нескрываемым мужским самодовольством.

Судя по всему, она не ошиблась в оценке его характера.

— Готов поспорить на что угодно — с тех пор как мы поженились, ты ни разу не пожалела о том, что это оказался не Адам! — нахально заявил он.

Джоселин даже не пыталась отпираться.

Когда лорд Девон и его жена, которую ему удалось успешно соблазнить, оказались, наконец, в состоянии встать, одеться и спуститься вниз, чтобы приступить к завтраку, приготовленному для них заботливой миссис Хэдли, время уже перевалило за полдень. Судя по тому количеству блюд, которые экономка оставила для них на кухне, она полностью и безоговорочно одобрила женитьбу своего хозяина.

Похоже, это уже становится своего рода традицией, подумал Девон, поймав себя на том, что, пожалуй, ничего не имеет против. Заняться любовью со своей пылкой и нежной женой, потом, не спеша позавтракать с ней вдвоем, проглядывая, пришедшие утром письма, пока она маленькими глоточками потягивает чай, о чем еще можно мечтать? Неплохо еще при этом полистать газеты, чтобы быть в курсе свежих сплетен. Впрочем, примерно то же самое делали многие жители столицы, обожавшие знать обо всем, что произошло, пока они еще сладко спали.

— Что-нибудь интересное? — спросил он, оставив чашку с кофе, чтобы взглянуть на жену, читавшую газету. Надо признать, что после ночи любви она выглядела настолько соблазнительно, что Девон невольно принялся гадать, почему он так охотно спустился вниз вместо того, чтобы приказать подать завтрак в постель?

— Как будто ты не знаешь! — каким-то странным надтреснутым голосом проговорила она. Голос был до такой степени не похож на голос счастливой, удовлетворенной женщины, которая совсем недавно сделала таким и его самого, что Девон нахмурился. Что случилось? Может, он случайно взял ее любимую чашку? Или забыл, что у нее сегодня день рождения? «Черт... хорошо хоть не годовщина свадьбы», — промелькнуло у него в голове.

— В чем дело? — растерянно спросил он.

— Пожалуйста, не заставляй меня объяснять...

— Извини, не понял...

— Как же тебе не стыдно? Ты просто лживый обманщик!

Девон, не понимая, что происходит, схватил газету. Может, она шутит? Женщина, прятая от него глаза, была до такой степени не похожа на его нежную, пылкую жену, что ему вдруг стало страшно. У неё было такое лицо, словно ее предали... только при чем тут он?!

— Да что я такого сделал? — возмутился он.

— Даже не пытайся отпираться! — гневно бросила она через стол как раз в тот момент, когда ливрейный лакей поставил перед ними серебряное блюдо с аппетитно подрумяненными ломтиками бекона, сосисками и еще теплыми, только что выпеченными булочками.

— Что ты прочла в газете? — осторожно спросил он. Серебряная ложечка со звоном полетела в сторону.

— Лондонские сплетни. Самые горячие...

— Сплетни, значит, — задумчиво проговорил Девон. — И совсем не обязательно швырять в меня ложками — я и так понял, о чем речь. И в каких же грехах меня теперь обвиняют?

Ему показалось, что в ее глазах блеснули слезы. Однако когда она, поднявшись, швырнула перед ним на стол газету, он попытался сохранить невозмутимый вид.

— Пожалуйста, прочти сам.

— И что именно я должен прочесть?

— Познавательную статейку под названием «Жены и наложницы».

Криво улыбнувшись, он взял в руки газету и пробежал глазами статью. Девон чувствовал, как Джоселин сверлит его взглядом, словно пытаюсь понять его мысли, и постарался сделать невозмутимое лицо. Бог свидетель, под конец ему стоило немало труда сдержать охватившее его возмущение.

Предпочитавший остаться неизвестным автор статьи в красках описывал все, чем занимался Девон накануне днем, вечером, а также большую часть ночи. Пресловутая стычка в парке была описана до мельчайших подробностей.

Галантное вмешательство некоего «сэра Г.» в тот момент, когда муж дамы оказался не в состоянии выполнить свой супружеский долг, разумеется, превозносилось до небес. Видимо, для того, чтобы лишний раз доказать свою безответственность, подчеркивал анонимный автор статьи, этот распутный аристократ в тот же самый вечер отправился в самый известный лондонский бордель на Брутон-стрит, где его, как всегда, встретили с распростертыми объятиями.

Чувствовалось, что автор пишет не с чужих слов. Брошенное ему в лицо оскорбление было настолько тяжелым, что у Девона вскипела кровь.

Впрочем, как он догадался, сильнее всего Джоселин задела последние две строчки — те самые, в которых описывалась его поездка в бордель.

— Это, собственно говоря, не совсем бордель, — пробормотал он. И тут же сообразил, что выбрал не самую удачную линию защиты.

— Если это «не совсем бордель», тогда что? — постукивая ложечкой о край многострадальной чашки, поинтересовалась Джоселин.

— Скорее клуб для избранных. Впрочем, это не важно я ведь не развлекаться туда поехал. Я вернулся домой, к тебе.

— После общения с женщинами легкого поведения.

— Таких женщин полно везде, не только в борделе, — необдуманно бросил он.

— И ты отправился развлекаться с ними всего лишь через неделю после свадьбы?

— Да на что они мне? — искренне удивился Девон. — Я поехал туда в надежде отыскать Гейбриела.

Джоселин встала из-за стола. Увидев ее огорченное лицо, Девон и сам расстроился.

— Значит, вчера вечером ты оставил меня ради того, чтобы отправиться в бордель?

— Одри Уотсон — друг нашей семьи.

— Девон, она хозяйка борделя, — повысила голос Джоселин.

— Я этого и не отрицаю. Но повторяю, я пошел к ней лишь для того, чтобы найти Гейбриела.

Голосу Джоселин задрожал.

— Но тут, в статье, говорится, что она повела тебя в свою комнату, чтобы развлечься!

— Ну, не совсем так. Мы зашли туда, чтобы поговорить. У Одри нет привычки вести беседы при всех.

— Ты оставался с ней там наедине! Девон поднялся из-за стола.

— Джоселин, будь же благоразумна — я ведь вчера вернулся к тебе. Мы с Одри просто поговорили. Как старые добрые друзья.

Джоселин бочком-бочком попятилась от стола. Почему-то у него вдруг возникло

неприятное чувство, что она не слышала ничего из того, что он говорит.

— Именно это мой отец всегда твердил матери. Впрочем... не напоминай. Ты ведь предупреждал меня перед свадьбой!

Девон растерянно уставился на нее. Сердце его сжалось. Только сейчас он начал, наконец, понимать, что происходит.

— Я не стал бы тебя обманывать.

Джоселин неуверенно кивнула:

— Ты в этом не виноват. Я знаю, что ты не собирался на мне жениться.

Девон беспомощно смотрел на нее. И внезапно понял — или решил, что понял, — что Джоселин неосознанно сравнивает его с сэром Гидеоном. Он бы, наверное, догадался и раньше, если бы не обиделся за то, что она вдруг набросилась на него. Но обиды обидами, а он уловил боль в ее голосе, напомнившую ему о том, что у нее было не самое счастливое детство.

— Я не такой, как твой отец, — осторожно сказал он. — Кстати, в этом отношении я не похож и на своего отца. Прошлой ночью я был с тобой. Я хотел...

— Все в порядке, Девон! — перебила она.

— Нет, не все в порядке, черт возьми! — рявкнул он. — Чтобы все было в порядке, я хочу услышать, что ты мне веришь!

Она закусила губу.

— Ну, скажи же это! — потребовал он. — Скажи, что ты мне веришь, и покончим с этим!

Джоселин резко повернулась, чтобы уйти, и в этот момент дверь распахнулась. Девон уже открыл, было, рот, чтобы выругаться, — он решил, что это кто-то из слуг. Однако это был не лакей — это оказался не кто иной, как его старший брат Грейсон. Джоселин, бросившись к двери, едва не сбила его с ног. Удивленно проводив невестку взглядом, тот повернулся к младшему брату.

— Похоже, я не вовремя? — Грейсон многозначительно кивнул в сторону двери, которую Джоселин с грохотом захлопнула за собой.

Девон дружески кивнул нежданному гостю.

— Интересно, как это ты догадался? — буркнул он. — Так... ничего особенного. Меня только что облили грязью в газете. А моя жена, естественно, решила, что вышла замуж за точное подобие собственного отца.

Грейсон стащил с рук перчатки. — Досадно. Может, визит к моему ювелиру на Лидгейт-Хилл сможет помочь? Хотя, думаю, вряд ли.

— В данный момент, — уныло пробормотал Девон, услышав, как наверху хлопнула дверь, — меня вряд ли спасут даже сокровища Короны.

Девону и в голову не пришло броситься за женой. Снова оправдываться... объяснять, что это обычная клевета? Ни за что! Он ни в чем не виноват.

В данный момент ему предстояло более важное дело. Да, о нем и раньше распускали разные дурацкие слухи, но не настолько чудовищные, как эти. Он должен положить этому конец.

Грейсон, слегка удивившись, вышел за ним в холл.

— Ты куда?

— Хочу выяснить, кому вздумалось клеветать на меня.

— Но ведь речь идет не об обычной прогулке? Составить тебе компанию?

Девон был в нерешительности. Его так и подмывало сказать «да». Он знал, что всегда может положиться на брата, однако если Грейсон будет постоянно маячить у него за спиной, это только свяжет ему руки. Присутствие старшего брата не позволит ему дать волю праведному гневу. И если ему удастся отыскать своего ненавистного врага, Грейсон, скорее всего, помешает ему разделаться с ним раз и навсегда. Не нужно, чтобы он путался у него под ногами, решил Девон.

— Если хочешь, можем сегодня вечером собрать семейный совет, чтобы обсудить это дело. Только без женщин, хорошо?

— Ты собираешься заняться этим в одиночку? — с отеческим видом, который он так любил напускать на себя, поинтересовался Грейсон. Сразу стало ясно, что это маркиз и к тому же глава многочисленного семейства.

— Ну, отправился же я когда-то один воевать, верно?

Виконтесса Лайонс заехала к Джоселин с визитом спустя какие-то полчаса после ухода Девона. По тому, как она уселась, напряженно расправив узкие плечи и надменно вскинув голову, Джоселин мгновенно догадалась, что ее золовка уже успела прочесть утренние газеты, и то, что она из них узнала, ее несколько не порадовало.

К сожалению, газета со злополучной статьей так и валялась неубранная на столе, куда ее швырнула Джоселин. Несмотря на железную выдержку и суровое воспитание, Эмма не смогла удержаться от вздоха.

— Эту штуку, — объявила она, брезгливо взяв ее двумя пальцами, словно это была не газета, а невесть как оказавшийся на столе таракан, — лучше всего отправить в камин!

Криво улыбнувшись, Джоселин смотрела, как золовка привела свою угрозу в действие. В глубине души она была страшно благодарна Эмме за поддержку.

— Их еще сотни — все не сожжешь, — с горечью пробормотала она, сама толком не зная, что именно она имеет в виду — утренние газеты или омерзительные слухи, о которых говорилось в статье.

Эмма возмущенно тряхнула головой:

— Да, согласна, все это неприятно. Но я знаю Девона. Все это чушь — он ни в чем не виноват! Я абсолютно убеждена, что он тебе не изменял.

— Девон клянется, что это именно так. Собственно говоря, больше обсуждать было нечего. Тем не менее, Эмма смотрела на нее так, словно ожидала, что Джоселин возразит, сказав, что им есть, о чем поговорить. Может, так оно и было. В глубине души Джоселин и сама знала, что была несправедлива, когда пыталась обвинить Девона в том, что когда-то вытворял ее отец.

Эмма нахмурилась. Даже если она и догадалась о терзаниях Джоселин, то была слишком мягкосердечна для того, чтобы пытаться вызвать ее на откровенность.

— Дорогая, может, Девон и виновен во многих грехах, однако он не умеет лгать. И если он утверждает, что не делал ничего предосудительного, значит, так и есть. И как ни больно мне это признавать, миссис Уотсон действительно является другом нашей семьи. Не моим, конечно, — поспешно добавила виконтесса. — Слава Богу, у меня никогда не возникало необходимости искать ее общества!

Джоселин, отвернувшись, невидящим взглядом смотрела в окно на струившийся мимо дома поток карет с гербами, колясок и кебов. Лондон был городом, где всегда кипела жизнь. Городом, производившим ошеломляющее впечатление на любого неискушенного человека, не догадывающегося о том, какие темные страсти тут порой бурлят.

— Возможно, твоему брату просто нужно время, чтобы привыкнуть к мысли, что он теперь женатый человек, — покосившись на Эмму, вздохнула она.

Эмма замаялась:

— Да, может, ты и права. Впрочем, я приехала не за этим. Хотела тебе кое-что предложить. Дело в том, что в академии, которой я руковожу, сейчас удручающее положение с преподавателями. А наши девочки, желая доставить удовольствие благотворительному комитету, решили поставить любительский спектакль. Мне уже удалось заручиться согласием Элоизы, жены Дрейка, поучаствовать в нем — кстати, ты знаешь, я ведь когда-то даже собиралась взять ее на работу? Увы, мой несносный братец увел ее прямо у меня из-

под носа! Могу я рассчитывать на твою помощь?

Джоселин была бы рада отказаться, только не знала, как это сделать, чтобы не обидеть Эмму. Она понимала, сколько в этом предложении искренней доброты. Эмма, как и ее младшая сестра Хлоя, пыталась взять ее под свое крылышко. Таким образом, у нее появился шанс не только стать членом их семьи, но и приобрести еще одного надежного союзника.

Одним из первых уроков, которые успела уже преподнести ей эта удивительная семейка, было то, что отнекиваться, когда они о чем-то просят, бесполезно. Отказать Боскаслам не было решительно никакой, возможности. Взять хотя бы ее — разве она может в чем-то отказать Девону?

К тому же она теперь тоже одна из Боскаслов — пусть и формально. Их с Девонем дети, скорее всего, унаследуют не только его имя, но и фамильные черты этой семьи. Ей тоже нельзя оставаться в стороне, подумала Джоселин, другого выхода у нее нет.

Девон был твердо намерен выяснить, кто является автором злополучной статьи, даже если для этого придется искать его на самом краю света — иными словами, в грязных доках верфи Сент-Джайлз. Если потребуется, он сделает это, поклялся Девон. Он до сих пор не мог забыть выражения лица Джоселин. И теперь ему никак нельзя вернуться домой, пока не докажет, что каждое слово в этой статье — подлая ложь. Он и думать забыл о других женщинах после того, как женился на ней.

Он вспомнил муку в ее глазах. Эта чертова статья испортила самое лучшее утро в его жизни.

Девон нетерпеливо понукал коня, пробираясь по запруженным улицам. Внезапно дорогу преградила повозка. Девон негромко выругался сквозь зубы. Интересно, с каких это пор он стал ревнителем домашнего очага? Казалось бы, еще совсем недавно его обиталище закоренелого холостяка было всего лишь местом, где устраивались шумные пирушки, куда можно было вернуться, чтобы перевести дух в перерывах между войной и очередным приключением, иногда даже приютом для воспитанниц академии его сестры.

Почему-то раньше ему и в голову никогда не приходило называть его домом.

— Тысяча чертей! — прогремел у него за спиной знакомый голос. — Что это ты затеял? Решил передавить конем всех нищих на лондонских улицах?

Девон покосился на смуглого широкоплечего джентльмена, управлявшего гнедым меринком с изяществом и ловкостью.

— Ты не вовремя, Дрейк. Я сейчас не расположен, общаться даже с родными.

Старший брат насмешливо покачал головой:

— Неужели? Давно хотел тебя спросить, каково это — стать объектом внимания сразу всех Боскаслов?

— Ну, право, Дрейк, и чего тебе нейдет? Или Элоиза с утра пораньше выставила тебя из дому?

— Нет, конечно, а что? Джоселин тебя уже выставила? — с ехидной ухмылкой подмигнул Дрейк. — Помнится, еще совсем недавно я не знал, как от тебя избавиться. Неужели забыл?

— Отстань!

Широкие плечи Дрейка затряслись от смеха.

— Ну, старина, коль скоро ты в таком паршивом настроении, мне сам Бог велел играть при тебе роль няньки! Кстати, тебе нравится, когда тебя опекает старший брат?

Девон резко натянул поводья.

— Послушай, Дрейк, это мое личное дело! Догадываюсь, что это Грейсон послал тебя следить за мной. Уверяю тебя, мне не угрожает никакая опасность. Но даже если бы и угрожала, я справлюсь без вашей с ним помощи, честное слово!

— Так я тебе и поверил! Ты еще мальчишкой вечно водил меня за нос...

— Я справлюсь сам. Дрейк неохотно кивнул.

— Как угодно, — пробурчал он. — Но я всегда готов тебе помочь — помни об этом, Девон.

Почти три столетия подряд Флит-стрит была обиталищем издателей, книготорговцев и журналистов. К моменту появления на ней Девона Боскасла там как раз вовсю разгорался безобразный скандал, связанный с появлением сомнительных репринтных изданий Шекспира, — во всех тавернах и кофейнях только и разговору было, что об этом.

Благодаря этому Девону не составило никакого труда догадаться, что издатели, копаясь в его грязном белье, просто искали жареные факты, дабы увеличить тираж газеты. Оставалось только удивляться, неужели его частная жизнь настолько кому-то интересна, что совершенно незнакомый человек выложит несколько пенсов, чтобы почитать о них с Джоселин?

Он битых пять часов запугивал, угрожал и улещивал репортеров с Флит-стрит, прежде чем ему удалось-таки, наконец, напасть на след человека, написавшего ту проклятую статью. Последний из издателей, с которыми в этот день пришлось встретиться Девону, так и не признал свою вину — больше того, мерзавец упорно твердил, что его «источник» имеет полное право на анонимность.

Вместо ответа Девон сгрел его за воротник — сейчас он уже горько жалел, что не взял с собой Дрейка. У Девона руки чесались придушить этого ублюдка.

— Все, чего я хочу, — это узнать имя человека, сообщившего вам эту грязную ложь! — прогремел он.

— Д-даже е-если бы х-хотел, все равно бы н-не мог вам с-сказать, м-милорд, — заикаясь, проблеял бедняга издатель, пока разъяренный Девон тряс его, как терьер крысу. — По большей части мы узнаем такие вещи из записок, которые ночью подсовывают нам под дверь.

Девон, наблюдая за тем, как лицо бедняги переливается всеми оттенками пурпурного и фиолетового, какое-то время обдумывал его слова.

— Стало быть, анонимность «источника» вас заботит, а вот достоверность его информации — нет, правильно я понимаю?

— Ну, достоверность в нашем деле не главное, милорд, — осклабился тот.

Девон смерил его уничтожающим взглядом:

— Тогда что же главное?

— Развлечь читателя. Чтобы он раскошеливался и покупал только наше издание.

— Вот как? Очень хорошо, потому что мне как раз известен, очень-очень необычный способ это сделать, — угрожающе прорычал он, посильнее сдавив издателю горло, дабы подкрепить свои слова.

Появление подмастерья в фартуке помешало ему довести это увлекательное занятие до конца. Увидев, как Девон невозмутимо душит его хозяина, мальчишка в растерянности выронил кипу газет.

— Дайте слово, что в вашем паршивом листке никогда больше не появится мое имя! — рявкнул Девон. — Иначе... — Он еще раз хорошенько встряхнул беднягу.

— Никогда! Всем на свете клянусь, милорд! И я не знаю, кто мне дал эти сведения, клянусь, не знаю! А если выясню, тут же дам вам знать, милорд, гореть мне в аду, если я вру!

Девон брезгливо швырнул его в угол. Мальчишка-подмастерье испуганно прижался к стене.

— Я сам поджарю тебя, если выяснится, что ты солгал!

— Нет-нет, милорд!

Девон, облокотившись о конторку, брезгливо разглядывал распростертого в куче смятых газет издателя.

— Ладно. Счастливо оставаться.

Бедняга издатель благоразумно решил не вставать, пока не убедится, что этот грозный посетитель покинул помещение.

— А ты чего стоишь тут, идиот?! — рявкнул он, впервые обратив внимание на испуганно жавшегося в углу подмастерья. — Живо беги в типографию! И если в гранках есть хоть одно упоминание об этом высокомерном дьяволе Боскасле, пусть немедленно вымарают его, слышишь?!

Как ни глупо это звучит, но Девон, наверное, высмеял бы любого, кто бы осмелился предположить, что его сегодняшние подвиги на Флит-стрит являются прямым доказательством любви, которую он начинает испытывать к собственной жене, с которой его свел удивительный случай. Вероятнее всего, он бы заметил, что много лет назад уже делал то же самое, когда речь шла о его сестрах.

Он бы с пеной у рта отрицал, что для его нынешнего поведения имеется серьезная причина. И правда, он ведь поступал так и раньше, и в будущем будет делать то, что велит ему долг. Защищать своих женщин, мужчины их семьи всегда считали делом чести.

Ведь Джоселин теперь принадлежит ему, разве нет? Как-никак она его законная супруга. Но разве это означает, что она непременно должна любить его? Он вдруг вспомнил, как, стоя у алтаря, недвусмысленно дал ей понять, что их брак будет оставаться чисто номинальным. Он даже не дал ей возможности сказать, чего хочет она сама.

Ах да, кажется, она все-таки успела предупредить, что не намерена мириться с его изменами. Как будто у него есть время или желание смотреть на других женщин! Если вспомнить, как они с Джоселин проводят ночи, опасность умереть неудовлетворенным ему явно не грозит.

Так чего же он хочет? Ее.

Он хочет ее.

Оба избегали упоминать об утренней ссоре. И к радости Девона, в постели его ждала та же пылкая, страстная Джоселин, к которой он уже успел привыкнуть. Он поклялся, что сделает все, чтобы заставить ее забыть обо всей боли и обидах, которые она вытерпела от отца, даже если на это потребуется вечность. Позже, тем же утром, он повез ее за город завтракать. Конечно, Девон отлично знал, что встретит парочку старых приятелей, которые примутся допытываться, как это его угораздило жениться, да еще так неожиданно. Так и вышло. Однако, проведя в их обществе, несколько минут, Девон вдруг с удивлением почувствовал, что начинает скучать. К тому же Джоселин куда-то исчезла — одно это уже выводило его из себя, потому что по какой-то ему самому непонятной причине Девон предпочитал, чтобы она постоянно была у него на глазах.

Он твердо решил не дать ей ни малейшего повода жаловаться на его невнимание — особенно после того, что произошло в парке. И тем более после того, как его личную жизнь принялись обсуждать в газетах.

Девон быстрыми шагами пересек лужайку и обнаружил жену, сидящей под голубым шелковым зонтиком в обществе еще нескольких молодых дам и довольно заносчивого француза, графа де Вобана, аристократа и эмигранта, и его очаровательной и невероятно распутной сестры Соланж. Девон нахмурился — не самая лучшая компания для его жены, угрюмо подумал он. Он вдруг поймал себя на том, что, на фоне его распутных приятелей чистота и порядочность его жены действуют на него как-то удивительно благотворно.

Он не спеша, направился к их маленькой компании. И тут же, к вящему своему неудовольствию, заметил, в какую соблазнительницу мало-помалу превратилась его жена. Он не мог оторвать от нее глаз. Вот она в ответ на какое-то замечание Соланж изящно пожалала узкими плечами, и сердце Девона гулко забилося. Потом он услышал ее серебристый смех, заметил кокетливую улыбку, которую она послала французскому графу, о котором ходили темные слухи, — поговаривали, что он предпочитает мальчиков, во всяком случае, он имел наглость во всеуслышание объявить, что среди английских леди нет ни одной по-настоящему красивой женщины, — и машинально ускорил шаги.

Однако первое, что Девон услышал, подойдя к ним, — это то, как господин граф, поцеловав кончики пальцев, назвал его жену прелестной.

— Мы с Соланж хотим пригласить вас обоих летом приехать в наш замок, — вопросительно оглянувшись на Девона, объявил Вобан.

Лорд Боскасл, не удостоив седовласого аристократа взглядом, покосился на внезапно смутившуюся жену. В чем дело? Неужели она боится его? Думает, что он рассердится, если она ненадолго выберется из своей раковины?

— И что вам ответила моя жена? — с интересом спросил он.

Француз недовольно фыркнул:

— Что ей нужно спросить вашего согласия. Но я уверен, вы не сможете ей отказать. Тем более что благодаря окончанию войны дороги стали намного безопаснее.

— Правда, сам замок изрядно разрушили победители Бонапарта, — с извиняющимся видом вмешалась Соланж.

Граф слегка нахмурился.

— Верно... хорошо хоть яблони остались.

— Вы предлагаете отправиться в такую даль ради того, чтобы полюбоваться яблонями? — пробормотала Джоселин, бросив на мужа долгий взгляд.

От этого ее взгляда в голове у Девона внезапно, будто что-то взорвалось. Неужели... она кокетничает с ним? Он с трудом подавил желание схватить ее за руку и немедленно отвезти домой, где она будет принадлежать ему — ему одному. Может быть, Джоселин тоже не может забыть прошлую ночь? Дьявольщина, и чего ему только взбрело в голову привезти ее сюда? В конце концов, проявлять внимание к собственной жене вполне можно и дома.

Граф де Вобан уронил монокль.

— В наших фамильных оранжереях растет запретный плод, — тонко усмехнулся он. — Поверьте, ничего слаще я в жизни своей не пробовал!

Девон перевел взгляд на жену, ожидая, что она скажет. К его облегчению, она лишь рассмеялась. Джоселин — самое очаровательное существо на свете, подумал про себя Девон, и ему совершенно не обязательно видеть, какими глазами смотрят на нее другие мужчины,

чтобы это понять. Может, до сих пор он и пренебрегал обязанностями мужа, но больше этого себе не позволит.

По дороге домой они с Джоселин не обсуждали полученное ими приглашение. Однако эта сцена навела Девона на неожиданную мысль. Может, Джоселин всегда обладала особой женской притягательностью — просто ему не хотелось этого признавать?

Он уже понял, что она готова была полюбить его... возможно, даже это произошло в их первую брачную ночь. А он, сколько было сил, старался закрывать на этого глаза.

Будучи одним из Боскаслов, он привык, что женщины сами вешаются ему на шею, и не слишком дорожил своими любовными победами. Да и может ли мужчина гордиться тем, что завоевал сердце собственной жены? Может — потому что именно этого он и хотел. Девон мечтал покорить не только ее тело, но и душу, добиться ее полного доверия — иначе говоря, стать повелителем ее души и тела.

— Я сегодня почти тебя не видела, — заметила Джоселин, когда они вошли в дом. — Надеюсь, ты приятно провел время со своими друзьями? — отдав дворецкому перчатки, поинтересовалась она.

Девон молча проводил глазами поднимающуюся по лестнице жену. Он даже не сразу сообразил, что она не стала ждать, пока он ответит. Обычный вежливый вопрос, не более того, с горечью подумал он. Можно подумать, перед ней просто знакомый, а не муж. Сердце у него защемило. Она держалась с поразительным достоинством — отчужденно, холодно и замкнуто.

— Замечательно, — проворчал он. — Лучше не бывает.

— О, это чудесно, — беззаботно бросила она. — Я тоже повеселилась. Поразительно, как эти французы умеют наслаждаться жизнью!

Девон вдруг поймал себя на том, что злополучный граф де Вобан сейчас интересуется его меньше всего.

— Ты же знаешь, он не любит женщин.

Джоселин обернулась. На губах у нее играла загадочная улыбка.

— Говорят...

— Уверяю тебя, так оно и есть.

— Мне это безразлично, Девон, — тем же беззаботным тоном бросила она.

Опешив, он молча смотрел, как она скрылась за дверью своей комнаты. Похоже, Джоселин дразнит его. Но он не такой дурак, чтобы попасться на этот крючок. А может быть, она сознательно хочет вызвать его ревность?

Тем же вечером он повез жену на тихий званый ужин, который давал у себя дома герцог Данхилл, один из старинных друзей его семьи. Его светлость уже одиннадцать лет как овдовел. Он был очень привязан в своей простоватой, но очень милой жене и, судя по всему, не стремился обзавестись ни новой супругой, ни любовницей. Оставшись вдовцом, он всецело посвятил себя политике и общественной жизни. Теперь его занимали только два вопроса — борьба с рабством и тюремная реформа.

Герцогу уже стукнуло шестьдесят два года — это был грубоватый на вид старый аристократ, становившийся все нетерпимее с каждым разом, когда Девон приезжал его навестить, — к счастью, такое бывало нечасто. Девон, уважая старого герцога, старался при этом, насколько возможно, избегать его общества.

Данхилл задирали каждого, кто имел неосторожность заехать к нему в гости. Девон боялся, что Джоселин, не привыкшая к его ершистым манерам, растеряется или вообще

обидится.

— Герцог на редкость сварливый старикашка, — шепотом предупредил он, пока они ждали под дверью. — Он презирает общество.

— А что же он любит? — удивилась она.

— Браниться по любому поводу.

— Тогда для чего он пригласил нас?

— Чтобы поворчать.

— Ага, попался, наконец, негодник! — со злорадной ухмылкой бросил Данхилл в виде приветствия, встретив Девона с женой на пороге мрачноватой гостиной. Судя по стоявшему там лютному холоду, герцог был типичным скрягой, считавшим каждый кусок угля. Схватив слегка опешившую от такого приема Джоселин за руку, он отвел ее в сторонку, пока остальные гости проследовали в столовую.

— Что вы знаете о собаках, мадам? — рыкнул он, свирепо топнув ногой на мопса, который с угрожающим видом устремился к Джоселин, вознамерившись обнюхать ее туфли.

Мопс, ничуть не испугавшись, извивался всем своим тучным тельцем и отчаянно сопел, тыкаясь тупорылой мордочкой в руку Джоселин. Присев на корточки, она ласково почесала атласную спинку.

— Ну, могу сказать, что мне собаки нравятся куда больше, чем некоторые люди, — откровенно заявила она.

— А как вам удалось подцепить этого сорванца Боскасла? — без обиняков спросил он.

Джоселин передернуло. В глазах ее вспыхнула такая боль, что у Девона сжалось сердце. «Проклятый старикашка», — выругался он про себя.

— А может, это он меня подцепил?

— Ну, уж нет, — фыркнул герцог. — Не морочьте мне голову! Надеюсь, он хорошо с вами обращается?

— Да, регулярно выводит меня на прогулку, кормит, ну и все такое.

— Время от времени швыряет вам сахарную косточку, да? — фыркнул герцог.

— Простите?

— Прочел в газете, что он провел веселый вечерок в обществе одной прелестницы с Брутон-стрит. С Одри Уотсон.

Щеки Джоселин запылали огнем, однако она мужественно встретила его взгляд.

— Мало ли чего там пишут — например, что вы забавы ради вылили ночной горшок на проезжающую под окнами карету! — отрезала она.

— А это чистая правда! — развеселился герцог. — Ненавижу аристократов! Всегда их ненавидел! Самые несносные люди в мире!

Джоселин заглянула в печальные глаза мопса. На губах ее мелькнула усмешка.

— Боюсь, — брякнула она, даже не успев сообразить, что говорит, — выливая содержимое ночных горшков на головы ничего не подозревающих людей, вы вряд ли добьетесь уважения со стороны аристократии.

— Видели бы вы их лица, когда я проделал это в первый раз! — закудахтал герцог.

Джоселин, позволив мопсу обнюхать ей волосы, распрямилась.

— Смешная собачонка, — пробормотала она. — Сопишь как поросенок. Но мордочка у тебя милая. Ты мне нравишься.

Герцог молча стащил с ноги башмак и швырнул его в угол. Мопс, сопя, бросился за ним,

схватил башмак в зубы и положил его к ногам Джоселин, после чего умильно завил хвостом, явно ожидая награды.

— Вам никогда не говорили, что женщине подобная прямолинейность не к лицу? Неужели вам не объясняли, что нельзя говорить все, что думаешь, не рискуя показаться невежливой?

— Говорили, конечно, — тяжело вздохнув, призналась Джоселин.

Герцог смерил ее взглядом.

— Терпеть не могу прямодушных женщин. С ними не знаешь, как себя вести.

— Ваша светлость, мне очень жаль...

— Они напоминают мне мою жену. Взгляды их скрестились.

— Вот как?

— Да. Единственную женщину в этом чертовом мире, у которой хватало мужества говорить мне правду. Знаете, я скучаю по ней. Жаль, что я пережил ее.

— Мне очень жаль...

— Да бросьте вы! С чего бы вам жалеть, когда вы в глаза ее никогда не видели?

Джоселин растерянно потрясла головой, потом оглянулась, отыскивая взглядом мужа. Перехватив ее взгляд, Девон с любопытством покосился на развалившегося на диване герцога.

— Весьма признателен, ваша светлость, что вы любезно составили компанию моей жене, — проговорил он голосом, до такой степени не похожим на его обычный легкомысленный тон, что Джоселин даже слегка удивилась.

— Будь я проклят, если понимаю, как вам удалось подцепить такую потрясающую жену, — буркнул герцог.

— Может, мне просто чертовски повезло, — бросил Девон, решительным жестом притянув Джоселин к себе.

— Не упустите ее, — с вздохом сказал старый герцог. — У этой женщины есть мозги!

— Это точно, — помолчав, согласился Девон.

— Вы заметили, я сказал — мозги, а не красота. Красота — штука преходящая.

— Мне кажется, на отсутствие красоты ей тоже грех жаловаться, — решительно заявил Девон.

— Конечно, кто спорит, — пробурчал старый герцог, отпихнув сопевшего мопса. — У вас прекрасная жена, молодой человек. И вы просто осел, если до сих пор не поняли этого. Боюсь, вы не заслуживаете такого счастья. Сами будете виноваты, если она превратится в шлюху.

— Ваша светлость... — Джоселин окончательно растерялась.

— Я был бы весьма признателен, ваша светлость, если бы вы впредь избегали подобных выражений, говоря о моей жене, — прорычал Девон, моментально забыв об узах старой дружбы, которые связывали герцога с их семьей.

— Ну, я ведь не сказал, что она шлюха, — осклабился старый герцог. — Пока не сказал.

По дороге домой Девон не сводил глаз с лица жены, смутно белеющего в темноте кареты. Когда на него падал свет редких фонарей, оно, казалось, было таким же, как всегда — ничем не примечательным личиком провинциальной барышни. Но стоило только лошадям прибавить шагу, как лицо отодвинулось в тень, и вот уже перед ним снова сидит та самая загадочная красавица, которую он так отчаянно желал и чьей любви пока ничем не

успел заслужить.

Сердце Девона внезапно пронзила острая боль. Сначала он принял ее за тоску по чему-то несбыточному, чего не бывает в жизни, только ощущение оказалось гораздо более мучительным. И, что хуже всего, с каждым днем оно все росло...

Впервые он почувствовал это в тот день, когда повез Джоселин за город.

— Ты сегодня приобрела еще одного союзника, — пробормотал он, скорее всего для того, чтобы избавиться от этой мысли. — Честно говоря, меня мучила совесть, что я бросил тебя старику на растерзание. Но когда я вернулся...

Джоселин закусила нижнюю губу. Непонятно почему, это вдруг умилило его.

— Сама не понимаю, как это вышло, — бесхитростно пробормотала она. — А уж если вспомнить, что я сказала по поводу этой его привычки выливать содержимое ночного горшка на головы прохожих...

Брови Девона поползли вверх. Еще минуту назад она казалась коварной обольстительницей... а сейчас перед ним снова сидела его простодушная Джоселин.

— Неужели он сознался? — потрясенно спросил он.

— И при этом было страшно горд собой. — Она покачала головой.

— Ну-ну... — Девон откинулся за спинку сиденья.

Он невольно залюбовался своей женой. Герцог прав: не только красоты, но и ума ей не занимать. Недаром он весь вечер не сводил с нее глаз — даже не помнит, что ел, да и ел ли вообще.

Внезапно он поймал себя на том, что был бы счастлив никогда никого не видеть, кроме нее. Эта мысль словно громом поразила его, и Девон застыл, невидящим взглядом уставившись в темноту.

Может, ему станет немного легче, если он постарается тем или иным способом выказать ей свои чувства? Однако обстоятельства не позволили этого сделать: все последующие дни Девон почти не виделся с женой, хотя и не по своей воле.

Вернувшись от герцога, он обнаружил ожидавшееся его письмо — один из офицеров полка, в котором он некогда служил, скоропостижно скончался. Бывшие сослуживца ожидали, что Девон прибудет на похороны, чтобы отдать покойному последний долг.

Похороны должны были состояться в Брайтоне — это означало, что ему придется отсутствовать несколько дней. И хотя Девону очень не хотелось разлучаться с Джоселин, однако покойный умер холостяком. Он понимал, что присутствие женщины окажется неуместным.

Дни, которые он провел вдали от жены, лишь обострили чувства, в которых он до сих пор боялся признаться даже самому себе. Разлука с ней, казалось, высасывает из него все жизненные соки. Старые друзья выглядели всего лишь призраками, напоминавшими о его прежней жизни.

Они вспоминали минувшие дни, сражения, в которых участвовали, вместе оплакивали того, с кем некогда воевали плечом к плечу. Но Девон ловил себя на том, что с нетерпением ждет возможности поскорее отдать старому товарищу последний долг, чтобы вернуться домой, обнять жену и — да что тут скрывать? — вновь стать самим собой.

При первой же возможности он бросился в Лондон, трясся в карете всю ночь, чтобы с горечью убедиться, что Джоселин нет дома. Всю долгую дорогу домой Девон предвкушал, как она бросится ему на шею. Как он на руках отнесет ее в спальню. А вместо этого он вошел в пустой дом и в полном одиночестве сел за накрытый к завтраку стол, где его уже

ждали кофе и утренняя газета.

— Где моя жена? — спросил он заглянувшую в столовую экономку.

Миссис Хэдли явно смутилась:

— Мне кажется, милорд, она с утра собиралась заехать в академию. Во всяком случае, она так сказала.

— Ну, раз она так сказала, значит, она там? Или нет?

— Н-не знаю, милорд.

— Тогда что...

— Прошу прощения, милорд, — попятившись к двери, смущенно пробормотала миссис Хэдли. — По-моему, ваши тосты горят. — И быстро выскользнула из столовой.

Поспешное бегство экономки подсказало Девону: что-то здесь не так.

То, как лакей, поставивший перед ним тарелку с подгоревшими тостами, поспешил бесшумно испариться, только укрепило его подозрения.

А уж когда в дверях неожиданно возник дворецкий Тисл, приходившийся братом Уиду, старшему лакею в доме маркизы, да еще с таким зловещим выражением лица, что у Девона екнуло сердце, чаша его терпения окончательно переполнилась.

— Проклятие, почему сегодня все ходят с похоронным видом? — не выдержал он. — Кто-то еще умер, пока меня не было?

Тисл с трудом распрямил согбенную спину.

— Каждый день кто-то умирает, милорд, — туманно заявил он.

— И что все это означает?

Пробормотав что-то невразумительное, Тисл поспешил исчезнуть.

Ответ на этот вопрос Девон нашел в утренних газетах. И ответ этот, как и следовало ожидать, его не обрадовал.

Супругу небезызвестного «лорда Д.» обвиняли в том, что она изменяет мужу, причем проделывает все это прямо под носом доверчивого роконосца. Девон прочел статью несколько раз, прежде чем до него, наконец, дошло, что автор статьи имеет в виду Джоселин и его собственный нос. Анонимный репортер сообщал также, что молодая супруга «лорда Д.» поддерживает недвусмысленные отношения с преподавателем латыни, валлийцем, с которым она встречается в доме ничего не подозревающей об этом сестры ее собственного мужа.

Оскорбительная статья была напечатана не в типографии того бедняги издателя, которого Девон запугал накануне. Весь этот ушат грязи вылил на него один бульварный листок, печатавшийся где-то в районе Уайтфрайерс. И это дало Девону повод к весьма неприятным размышлениям.

Выходит, либо у него появился неизвестный враг, либо... либо Джоселин действительно изменяет ему прямо у него под носом.

— Этого не может быть! — рявкнул он.

— Конечно, нет, милорд, — пробормотала миссис Хэдли, убирая со стола нетронутую тарелку с тостами и скорбно качая головой, — Грязная ложь — вот что это такое!

И хотя у него и в мыслях не было поверить автору статьи, хотя он сам еще совсем недавно уговаривал ее не обращать внимания на все эти сплетни, Девон почувствовал, как у него сжалось сердце.

Этот мерзавец обвиняет Джоселин в измене!

Ну, нет, он этого так не оставит! Он так резко поднялся из-за стола, что испуганный

лакей, собиравший тарелки, едва не выронил поднос.

— Вы уходите, милорд? — пробормотал он, подхватив на лету тарелку.

— Да.

— Прикажете вас сопровождать?

— Нет.

Он нанесет жене неожиданный визит, решил Девон. И помоги ей Бог, если написанное в статье окажется правдой. Потому что тогда все завтрашние газеты будут кричать об убийстве, которое он совершил в Мейфэре!

Только на этот раз это будет чистая правда.

Сестра Эмма поздоровалась с ним вежливо, однако без особой сердечности — появление Девона прервало урок, который она давала своим воспитанницам. Коротко кивнув, она провела его в кабинет старшего брата — лорд Хит и его жена Джулия гостили у своих друзей в Шотландии, и Эмма на время их отсутствия перебралась со своими ученицами в пустующий дом.

— Надеюсь, девочки не успели тебя разглядеть, — невозмутимо заявила она. — Половина моих учениц вбили себе в голову, что влюблены в тебя, братец. Не скрою, мне бы очень не хотелось, чтобы они витали в облаках, вместо того чтобы учиться.

— Да благословит их Господь, — ухмыльнулся Девон.

— И да защитит он их от таких повес, как ты, дорогой мой. — Эмма сердито забарабанила пальцами по столу. — А теперь, раз уж мы помолились вместе, могу я спросить, что привело тебя сюда, да еще в такое время?

— Хотел увидеть свою жену.

— Жену? — непонимающе переспросила Эмма.

— Да. Будь так любезна, позови ее. Мне нужно кое-что ей сказать. — Эмма растерянно уставилась на него с таким видом, словно он нес полную чушь, и Девон вдруг почувствовал себя ослом. — Это касается одной статьи в утренних газетах, — спокойно добавил он. Эмма испуганно вытаращила глаза: — Что наша семейка натворила на этот раз? Губы Девона побелели от напряжения.

— Ничего. Я тут тоже ни при чем. И больше никаких вопросов, прошу.

— Молчу, молчу... — с чувством сказала Эмма. — А что...

— Где моя жена? — оборвал ее Девон.

— Они с Шарлоттой отправились порыться в старых сундуках — нужно подыскать костюмы для девочек. Мы решили поставить любительский спектакль.

— Значит, с Шарлоттой, — повторил Девон, словно желая увериться, что не ослышался.

Разумеется, все это вздор, твердил он себе. Джоселин не способна вытворять такое, да еще под носом у Эммы. Как он мог попасться на удочку этого мерзавца?! Он оскорбил Джоселин уже тем, что поверил в эти сплетни.

— Кажется, я слышу их шаги. И грохот, — добавила Эмма. — Девон, с тобой все в порядке? — вдруг забеспокоилась она.

Девон расплылся в улыбке. Значит, его жена с Шарлоттой, все в порядке.

— Пойду, помогу им, сундук наверняка тяжелый, — пробормотал он, внезапно сообразив, что обязан придумать благовидный предлог, чтобы объяснить свое неожиданное появление. Девон скорее откусил бы себе язык, чем согласился признать, что хотя бы на минуту поверил в эту грязную сплетню.

— Я уже послала наверх мистера Гриффина им помочь, — пробормотала Эмма, сверля

его подозрительным взглядом.

— Он валлиец? — встрепенулся Девон.

— Да. А что?

У Девона вдруг пересохло в горле.

— Преподаватель латыни?

— И латыни тоже. — Эмма смущенно улыбнулась. — Вообще-то он преподает несколько предметов.

Девон украдкой бросил взгляд на лестницу. Никакого грохота или шагов он не слышал. Зато определенно различал смех... сдавленное хихиканье и... да, звучный мужской голос. Проклятие!

— Похоже, кому-то наверху очень весело, — с кривой усмешкой заметил он.

— Даже слишком, — сухо буркнула Эмма. — Боюсь, в ней заговорила кровь Боскаслов.

— Она моя жена, — мрачно отрезал он. — Конечно, муж может подавать жене дурной пример, но при чем тут кровь Боскаслов, позволь спросить?

Эмма удивленно моргнула.

— Вообще-то я говорила о Шарлотте, Девон, — пролепетала она. — Она ведь наша кузина.

— Проклятие, я знаю, кем нам приходится Шарлотта! — прорычал Девон. Хотя, если честно, сейчас уже почти не помнил, кем является он сам. Вернее, в кого он понемногу превратился.

Эмма решительно поднялась из-за стола:

— Я должна вернуться к моим ученицам. А ты, будь добр, попроси их вести себя потише!

Мгновением позже, вихрем взлетев по лестнице, он уже стоял у дверей — даже уже поднял руку, собираясь постучать. Но, услышав голос Джоселин, так и замер с поднятой рукой.

— ...где мука перемешана с блаженством ^[4]. С блаженством... Вот осел!

Рассудок твердил, что ему не о чем волноваться. Сохрани Девон способность соображать, он бы просто постучал, чтобы его заметили.

Однако к несчастью, врожденный инстинкт, тот самый, который он унаследовал от своих необузданных предков, побуждавший их держать своих женщин взаперти, дабы не подвергать ненужным соблазнам, оказался сильнее.

Толкнув дверь, Девон ворвался в комнату. Само собой, не постучавшись.

Его жена азартно рылась в сундуке, перебирая охапки старинной одежды, — вернее сказать, речь шла исключительно о задней ее части, красовавшейся на виду, поскольку все остальное скрылось в сундуке. Рядом с ней, с любопытством заглядывая ей через плечо, топтался какой-то молодой человек, которого Девон поначалу принял за цыгана, в свободного покроя рубашке и черных бархатных штанах.

Девон многозначительно кашлянул. Ни Джоселин, ни юноша, похоже, его не замечали.

— Застигнуты на месте преступления, — громко объявил он, прислонившись спиной к двери, чтобы хорошенько разглядеть обоих.

Джоселин удивленно оглянулась.

— Да. Акт пятый, сцена вторая из «Антония и Клеопатры», — машинально кивнула она. И вдруг просияла, узнав мужа: — Девон, это ты?! Ты уже вернулся? Когда?

Ее спутник резко обернулся. Лицо его стало хмурым. В руке он держал моток шпагата.

— Мы тут искали змею, милорд, — смущенно пробормотал он. — Нам позарез нужна змея... для спектакля.

Это было сказано с такой простодушной прямоотой, что Девон заставил себя улыбнуться, но улыбка получилась кривой.

— Ну, за змеей недалеко ходить...

Мистер Гриффин едва не выронил моток с бечевкой. Джоселин выпрямилась, лицо ее стало медленно заливаться краской. Оба мигом сообразили, что Девон в бешенстве, еще до того, как тот понял, что его гнев выглядит до крайности глупо: ведь в комнате находился еще один человек, оказавшийся свидетелем его дурацкой вспышки.

Этим свидетелем была кузина Шарлотта, с головы до ног закутанная в простыню, которая, видимо, изображала тогу, и с золотой повязкой на голове, съехавшей на один глаз. В руке она держала корзинку.

— Какого дьявола ты так вырядилась? — брякнул он первое, что пришло ему в голову.

— Я играю роль Чармиан, служанки Клеопатры. Мистер Гриффин робко кашлянул.

— Наверное, я пойду. Леди Лайонс, возможно, нужна моя помощь...

— Да, конечно, так будет лучше, — мягко кивнула Джоселин.

Она повернулась к мужу. Молодой валлиец благоразумно предпочел удалиться. Зато Шарлотта таращилась на них, стараясь ничего не упустить.

Девон прикрыл лицо ладонью.

— Похоже, я вел себя как полный идиот... Джоселин с Шарлоттой обменялись удивленными взглядами.

— Возможно, тебе все это показалось довольно странным...

— Вовсе нет, — не отрывая глаз от ее лица, пробормотал он.

— Я рада, что ты вернулся, Девон, — прошептала Джоселин.

Он улыбнулся. Жаль, что они не одни.

— Я тоже рад.

Джоселин никак не могла понять, что за перемена произошла в ней за последние пару недель. Ей теперь ужасно не доставало мужа, особенно по ночам, хотя его родные, надо отдать им должное, из кожи лезли вон, стараясь, чтобы она не скучала.

Она целыми днями пропадала в академии, с удовольствием помогая Эмме с Шарлоттой, а дома ее охватывала тоска, особенно когда она вспоминала, что Девон вернется только через несколько дней.

Накануне, поужинав в одиночестве, она решила, что муж, приехав из Брайтона, сразу же отправится в академию. Так и случилось.

И что же он увидел?

Копаящуюся в сундуке жену и бедного мистера Гриффина, стоявшего рядом с виноватым видом, хотя он не делал ничего дурного. Только теперь до нее дошло, что Девон ревновал. Конечно! Он ведь ворвался в комнату с таким видом, будто должен был застать...

Одному Богу известно, что он ожидал застать. Любовную сцену, может быть? При одной только мысли об этом Джоселин затряслась от смеха. Она вдруг вспомнила, как он возмущался, когда она стала подозревать его в неверности из-за той проклятой статьи. Может, нечто подобное произошло и на этот раз? Что, если Девон, вернувшись из Брайтона, наткнулся на газету, из которой узнал, что его жена изменяет ему с бедным мистером Гриффином?

Обычная грязная сплетня, не более того. И хотя Джоселин скорее умерла бы, чем призналась в этом, однако в глубине души она была безумно счастлива, сообразив, что она и ее распутный супруг ненадолго поменялись ролями.

Если Девон так рвался домой лишь затем, чтобы увидеть ее... если, не застав ее там, бросился в академию, чтобы объявить, что вернулся, и застал ее в комнате с другим мужчиной... Джоселин удовлетворенно вздохнула.

Конечно, ей бы и в голову не пришло сердить Девона, чтобы заставить его ревновать. Но раз уж так вышло... Джоселин спрятала улыбку — она до сих пор не могла забыть, какое потешное лицо было у Девона, когда он смотрел на нее.

Лицо человека, который ведет отчаянную борьбу с самим собой и заранее знает, что проиграл.

И надо же было такому случиться, что ее не оказалось дома, когда он вернулся.

А теперь он снова куда-то ушел... и она опять осталась одна. Немного подумав, она звонком вызвала миссис Хэдли — Джоселин давно уже успела понять, что экономка полностью в курсе всех дел своего хозяина, вне зависимости от того, одобряет она их или нет. От ее бдительного ока ничто не могло укрыться.

— Скажите, миссис Хэдли, мой муж успел прочесть ту гадкую статью в утренних газетах? Мне казалось, их все выкинули, разве нет?

— Да, мэм, конечно, — с расстроенным видом закивала экономка. — Все, что вы видели, я своими руками отправила в мусорное ведро. К несчастью, кто-то сунул одну газету в пачку писем для лорда Девона. Какой-то дьявол постарался, не иначе!

— Но зачем? — поразились Джоселин.

— Понятия не имею. Может, одна из этих шлюх решила таким образом поссорить вас с хозяином. Больше этого не случится, даю вам слово. Мы с Тислом с нынешнего дня решили читать все, что приносят в дом, кроме личных писем, разумеется.

— Спасибо, миссис Хэдли.

Экономка направилась к выходу. Уже возле самой двери она нерешительно оглянулась.

— Люди вечно сплетничают об этой семье, мэм, — со вздохом пробормотала она.

— Господи, помилуй, но почему?

— Что — почему? — раздался голос Девона. Джоселин поспешно встала.

— Девон, боюсь, к ужину ты опоздал, — мягко сказала она. — А жаль, потому что на ужин был ягненок с молодым горошком. Хочешь, попрошу миссис Хэдли приготовить тебе что-нибудь на скорую руку? Наверное, ты проголодался...

— Не стоит. Я только что пообедал с Хлоей и Домиником. Собственно, я не собирался — просто заглянул к ним проведать Хлою, ну а они уговорили меня остаться.

Ее всегда восхищало, как он привязан к своей семье.

— И как она?

— Лучше, мне кажется. Жаль, что я не предупредил тебя, что буду поздно. Просто не подумал, что ты станешь волноваться. Я думал...

— Что же?

Медленно обернувшись, Девон обнял жену.

— Я думал, ты злишься на меня. После того, что случилось сегодня, — смущенно объяснил он.

— Между прочим, я ведь до сих пор не знаю, что произошло, — усмехнулась она.

Девон заглянул ей в глаза:

— Неужели?

— Ты прочел ту статью? — смущенно спросила она.

— Да. Скажи, что все это неправда.

— От первого до последнего слова, — улыбнулась она. Он нагнулся, чтобы поцеловать ее.

— Я так и думал.

— Ты, наверное, устал? — спросила она. В следующее мгновение его губы прижались к ее губам.

Девон рассмеялся:

— Не настолько, чтобы тотчас не отправиться с тобой в постель. Все, чего я хочу, — это ты.

Грейсон, маркиз Седжкрофт, решил устроить в своем роскошном особняке на Парк-лейн небольшой костюмированный бал по настоятельной просьбе Эммы. Не то чтобы для этого Грейсону требовалась особая причина или он привык прислушиваться к советам Нежного Диктатора, как ласково звали Эмму в семье, вовсе нет.

Собственно говоря, в последние годы он научился виртуозно пропускать мимо ушей все советы сестры, касающиеся светских развлечений. Бог свидетель, жаловался он, если следовать всем советам Эммы, недолго и умереть со скуки. Беда в том, что после смерти матери Эмма взялась по-матерински опекать братьев. А заодно и весь мир. Если что-то шло не так, Эмма считала своим долгом немедленно это исправить. Конечно, она хотела, как лучше, но, черт побери, возмущался Грейсон, так и до психушки недалеко!

И вот теперь Эмма принялась постоянно сетовать на то, что Хлоя все никак не может оправиться от горя после выкидыша. Ей нужно непременно развеяться, твердила она. Да и у Девона с Джоселин, по ее мнению, семейная жизнь складывалась не слишком гладко. Близкие обязаны их поддержать, наседала она на Грейсона, этот бал разом положит конец всем грязным сплетням, от которых последнее время просто житья нет.

Возможно, поддержка семьи, в свойственной ей кроткой манере уверяла Эмма, — это как раз то, что поможет Девону с Джоселин понять, что они просто созданы друг для друга!

Против последнего довода у Грейсона аргументов не нашлось. Тем более что и Джейн, его собственная жена, советам которой в подобных вещах он привык безоговорочно доверять, полностью разделяла мнение Эммы. По странной иронии судьбы, у самой Джоселин не было ни малейшего желания ехать на бал. Да и у Девона тоже, как вскоре выяснилось. В результате у Грейсона появилась новая головная боль — учитывая, что этот самый бал и затевался исключительно для того, чтобы укрепить их брак.

Впрочем, никому из приглашенных, включая и членов семейства Боскаслов, и в голову бы не пришло отклонить приглашение маркиза, так что все, что оставалось Грейсону, — это составить список гостей — об остальном можно было не беспокоиться.

Выйдя из кареты, Джоселин поправила тяжелую золотую повязку на лбу. Возможно, выбранный ею для маскарада костюм Клеопатры кому-то показался бы слишком банальным, но ничего другого просто не оказалось под рукой, а от Девона в этом смысле помощи ждать было нечего. Он, похоже, тоже не горел желанием ехать на бал.

Джоселин и сама толком не могла понять, откуда взялась эта странная усталость, из-за которой она постоянно чувствовала себя разбитой. Вот и теперь она с большим удовольствием осталась бы дома. Ее месячные, обычно регулярные, в этот раз почему-то задерживались. Может, все дело в этом, думала она. Не потому ли у нее то и дело меняется настроение?

Стоило только Девону взглянуть на нее, как на глаза у нее моментально наворачивались слезы. А когда он вообще на нее не смотрел, Джоселин едва удерживалась от того, чтобы не зарыдать.

Но что хуже всего, не успели они переступить порог элегантного особняка Грейсона, как Девон моментально куда-то исчез. Джоселин совсем уже собралась обидеться, но тут ее невестка Джейн, заметив, как у нее задрожали губы, поспешила отвести ее в сторонку. По ее словам, это была семейная традиция — у Девона с братьями давно уже вошло в привычку в

таких случаях уединяться в кабинете Грейсона, чтобы выпить по бокалу бренди.

— Знаешь, как они это называют? Мужской разговор, — хихикнула Джейн. — На самом деле это означает, что они обмениваются вульгарными шуточками и то и дело хлопают друг друга по плечу, словно они медведи какие-то, а не братья! И еще называют себя цивилизованными людьми!

Джоселин втайне позавидовала снисходительности, с которой маркиза относилась к привычкам супруга. Но куда сильнее она завидовала пылким взглядам, которыми обменивались Грейсон и Джейн, когда думали, что их никто не видит. Судя по всему, супружество не смогло притупить страсть, которая связывала эту пару.

— Какой соблазнительный туалет! — воскликнула Джейн, окинув восхищенным взглядом египетскую тунику Джоселин. — Клеопатра, угадала?

— Да. — Джоселин слегка нахмурилась. — Чувствую себя какой-то голой, — пожаловалась она, — но это все, что удалось отыскать.

— А почему тогда Девон не оделся Марком Антонием? — хихикнула Джейн. Сама она выглядела просто очаровательно: костюм дриады — полупрозрачная травянисто-зеленая туника с венком из шелковых веток в волосах — был ей удивительно к лицу. А Грейсон, одетый римским гладиатором, производил на редкость внушительное впечатление.

Подхватив Джейн под руку, Джоселин потащила ее в комнату, где для гостей был сервирован стол.

— Как-то не пришло в голову спросить, — улыбнулась она.

— Слава Богу, ему хотя бы хватило ума не одеться как грабителю с большой дороги, — захихикала Джейн.

Джоселин слегка растерялась.

— А вы с ним были уже знакомы, когда... Закончить она не успела — толпа вновь появившихся гостей закружила Джейн и увлекла ее за собой. Молодая маркиза быстро стала хозяйкой одной из самых модных лондонских гостиных, а это, разумеется, ко многому обязывало.

Джоселин почувствовала себя брошенной. Она совсем было, расстроилась, как вдруг заметила Хлою, которая приветливо махала ей рукой.

Она радостно двинулась к ней и тут же споткнулась, наткнувшись на кого-то в толпе. Джоселин растерянно подняла глаза и испуганно попятилась, увидев стоявшего рядом высокого мужчину в монашеской одежде. Из-за низко опущенного на глаза капюшона она не смогла разглядеть его лицо — заметила только мужскую руку, крепко сжимавшую висевшее на груди массивное распятие.

— Прошу прощения, мадам.

— Все в порядке. Я сама вас толкнула.

Краем глаза Джоселин заметила Уида, старшего лакея в доме Грейсона, сверлившего ее подозрительным взглядом. Из-за крючковатого носа он напомнил ей какую-то хищную птицу. Джоселин испуганно сжалась — ей вдруг показалось, что Уид собирается отчитать ее за то, что она такая неуклюжая. Что делать — на этих балах вечно была такая толкотня, что наткнуться на кого-то в толпе было самым обычным делом.

Внезапно чьи-то железные пальцы стиснули ее запястье. Джоселин, вздрогнув, попыталась высвободиться.

— Сколько миль до Вавилона? — услышала она шепот монаха. Не успела она испугаться окончательно, как железная хватка разжалась, и монах растворился в толпе.

Что за чушь он спросил? И этот голос. Этот тяжелый немигающий взгляд. Кто это? Кто-то из знакомых? Ей стало не по себе.

— Могу я чем-то помочь, миледи? — осведомился из-за ее спины другой голос.

Мгновенно смутившись, Джоселин обернулась. Позади нее стоял старший лакей. Выражение лица у него было каменное, однако угрюмый взгляд Уида был прикован к удаляющейся фигуре в черном монашеском одеянии.

Слегка порозовев от смущения, Джоселин гадала, видел ли Уид утренние газеты. Возможно, он считает ее недостойной той семьи, которой он верой и правдой служит столько лет? Или провинциальной гусыней, не умеющей держать себя в обществе?

— Я шла в бальный зал.

— Позвольте, я провожу вас, — невозмутимо предложил он.

— В этом нет необходимости, — поспешила отказаться она.

— Как скажете, мадам, — сухо поклонился Уид.

Девон вышел из кабинета Грейсона и нос к носу столкнулся с Уидом, — старший лакей только что впустил через боковую дверь какого-то высокого джентльмена с коротко вьющимися волосами. Девон так резко остановился, что шедший позади него Дрейк едва не сбил его с ног.

— Что за черт? — ошеломленно пробормотал Девон.

— Этот джентльмен спрашивал вас, милорд, — учтиво проговорил Уид. — Я взял на себя смелость проводить его сюда. Он говорит, что у него неотложное дело.

— Мистер Гриффин, — понизив голос, проговорил Девон, — если вы пришли, чтобы обсудить утреннее происшествие, позвольте сначала вам кое-что сказать. Я был введен в заблуждение...

— Милорд, все извинения потом, — перебил его молодой человек с поспешностью, которую Девон счел бы оскорбительной, если бы не почувствовал, что за ней кроется страх. — Я пришел к вам, потому что речь идет о вашей жене.

— О моей жене? Что с ней? — резко бросил Девон, немало раздосадованный тем фактом, что стоящий рядом Дрейк моментально наострил уши.

— Прошу вас, милорд, — взмолился преподаватель латыни, — только не подумайте, что я дал малейший повод к тому, о чем собираюсь с вами поговорить. — Он поспешно сунул руку в карман жилета. — Или что я хоть на мгновение поверил, что это писала ваша жена...

У Девона перехватило дыхание. Он почувствовал, как сразу насторожился Дрейк. Мистер Гриффин дрожащей рукой протянул ему смятый листок бумаги. Он пробежал глазами записку.

«Знайте же, что мое сердце принадлежит вам — несмотря на то, что я вынуждена расплачиваться за ту ужасную ошибку, которую я совершила, выйдя замуж. Вы с такой пылкостью описывали дикую красоту Уэльса, что я горю желанием уехать туда с вами. Но хватит ли у вас смелости бросить вызов моему мужу, чтобы мы могли обрести свободу?»

Ваша Клеопатра».

— Клянусь, милорд, — с дрожью в голосе прошептал молодой человек, — я в полном недоумении.

Девон бросил на него сочувственный взгляд — только сейчас до него дошло, что бедняга до смерти боится, как бы его не обвинили в попытке совратить жену одного из всесильных Боскаслов. Что ж, неудивительно, особенно если вспомнить, какого страху он на него нагнал этим утром. Да, в тот раз он попался на удочку... но к этому времени Девон уже

достаточно хорошо знал почерк Джоселин, чтобы позволить еще раз обвести себя вокруг пальца.

— Моя жена этого не писала. Неужели вы подумали, что меня так легко обмануть?

От облегчения мистер Гриффин разом весь обмяк.

— Боже милостивый, — простонал он, — но кому могло прийти в голову возвести такой поклеп на столь добросердечную леди?! Обвинить невинных людей! Зачем?!

Повисло гнетущее молчание. Девон невидящим взглядом уставился в окно. Какой-то мужчина с колокольчиком в руке и яростным взглядом религиозного фанатика топтался на тротуаре, выкрикивая проклятия в адрес «проклятых богохульников» — вероятно, гостей Грейсона. Ничего нового в этом не было — семья Боскасл служила мишенью для ревнителев веры, сколько он себя помнил. Кроме того, от внимания Девона не ускользнуло, что валлиец назвал «добросердечной» одну Джоселин, ни словом не упомянув его самого. Что ж, наверное, он это заслужил.

— Как упал ты с неба, о Люцифер, сын зари! — завывал под окном фанатик. — И разбился о землю...

Проповедь была прервана на полуслове — двое дюжих лакеев в ливреях Боскаслов, подхватив зловещую фигуру в черном, без церемоний швырнули ревнителя веры в толпу.

— Я посланник Божий! — донеслось из темноты.

— Ну, брат Люцифера, — помолчав, с усмешкой бросил Дрейк, — похоже, у тебя появился враг, старина!

Девон отвел взгляд от толпы за окном. «Посланник Божий»... Эта фраза эхом отдалась у него в голове, пробуждая какие-то смутные воспоминания.

— У меня нет врагов — только друзья. Помнишь, ты сам это сказал.

— Кто? — негромко спросил Дрейк. — Думай же, черт возьми! Поройся в памяти — и ты найдешь ответ.

— Посланник Божий... — задумчиво протянул Девон. — «Жены и наложницы». Вспомнил! Это слова из той статьи, где говорилось о нашей семье. Я думаю, это не случайная фраза.

— Это из Библии, милорд, — вмешался мистер Гриффин. — Книга пророка Даниила, насколько мне помнится. Может, этот человек как-то связан с церковью?

— Мало кто из приятелей Девона приходит в церковь своими ногами — большинство из них попадают туда только на свое отпевание, — буркнул Дрейк.

Девон нахмурился.

— Думаю, мистер Гриффин прав. И мне кажется, я знаю, кто этот враг. «Что скажешь ты, когда падут стены Вавилона?»

Кто-то громко кашлянул у них за спиной. Девон обернулся — позади них высилась мощная фигура Гейбриела в развевающемся рыцарском плаще.

— Если Вавилону и суждено пасть, — хмыкнул Гейбриел, по-видимому, не уловивший суть их разговора, — то наверняка в этом обвинят меня, хоть я и отсутствовал в Лондоне последние несколько дней. Почему-то мне кажется, что никто из вас по мне не скучал... или я ошибаюсь?

Дрейк рассмеялся:

— А я-то думал, почему такая тишина в городе? Что ты затеял на этот раз? Или мне лучше не спрашивать?

Девон, встrepенувшись, схватил Гейбриела за руку.

— Это не имеет значения.

— Почему же? — с притворной обидой возмутился Гейбриел.

— Потому что ты идешь со мной.

— Вот как?! — удивленно переспросил Гейбриел. — Я не ослышался? Ты просишь меня о помощи? Меня?!

Худощавое лицо Дрейка потемнело.

— К черту его! — рявкнул он. — Если он и попросит кого-то помочь, то меня!

— Нет, Дрейк. Будет лучше, если ты останешься, чтобы приглядеть за моей женой. — Девон подтолкнул Гейбриела к двери.

Дрейк ошеломленно уставился на него:

— Что?!

— Не обижайся, — пробормотал Девон. — Ты женат и любишь свою жену. А я не настолько доверяю Гейбриелу, чтобы позволить ему остаться с Джоселин.

— Я тебя понимаю, — кротко заметил кузен. — Я и сам-то себе не слишком доверяю, когда нахожусь поблизости от нее.

Усевшись в карету Гейбриела, они поехали на юго-восток, в сторону Сент-Джеймс-стрит. К счастью, Гейбриел не задавал ненужных вопросов, однако при этом ясно дал понять, что кузен может на него положиться. Девону внезапно пришло в голову, что ему очень мало известно о Гейбриеле, ну, если не считать того, что пару лет ему приходилось несладко. Гейбриел никогда не говорил о себе. И никогда не упоминал о своем прошлом.

— Спасибо, что согласился поехать со мной, — пробормотал он, как только карета двинулась в путь. — Не знаю никого, к кому бы я мог обратиться за помощью и кто бы согласился, даже не спрашивая, что от него требуется.

— Если уж просить о помощи дьявола, так того, которого знаешь, да?

— Ты не ошибся, — хмыкнул Девон. Гейбриел добродушно кивнул:

— Согласен считать это комплиментом, старина. Тем более что в последнее время я их слышу нечасто.

— Из этого я делаю вывод, что если я решу кого-то прикончить, то ты охотно станешь моим сообщником, так?

Гейбриел пожал широченными плечами.

— Ты так спрашиваешь, будто это в первый раз! Девон покачал головой.

— Кстати, хотелось бы узнать, за кем мы сегодня охотимся? — поинтересовался Гейбриел.

— Капитан Мэтью Терли — знаешь такого?

— Старший сын пастора? — помолчав, спросил Гейбриел.

— Да.

— Ну... будь я проклят! Это не его ли младший братец помогал тебе пару лет назад, когда ты изображал из себя грабителя с большой дороги?

Девон даже скривился от презрения к самому себе.

— Не напоминай мне об этом! Да, черт возьми! Это он.

— А ты знаешь, что он так и продолжал грабить кареты, пока его не схватили месяца три назад? Зарабатывал себе этим на жизнь, — небрежно бросил Гейбриел. — Я слышал, он убил клерка одного банкира на Кроули-Даунс. Вот идиот! Держу пари, его вздернут — и поделом ему. Девон снова покачал головой:

— Нет, этого я не знал.

Теперь он уже почти не сомневался — Мэтью Терли считает, что это именно он сбил его младшего брата с пути истинного. Если честно, Дэниел никогда не был образцом добродетели. Просто жизнерадостный и при этом лишенный каких-либо моральных принципов шалопай — во всяком случае, был таким, когда они с Девонем познакомились. Впрочем, они в любом случае недолго бы оставались друзьями.

— По-моему, — рассуждал Гейбриел, пока они шли к входу в клуб, — нет ничего более мерзкого, чем лицемерно прикрывать собственные грехи маской религиозного ханжества.

— Осмелюсь напомнить, что ни ты, ни я никогда особенно не старались чем-то прикрыть наши грехи, — буркнул Девон.

— Если бы мы с тобой обсудили это раньше, — продолжал Гейбриел, — то давно бы уже догадались, что это Терли пытается сломать тебе жизнь. Да что там — я бы с радостью тебе помог! — с жаром закончил он.

Девон усмехнулся.

— Ты уже мне помог с Лили Кранли, — напомнил он.

— Ну, я решил, что ты не станешь возражать...

— Ты прав. — По губам Девона скользнула хищная усмешка. — Но моя жена — другое дело!

— Должно быть, это Терли распускал о тебе сплетни в газетах.

— Думаю, да.

— И он же послал тебе записку с приглашением на свидание в башню.

Девон мрачно кивнул. Гейбриел покосился на него.

— Думаю, это Терли притащил гроб в дом к Ферншо. Девон снова кивнул. Лицо у него стало мрачнее тучи.

— Пришла пора положить конец его выходкам. Однако его планам не суждено было осуществиться — как вскоре выяснилось, капитан Терли не заглядывал в клуб вот уже несколько дней. Правда, один из лакеев шепнул ему, что не так давно капитан перевез свои пожитки в гораздо более уважаемый район. Где-то на Даунинг-стрит, добавил он.

— Помню, он жаловался, что там, где он раньше жил, постоянно шатается всякая шваль, милорд. Говорил, что это, мол; оскорбляет его нравственные принципы.

— Какой тонкий, подумать только! — буркнул Гейбриел, когда они снова уселись в карету. Он покосился на кузена. — Ты и вправду влюблен в свою жену? — неожиданно спросил он.

— А твое, какое дело, даже если и так? — сердито рявкнул Девон. Вопрос Гейбриела застал его врасплох.

— Точно! Так оно и есть! — хохотнул Гейбриел.

— Будь добр, заткнись, а?

Джоселин старательно улыбалась всем гостям подряд до тех пор, пока у нее не стало сводить скулы на лице. Она столько раз извинялась за отсутствие Девона, что под конец совсем выдохлась и уже была не в состоянии придумать мало-мальски правдоподобного объяснения. Джоселин понятия не имела, почему он вдруг так неожиданно исчез, заметила только, что его старший брат Дрейк не спускает с нее глаз.

Впрочем, какая бы причина ни заставила его уйти, гораздо больше ее сейчас занимало другое. С ней явно было что-то не так. А вальсируя с одним из многочисленных кузенов Девона, Джоселин убедилась в этом окончательно. Внезапно ей стало грустно, а потом вдруг из глаз брызнули слезы, отчего ее кавалер окончательно растерялся.

— Наверное, вам нужно поесть, — опасливо понизив голос, предположил он. — Знаете, на этих балах можно и умереть с голоду! А лично у меня от танцев аппетит становится просто зверский!

— Да, наверное, стоит проглотить хоть что-нибудь, — пробормотала она, удивившись тому, что ей вдруг безумно захотелось есть.

— Давайте поищем Джейн, — предложил он, подхватив ее под руку. — Какой смысл вальсировать на голодный желудок, верно?

Через пару минут подоспевшая Джейн отвела Джоселин в комнату, где был накрыт стол.

— Почему ты мне не сказала? — с улыбкой спросила она, сделав знак одному из лакеев поплотнее прикрыть дверь.

Джоселин, вздрогнув, отставила креманку с розовым желе, которое она прикончила в мгновение ока.

— О чем ты?

— Знаешь, когда я носила Роуэна, то съела столько желе, что стала бояться, как бы оно у меня из ушей не потекло, — захихикала Джейн. — А еще мне постоянно хотелось пирожных с заварным кремом, представляешь?

— Но я... Не может быть! Слишком рано!

— Нисколько! — На губах Джейн появилась мечтательная улыбка. — Вот здорово! Можно объявить об этом перед концом бала! Грейсон просто обожает такие сюрпризы... Хотя, если подумать, наверное, не стоит. Да, пока чуточку преждевременно.

— А когда я буду знать точно? — спросила Джоселин.

— Уже скоро, — уверила ее Джейн. — Интересно, кто у тебя родится — сын или дочь? Послушай, в городе есть один аптекарь, который клянется и божится, будто заранее может определить пол будущего ребенка. Берешь горшок с золой, льешь в него воду... так, кажется. Кстати, имей в виду — Грейсон понятия не имеет, что я к нему ходила.

У Джоселин перехватило дыхание. Беременна! Она носит под сердцем дитя... скоро на свет появится маленький Боскасл, вполне возможно, такой же сластолюбивый, как его отец. Это в какой-то степени объясняло, почему она так странно реагирует на поступки Девона... но, к сожалению, ни в малейшей степени не объясняло причину этих самых поступков. В конце концов, ее муж понятия не имеет, что означает находиться в положении, — он не рыдает по всякому поводу и не ест, как взвод солдат. Он просто отсутствует.

— Наверное, не стоит пока ничего говорить. Это было бы жестоко по отношению к

Хлое, — нерешительно пробормотала она.

Джейн кивнула:

— Согласна. И потом никогда ведь не знаешь наверняка. Особенно в первые месяцы. Тебе следует сейчас быть очень осторожной. Ой, Джоселин, я так рада за тебя! Хочешь, пойдем в детскую? Я покажу тебе нашего сына. А няню попросим принести нам из кухни пирожные и шоколад и потихоньку отпразднуем вдвоем это чудесное событие:

Джоселин не хватило духу отказать, хотя, по ее мнению, пирожные были слабой заменой Девону.

— Только сначала предупрежу Дрейка, хорошо? Он весь вечер глаз с меня не сводит. Боюсь, из-за этого бедняжка Элоиза чувствует себя совершенно заброшенной.

И точно — стоя на пороге, Дрейк сверлил ее взглядом, пока она проталкивалась к нему через толпу гостей. Джоселин подозревала, что он не выпускал ее из виду даже во время ее разговора с Джейн.

Конечно, она понимала, что братья Девона просто заботятся о ней, чтобы она не чувствовала себя одинокой, пока ее муж шляется неизвестно где. Но из-за этого пристального внимания ей порой становилось страшно, тем более что она понятия не имела, куда подевался Девон. А тут до ее ушей внезапно долетело несколько фраз, брошенных кем-то из стоявших возле стола молодых людей, и томившие Джоселин подозрения понемногу переросли в уверенность.

— Кстати, а куда запропастился Девон?

— Они с Гейбриелом отправились в клуб.

— Он поехал туда, бросив жену одну? Да еще в таком наряде, который делает ее неотразимой? Чертов гордец! Просто напрашивается, чтобы кто-то наставил ему рога!

— Ну, он ведь никогда не делал секрета из того, что продолжает считать себя холостяком. Чего же ты ожидал? Что он станет ходить за ней как привязанный?

Джоселин испуганно попятилась и угодила прямехонько в объятия Дрейка.

— Что-то не так? — подозрительно прищурился Дрейк, выведя ее из комнаты.

— Нет. Я... — Джоселин осеклась. На душе у нее стало мерзко. Ее подташнивало, она с ума сходила от тревоги за мужа, но хуже всего было то, что она внезапно почувствовала себя обузой, от которой все семейство Боскаслов будет только счастливо избавиться. — Если не возражаешь, я поднимусь в детскую — избавлю всех от своего унылого присутствия.

— Как хочешь, Джоселин. — Оглянувшись, Дрейк окинул недобрый взглядом болтавших за столом гостей. — Хотя, я думаю, если от кого-то и следует избавиться, то уж никак не от тебя.

— Может, вы, наконец, прекратите?! — яростно прошептала она, пока он вел ее к лестнице.

— О чем ты, дорогая?

— Опекать меня, как будто что-то случилось. Или... что-то действительно случилось?

Дрейк резко остановился:

— Девон с Гейбриелом отправились разыскивать человека, который облил грязью тебя и его самого. Это дело чести. Другая женщина тут ни при чем — ты ведь именно это подумала?

— Понятия не имею, что я подумала... А я знаю этого человека?

— Вряд ли, — угрюмо пробормотал Дрейк. — Это капитан Мэтью Терли.

Джоселин принялась перебирать в памяти знакомых. И тут внезапно пришедшая ей в

голову мысль заставила ее похолодеть от ужаса.

— Надеюсь, до поединка дело не дойдет, как ты думаешь? — пролепетала она, с ужасом вспоминая сцену в парке. — Может, тебе было бы лучше поехать с ним вместо того, чтобы ходить за мной по пятам?

Дрейк уверенно повел ее к лестнице — чувствовалось, что этому мужчине не впервой успокаивать перепуганных женщин.

— Поединок? Буду очень удивлен, если дело не кончится дуэлью. Ты спрашиваешь, почему я не поехал с ним? Потому что сам Девон попросил меня приглядеть за тобой — он считал, что это сейчас важнее. — Синие, как у Девона, его глаза искрились смехом. — Потому что — как это ни унижительно для меня — раз уж за дело взялись Девон с Гейбриелом, я бы только путался у них под ногами!

А Девона с Гейбриелом ждало новое разочарование — отправившись на Даунинг-стрит, куда переехал капитан Терли, они не только не застали его дома, но вместо этого наткнулись на одного из своих общих знакомых, довольно безобидного светского фата по имени Гилберт Амхерст. Растянувшись на диване, тот, видимо, тоже дожидался капитана. Опешив при виде двух наставленных на него пистолетов, бедняга только беспомощно хлопал глазами да беззвучно разевал рот, точно выгащенная на берег рыба.

— У меня при себе ни гроша, джентльмены, — проблеял он. — И драгоценностей тоже нет, только бабкино кольцо с жемчугом. Лежит в...

— Заткнись, идиот! — сквозь зубы прорычал Девон. — Где Терли?

— Это ты, Боскасл?! — Лязгая от страха зубами, Амхерст осторожно покосился на второго гостя. — И... твой кузен?! Мы же друзья, разве нет? Я... я ничего дурного вам не сделал!

Девон, скрипнув зубами, с досадой опустил пистолет. Гейбриел расхохотался:

— Это как посмотреть! Тебе известно, где сейчас Терли? Гилберт судорожно вздохнул.

— А разве он не здесь?

— Нет, — угрюмо буркнул Девон. — Его тут нет. Но если ты знаешь, где он, то лучше бы сказать нам об этом!

— Должно быть, отправился на маскарад, — кротко заметил Гилберт.

Девон сгреб его за воротник:

— Какой еще маскарад, черт возьми?!

— Да тот, что устраивает ваш брат! Вы же сами пригласили его, разве нет? Кстати, а сами-то вы, почему не там?

Девон, отпустив его, вскочил на ноги. Гейбриел кинулся за ним.

— Он прав, черт возьми! Мне нужно было остаться с Джоселин.

— Там Дрейк, — напомнил Гейбриел.

— Да. И еще сотня других. А также Мэтью Терли. Кстати, этого мерзавца туда никто не приглашал.

Дрейк, проводив Джоселин в детскую, предварительно заглянул туда сам — миссис О'Брайен, сидя в кресле у камина, мирно клевала носом, а Роуэн спал в своей колыбельке. Стол был накрыт на двоих. Дрейк весело хмыкнул, разглядывая тарелку с апельсиновыми пирожными и кофейник, от которого исходил аромат горячего шоколада.

— Не совсем похоже на торжественный ужин, зато тут ты в полной безопасности, — улыбнулся он.

Джоселин ответила ему улыбкой.

— Ничего не имею против тихого вечера в семейном кругу.

— Ладно, только имей в виду, что, когда этот безобразник поднимает крик, миссис О'Брайен обычно поет ему колыбельную. Джейн и малыш находят ее завывания весьма приятными. Грейсон — нет.

Джоселин, взяв стул, под села к колыбельке, в которой посапывал Роуэн.

— Ну, у меня тоже уже начинают слипаться глаза. Сейчас усну тут перед камином, как кошка, — вот стыд-то будет! — пошутила она.

— Зато тут тебе ничто не грозит. Но я на всякий случай прикажу Уиду, чтобы он оставил у двери кого-то из лакеев.

— Только попроси его не шуметь, — прошептала она, оглянувшись на дремавшую нянюшку. — А то он их разбудит.

Она бесшумно закрыла за Дрейком дверь и подошла к колыбельке. Джоселин сама не понимала, почему ее так тянуло к ней — может, потому, что она и вправду была беременна, — но при виде спавшего невинным сном малыша к глазам ее вновь подступили слезы.

Ребенок... Она склонилась над колыбелью. Веки малыша чуть заметно подергивались, как будто ему снился сон. Джоселин гадала, кто родится у них с Девонем — мальчик или девочка? Интересно, как муж воспримет весть о том, что вскоре станет отцом? Ведь он еще в первую брачную ночь предупредил ее, что такое возможно. Но с другой стороны, он ведь сам рос в большой семье.

Внезапно Роуэн повернул головку и с улыбкой уставился на нее широко открытыми голубыми глазами.

— Ш-ш, — прошептала Джоселин, приложив палец к губам. — Тише! Ты же не хочешь разбудить свою нянюшку, верно? Она...

За спиной у нее раздался тихий стон. Няня О'Брайен, восторженно сделав слабую попытку приподнять голову, но та снова бессильно упала на грудь. Чашка, из которой она пила, перед тем как уснуть, выпав из ее руки, покатила по полу.

Джоселин похолодела. Предчувствие чего-то страшного вдруг шевельнулось в ее душе. По спине поползли мурашки.

— Миссис О'Брайен? — окликнула она, повернувшись к няне. — С вами все в порядке?

Няня снова застонала. В горле у нее заклокотало. Джоселин машинально схватилась за колыбельку, со страхом вглядываясь в сгущающиеся по углам тени. Внезапно она почувствовала, что в комнате кто-то есть.

Тяжелые портьеры из золотой парчи слегка шевельнулись, и Джоселин, вздрогнув, инстинктивным движением закрыла собой колыбельку. Может, ей показалось? Нет... за портьерами кто-то прятался. Первым ее побуждением было кинуться к двери, чтобы позвать на помощь. Но ведь это означало оставить ребенка и беспомощную миссис О'Брайен одних... и Джоселин отогнала эту мысль.

Она постаралась взять себя в руки.

Очень скоро Джейн или одна из ее золовок наверняка заглянут в детскую, твердила она себе. Женщины семьи Боскасл души не чаяли в Роуэне. Да и как могло быть иначе? Ни одна женщина не могла устоять перед мужчиной, носившим фамилию Боскасл.

И потом, разве Дрейк не пообещал, что пришлет лакея дежурить под дверью детской?

Конечно, он только что ушел, спохватилась она. Вряд ли он успел даже спуститься по

лестнице. А раз так, значит, она обязана сделать все, чтобы защитить малыша.

И того ребенка, которого она носит под сердцем.

Хватит воображать всякие ужасы, мысленно прикрикнула на себя Джоселин, почувствовав, что вот-вот ударится в панику. Может, кто-то из подвыпивших гостей, заблудившись в огромном особняке, случайно забрел наверх, чтобы побыть одному? Такое бывает сплошь и рядом. Но... кому придет в голову искать тишины в детской, остановила она себя. Это же нелепо!

Снова за портьерой послышался шорох.

— Что вам нужно? — едва слышно спросила она. Честно говоря, в горле у нее так пересохло, что было чудом, как ей вообще удалось что-то сказать, да еще таким невозмутимым тоном, словно она не чувствовала ни малейшего страха.

От окна отделилась фигура, закутанная в темный плащ. Сердце Джоселин ухнуло в пятки. Она вдруг поняла, что знает этого человека.

— Капитан Мэтью Терли, — пробормотала Джоселин. Кажется, так его зовут, вспомнила она.

В складках черного плаща зловеще блеснул металл, и Джоселин снова похолодела. Что это — шпага или пистолет, гадала она. Но что бы это ни было, Джоселин почти не сомневалась, что этот ужасный человек явился сюда с оружием.

Нужно оставаться спокойной, твердила она себе. Пусть в глазах темнеет от ужаса, а ставшие ватными ноги вот-вот подогнутся, все равно она обязана сохранять спокойствие! Самым странным было то, что в этот момент ей вдруг показалось, что она слышит голос отца: «Сохраняй спокойствие, девочка, когда подходишь к необъезженной лошади...» И эти слова внезапно придали ей мужества.

— Возможно, вы заблудились, капитан? Давайте я покажу вам дорогу...

Резкий смех заставил Джоселин поперхнуться.

— Дорогу? Куда? В Вавилон?!

Джоселин не шелохнулась, хотя он двинулся к ней, и ее сердце стучало, разрывая ребра. Крошка Роуэн, сморщившись, приоткрыл рот, явно собираясь разразиться ревом.

— Вы в детской, капитан...

— Нуда... а это нянька. — Он насмешливо кивнул в сторону миссис О'Брайен. — Полюбуйтесь, как она храпит! Несколько капель лауданума в шоколад — и готово!

Так вот оно что! Выходит, он опоил миссис О'Брайен настойкой опия! Теперь все ясно! Похолодев, Джоселин в ужасе повернулась к колыбельке. Неужели он опоил и малыша?! Нет, непохоже... Роуэн явно выпался и таранился на них, только и, дожидаясь возможности напомнить о своем присутствии.

Джоселин словно потеряла дар речи. Что же тут нужно этому негодяю? Она боялась, что привлечет его внимание к Роуэну. Нет, лучше попробовать выманить его из детской прежде, чем этому безумцу придет в голову причинить вред беспомощному наследнику Боскаслов.

Куда, черт возьми, запропастился Дрейк?!

Где лакей, которого он обещал прислать?!

Почему Джейн не торопится подняться наверх, чтобы взглянуть на сына?

Почему здесь нет Девона?

Роуэн, моргнув голубыми глазенками, внезапно захныкал, Джоселин оглянулась. А когда она снова подняла глаза, перед ней уже стоял капитан Терли.

— Возможно, вы затаили обиду на меня или на моего мужа, сэр, — с трудом проговорила она. — Прошу вас, давайте перейдем в другую комнату: детская не слишком подходящее место, чтобы это обсуждать.

— Обиду?

Джоселин сглотнула. «Время... тяни время», — твердила она себе.

— Разве это не вы написали мне ту записку на приеме у Олтона, капитан?

Внезапно миссис О'Брайен глухо застонала и конвульсивно дернулась, случайно задев ногой ширму. Отлетев в сторону, она с грохотом свалилась в камин.

Негромко выругавшись, капитан Терли схватил Джоселин за голый локоть. Крошка Роуэн недовольно закричал. Джоселин машинально протянула к нему свободную руку. Она хотела успокоить его, но добилась прямо противоположного эффекта — малыш, разинув рот, издал такой пронзительный вопль, который неминуемо должен был привлечь внимание любого, кто в этот момент оказался в коридоре.

— Вы, разумеется, правы. — Терли рывком, оторвал Джоселин от кровати. — Нужно уйти отсюда, пока этот пискун не поднял на ноги весь дом!

Джоселин так обрадовалась, что он, похоже, не собирается причинить вред малышу, что даже забыла совсем о грозящей ей опасности.

— Быстро, — скомандовала она. — Он вот-вот закричит...

— Лучше ему этого не делать, — мрачно пробормотал капитан.

— Он закричит, хотите вы этого или нет.

Капитан, схватив Джоселин за руку, протащил ее на несколько шагов, прежде чем она вдруг сообразила, что он направляется не в сторону той двери, через которую она вошла.

Похолодев, Джоселин в последний момент успела придержать тяжелую портьеру, едва не хлестнувшую ее по лицу.

Крик ужаса замер у нее в горле.

— Тихо! — шепотом предупредил он, толкнув ее вперед.

Джоселин, даже не успев ни о чем подумать, отвесила ему пощечину. Капитан взмахнул рукой. Она испуганно сжалась, ожидая, что он ударит ее, но вместо этого вдруг почувствовала, как ее шею захлестнула веревка, та самая, которой было подпоясано его монашеское одеяние.

— Что вы такое вытворяете? — холодно спросила Джоселин. Обернуться она не могла. — Куда мы идем? Что вы затеяли? Что...

Он снова резко толкнул ее. Джоселин споткнулась и полетела куда-то.

От страха у нее помутилось в голове. На мгновение ей показалось, что она падает в бездну. Потом вдруг нога ее отыскала ступеньку. Обретя равновесие, она догадалась, что ее мучитель вывел ее на узкую лесенку, по которой обычно ходили слуги и которая, судя по едкому запаху пыли, в последнее время использовалась редко.

Дернув за веревку, Терли напомнил Джоселин, что пора двигаться.

— Даже у королевского высочества должен иметься тайный путь к отступлению, — хохотнул он.

Веревка удавкой стиснула ей горло.

— Тебя вздернут за это! — прошептала она. Нога ее зацепилась за подол платья. Согнув колено, она попыталась ударить его в пах, однако мерзавец был начеку.

— Это твоего мужа должны были вздернуть! — прорычал он, и голос его эхом раскатился по темной лестнице. — И всю его семейку заодно, невзирая на всю их власть и те

привилегии, которыми они привыкли пользоваться!

— За что вы его так ненавидите?

Еще не успев договорить, Джоселин внезапно вспомнила смутные слухи, ходившие о Девоне и младшем брате капитана Терли. В свое время газеты пестрели сообщениями об их проделках, о нападении на карету на окраине Лондона — речь шла о том злополучном инциденте, когда Девон переоделся грабителем с большой дороги. Насколько она помнила, тогда был ранен лакей — к счастью, бедняга выжил.

Скандал мало-помалу затих. В тот раз Девон с приятелями всего лишь собирались над кем-то подшутить — затея была дурацкая, к тому же они ошиблись каретой. Джоселин была уверена, что все давным-давно забыто.

— Мадам, — лишенным всяких интонаций голосом проговорил он, — чем тревожиться из-за той обиды, что мне нанес ваш муж, вы бы лучше побеспокоились о том, что я намерен сделать с вами!

Девон не собирался тратить драгоценное время, объясняя любопытным, почему он распахивает локтями толпу приглашенных на маскарад гостей. Кое-кто по привычке с усмешкой расступился перед ним, решив, что это часть запланированных на вечер развлечений. Те, кто постарше, с явным неудовольствием провожая его взглядами, что-то бормотали себе под нос насчет несносного поведения пресловутых молодых Боскаслов.

Большинство же, по-видимому, слишком растерялись, чтобы задавать какие-то вопросы, тем более что по пятам за Девонем Боскаслем спешили пятеро дюжих лакеев, один из которых сжимал в руках старинный меч, за минуту до этого мирно висевший на стене.

— Бог ты мой! — ахнула одна почтенная дама с сильно набеленным лицом. — Бутафорский меч! Похоже, они опять что-то затеяли. Да, эти Боскаслы с каждым годом становятся все более необузданными!

Девон то ли не услышал ее, то ли не счел нужным отвечать. Он ворвался в дом, словно сам дьявол, по пятам за ним неся Гейбриел.

— Этот мерзавец где-то в доме! — кричал он, ни к кому особо не адресуясь. — Он в костюме монаха! Его надо задержать!

— Джоселин совсем недавно поднялась в детскую, — раздался над ухом у Девона женский голос. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы узнать эту женщину. Хлоя. Но слова ее раскаленной иглой вошли в его мозг.

Детская! Самое безопасное место в доме. Нянюшка ни на минуту не оставляла Роуэна одного — ждала, пока кто-то из горничных или, как чаще всего и бывало, сама Джейн придет ее сменить. Таково было правило, нарушить которое никто бы не осмелился, вспомнил Девон. Кроме того, это подсказывал обычный здравый смысл.

И потом, разве он сам не поручил Дрейку присматривать за Джоселин, спохватился он. Даже братья Боскасл, когда все они были еще детьми, опасались задевать его. Девон твердил себе, что старший брат не позволит никому причинить Джоселин вред. Было в Дрейке нечто такое, отчего при одном только взгляде на него у самых отчаянных храбрецов по спине полз холодок.

Все братья слегка побаивались Дрейка. И все мужчины этой семьи готовы были защищать своих женщин даже ценой собственной жизни, если понадобится.

Он тоже был обязан защищать свою жену. Она была невинна и бесконечно наивна, а он втянул ее в это дело, заставив расплачиваться за собственное прошлое.

Его мысли так бы и ходили по кругу, если бы на лестнице не появилась Джейн.

— Ради всего святого, где моя жена?! — крикнул он. Выражение лица Джейн подтвердило его худшие опасения.

— В детской ее нет. Думаю, он заставил ее спуститься по задней лестнице. Увидев уже позаботился перекрыть все выходы. Дрейк отправился ему помочь. — Джейн едва не рыдала. — И Грейсон тоже ее ищет.

Задняя лестница. Это было единственное, что дошло до его сознания. Девон резко повернулся и — о Господи! — с трудом узнал Доминика, своего зятя.

— Задняя лестница, — пробормотал он, повернувшись, чтобы бежать. И снова наткнулся — на этот раз на Гейбриела. — Та самая, по которой мы удирали, когда были детьми.

Естественно, ни Гейбриел, ни тем более Доминик ничего не поняли — они ведь не росли в этом доме. А объяснять времени уже не было.

Много лет назад из кухни в сад вел небольшой коридор, выходящий к калитке, пройдя через которую вы оказывались на улице — это было сделано для того, чтобы слуги могли войти в дом, не потревожив никого из хозяев.

Девон хорошо помнил, что обычно во время балов и приемов Грейсон выставлял охрану у входа в особняк — это делалось для того, чтобы помешать всякому сброду просить милостыню у ворот или незаметно проскользнуть во двор. И не сомневался, что так было и в этот раз.

А вот чего он не знал, это, помнит ли Грейсон путь, которым они частенько удирали из дома, когда были детьми.

И не слишком ли поздно он сам вспомнил об этом...

Джоселин казалось, что время не остановилось, а просто замедлило свой ход, с размеренностью невидимого хронометра отсчитывая каждую секунду. Ноги, налившись свинцом, словно прилипали к земле. Каждый миг превращался в вечность — а может, ей просто хотелось, чтобы это было так.

Еще немного, и она умрет. Мысль о том, что этот безумец может отнять у нее жизнь, да еще так легко, приводила Джоселин в такую ярость, что ей все труднее было это скрывать.

— Тащите меня, словно корову на рынок, — сварливо пробормотала она. — Накинули мне веревку на шею, другую ни в чем не повинную женщину опоили опиумом, а в чем ее вина? Только в том, что она присматривала за ребенком? — набросилась она на него.

На мгновение он даже слегка опешил. Увидеть, как светская дама превращается в злобную мегеру, — такое бывает не каждый день.

— Я, кажется, велел вам попридержать язык! — процедил он сквозь зубы.

Джоселин затрясло как от страха, так и от злобы, которую все труднее было скрывать. Отец в свое время очень старался смирить ее воинственный дух, но у него ничего не вышло. Плохо это или хорошо, но она была дочерью солдата, думала Джоселин. И без боя она не сдастся.

Они спустились почти до самого низа. Джоселин, конечно, не могла знать, куда ведет эта дверь. Однако она хорошо понимала, что, если Терли выведет ее из дома, ее шансы спастись сведутся к нулю. В доме так шумно, что вряд ли кто-то обратит внимание на двух людей во дворе.

Она услышала, как Терли, чертыхаясь, дергает ручку, и мысленно взмолилась про себя, чтобы дверь оказалась запертой. Правда, при мысли о том, что тогда она окажется наедине с этим кровожадным безумцем, едва не лишила ее остатков мужества.

— Открыто! — пробормотал он. — О...

Не дав ему договорить, Джоселин метнулась вперед, ударив его плечом. Он даже не шелохнулся, а у нее не хватило духу повторить попытку. Бежать? Но как? Они, похоже, оказались в коридоре где-то под кухней, решила она, почувствовав запах золы.

Может, появится кто-то из слуг? Над головой она слышала шаги и смутный рокот чьих-то голосов. Если закричать, кто-нибудь, возможно, услышит и спустится посмотреть, что происходит.

— Нас никто не услышит, — словно подслушав ее мысли, проговорил Терли. — А если даже кто-то и спустится, нас тут уже не будет.

Жизнь или смерть. Мечь. Райское блаженство или все муки ада. Крохотная случайность сейчас могла перевернуть всю его жизнь. И жизнь его жены. Ему не следовало оставлять ее одну. Почему, черт возьми, он не дождался утра? Почему старался выставить себя в героическом свете вместо того, чтобы защитить ее?!

Девон сам не знал, что он ожидал увидеть, когда бежал через сад к маленькой деревянной калитке, но уж точно не Джоселин с веревкой на шее. Ее белое платье было все в паутине и пятнах то ли грязи, то ли пыли, спутанные волосы рассыпались по плечам. А на шее у нее болталась веревка.

Девон остановился как вкопанный. Вся кровь у него вскипела от бешеной, неутолимой злобы.

Мозг отказывался воспринимать происходящее. Одна мысль не давала ему покоя: человек, униживший и оскорбивший его жену, не заслуживает права жить. Жажда мести захлестнула его с такой силой, что он уже ни о чем не думал. Он ведь едва не опоздал! Еще немного, и...

Девон, скрипнув зубами, ждал, пока помутившийся взгляд его прояснится, и только тогда вскинул руку. Потом пробормотал короткую молитву и прицелился.

То, что произошло, казалось ему таким же естественным, как вздох, — нажав на спуск, он выстрелил и принялся ждать. Время как будто замедлило свой бег — казалось, прошла целая вечность, прежде чем он услышал грохот выстрела.

Сказать по правде, он даже не понял, догадалась ли Джоселин, кто был ее похититель, лишь на мгновение почувствовал охватившее его торжество, когда капитан Терли, повернувшись, взглянул ему в лицо. Пуля ударила капитана в грудь — он не мог не видеть, кто в него стрелял.

Испустив негромкий стон, Терли покачнулся и кубарем покатился по земле к подножию античной статуи Гермеса. К счастью, тень крылатого бога скрыла его тело от глаз потрясенной Джоселин. Бросившись к жене, Девон подхватил ее на руки.

В глазах ее вспыхнуло такое облегчение, что у Девона сжалось сердце.

— Ты пришел, — прошептала она, пытаясь стащить с шеи веревку.

Девон судорожно прижал ее к себе. Кажется, он только сейчас вновь обрел способность дышать. Джоселин не могла шевельнуться — почувствовав это, Девон принялся растирать ее плечи, повторяя себе, что он успел вовремя, что она снова с ним, что все уже позади.

— Я так беспокоилась о тебе, — прошептала она, положив голову ему на плечо.

— Я должен был остаться с тобой, — с раскаянием пробормотал он.

— Но ты здесь, — шепнула она.

Девон покачал головой, пытаясь пригладить ее растрепанные волосы.

— Я едва не опоздал...

— Девон...

Он молил Бога, чтобы у него хватило сил держать себя в руках. Потом он вдруг почувствовал, как ее тело постепенно оживает, и ледяной страх в его душе стал таять.

— Девон, — одними губами прошептала она, — уведи меня отсюда.

Он кивнул.

— Я никогда больше не оставлю тебя. Никогда! Джоселин подняла голову. Ее лицо было еще немного бледным, в нежных карих глазах стояли слезы.

— Как ты думаешь, ты его убил? — испуганно спросила она. — Смотри, сюда идут!

— Ну и что? — прерывающимся голосом бросил он. — Главное для меня — это ты.

— Но если ты его пристрелил, нам придется объяснять, что тут произошло.

— Молю Бога, чтобы он был мертв, — равнодушно бросил он. И это была чистая правда.

— Пожалуйста, Девон! — взмолилась она. — Я не в состоянии сейчас отвечать на какие-то вопросы.

Он медленно выронил из руки пистолет — только сейчас до него, наконец, дошло, что она имеет в виду. Нет, он не собирался лгать. И не испытывал ни малейших угрызений совести. Ему действительно было все равно.

Так что если Терли жив, то лишь благодаря случайности, а вовсе не потому, что Девон его пожалел.

Мерзавец заслуживал смерти за то, что осмелился поднять руку на Джоселин. Теперь, убедившись, что с женой все в порядке, Девон с трудом удерживался, чтобы не всадить в подонка еще одну пулю. А потом еще и еще!

Однако внутренний голос подсказывал ему пощадить ее чувства. Нужно увести ее из сада до того, как сбегутся любопытные гости.

Внезапно он услышал торопливые шаги и заметил бегущего к ним брата. Грейсон не поверил своим глазам, увидев, как Девон снимает с шеи Джоселин веревку.

Подхватив невестку под руку, он осторожно повел ее к дому, стараясь избавиться от неприятного зрелища. Девон, немного придя в себя, махнул лакеям, чтобы те встали возле тела.

Спустя пару минут подбежали запыхавшиеся Дрейк с Гейбриелом. Поморщившись, Девон брезгливо швырнул веревку в траву. Ему до сих пор было мучительно вспоминать, как какой-то ублюдок вел его жену на веревке, как какое-то животное...

Девон направился за ней, не желая даже ненадолго оставлять Джоселин одну.

— С Роуэном все в порядке? — услышал он ее испуганный голос. — А миссис О'Брайен? Он всыпал ей снотворное в шоколад, а сам спрятался в детской.

Девон понятия не имел, что все это значит. Похоже, его парализованный страхом мозг только сейчас начал понемногу оттаивать. А его сердце... оно билось встревожено и гулко.

Упоминание о сыне Грейсона, о том, что миссис О'Брайен опоили снотворным, заставило его оцепенеть. Он пришел в себя, только услышав, как брат успокаивает Джоселин.

— С Роуэном все в порядке благодаря тебе. А миссис О'Брайен очень скоро оправится и снова примется терзать наш слух своими колыбельными.

— Слава Богу, — облегченно вздохнула Джоселин. Обрывков их разговора оказалось достаточно, чтобы вновь разжечь в груди Девона жажду мести. А тут еще Гейбриел подлил масла в огонь.

— Проклятие! — удивленно воскликнул он. — Смотри-ка, он жив! Я заметил, как этот ублюдок шевелит рукой.

Дрейк наступил ногой на запястье Терли.

— Уже нет, — буркнул он.

Гейбриел присел на корточки возле тела капитана.

— Лучше обыскать его, — пробормотал он. — Вдруг у него где-нибудь спрятано оружие.

— Просто вышвырните его вон из моего дома, — бросив презрительный взгляд в сторону распростертого на земле тела, прорычал Грейсон. — А может, прикончить его? А потом мои лакеи просто бросят эту падаль в Темзу, да и с плеч долой.

— Пойдем в дом, — обняв жену за плечи, проговорил Девон. Ей не следовало это слушать. Боскаслы безжалостно расправлялись с любим, кому вздумалось угрожать их близким. Ему бы и в голову не пришло их осудить — да что там, если бы не Джоселин, он с радостью принял бы участие в расправе над Терли. Это было в традициях их семьи. Однако Джоселин не стоит это видеть.

— Неужели он еще жив? — спросила она, обернувшись.

Девон молча потащил жену в противоположную сторону.

— Пошли. Нужно вернуться в дом до того, как гости Грейсона выбегут в сад, чтобы узнать, что за новое развлечение придумал для них гостеприимный хозяин дома.

— Иди с ним, Джоселин, — поддержал его Грейсон. — Я тут сам все улажу.

Так он и сделал.

С уверенностью человека, с раннего детства привыкшего повелевать, Грейсон Боскасл, маркиз Седжкрофт, без особого труда убедил гостей, что поединок в его саду не более чем очередная экстравагантная выходка, которыми славились братья Боскасл. Много времени для этого не понадобилось — большинство приглашенных ничего другого и не ожидали от членов этой буйной семейки.

Ни слова об этом происшествии так никогда и не просочилось в газеты — если сам маркиз сказал, что ничего интересного не произошло, стало быть, так и есть. В конце концов, Боскаслы привыкли сами заботиться о своих родственниках. Братья — о сестрах. Мужья — о женах.

Девон дал себе слово впредь чаще прислушиваться к тому, что говорит его внутренний голос.

И благодарил судьбу, что она предоставила ему еще один шанс.

К удивлению Девона, Джоселин уснула, едва он усадил ее в карету, и не проснулась даже, когда он на руках нес ее в спальню. Ожидавшие возвращения хозяев Тисл и миссис Хэдли, увидев на пороге мрачного, как туча, Девона, молча принесли бренди и теплые одеяла, после чего бесшумно удалились. Девон с благодарностью кивнул — сказать по правде, он даже не надеялся, что этой ночью ему удастся уснуть.

Он был счастлив уже тем, что может просто прижимать ее к себе, беззвучно повторяя клятвы, которые твердо собирался сдерживать. Он думал, что ему придется успокаивать ее, но измученная тем, что выпало на ее долю, Джоселин спала крепким сном.

Оставалось только надеяться, что ее не станут мучить кошмары — хотя сам Девон знал, что никогда не сможет забыть о том, что произошло этим вечером.

Может, завтра ему и удастся уснуть...

Сколько пройдет — неделя, две, — прежде чем его перестанет преследовать это леденящее кровь зрелище: его жена с этой ужасной веревкой на шее... Возможно, когда-нибудь он и сможет забыть страх, когда он бежал к ней, боясь опоздать.

Может, к утру ему удастся отыскать подходящие слова, чтобы объяснить ей, что он тогда пережил. Хватит ли у него смелости хотя бы шепотом признаться ей в любви, пока она спит?

Неужели это он с пеной у рта когда-то клялся, что никогда не позволит себе влюбиться? Неужели он и в самом деле верил, что его драгоценная свобода стоит того, чтобы обречь себя на жизнь, лишённую смысла?

Боже, каким же идиотом он был, надменно считая, что если и влюбится, то сам выберет время, место и женщину!

Почему никто никогда не потрудился объяснить ему, что в таких делах нельзя загадывать.

Впрочем, сейчас это уже не важно.

Он все равно никого бы не послушал. А может, ему говорили, да он не обращал внимания.

Девон только вздохнул, вспомнив кредо, которому был верен всю жизнь. Теперь ему оставалось только сожалеть о тех ошибках, которые он когда-то совершил, сам того не желая.

Знай он, что Джоселин придется расплачиваться за его грехи, он сделал бы все, чтобы ее защитить. Не будь он слепым тупоголовым ослом, он бы ни на минуту не отошел от жены. Пусть это станет ему наукой на будущее.

Поймав себя на этой мысли, Девон улыбнулся. Теперь его жене век от него не избавиться, подумал он. С этого дня она может забыть о том, чтобы отправиться куда-то без него. Он станет ее другом, ее возлюбленным... и защитником — отныне и навсегда.

А когда она проснется, они спустятся вниз, чтобы отдать должное сытному завтраку, который приготовит им миссис Хэдли, — теперь они будут лишь смеяться, если кому-то придет в голову упомянуть кого-то из них в газетах, потому что с этого дня даже мысль об измене будет казаться им смешной и вздорной.

— Который час? — Приподнявшись на локте, Джоселин окинула растерянным взглядом комнату. — И каким образом я оказалась дома?

— Ты уснула в карете, — прошептал он. — Я принес тебя сюда на руках. Не помнишь?

— Нет... помню только, как заснула. А больше ничего. Вряд ли мне скоро захочется куда-то выйти. — Губы ее задрожали.

— Джоселин, — хрипло проговорил он, прижав ее к себе, — это я во всем виноват. С самого начала... я один был в этом виноват.

— Разве? — тихо спросила она.

— Конечно.

Девон отметил, что она и не пыталась спорить. Что ж, наверное, он это заслужил.

— Не думаю. Ты в последнее время начал исправляться, — заключила она. Ему вдруг показалось, что она посмеивается над ним.

— Ты так считаешь?

Джоселин с улыбкой подняла на него глаза.

— Уверена. Девон рассмеялся:

— Спасибо. Твои слова меня окрыляют.

— Я действительно не виню тебя, Девон, — тихо прошептала она.

— Зато я, черт возьми, себя виню! Если бы вчера потерял тебя. — Девон с трудом проглотил комок в горле. Ужас, стоявший в его глазах, говорил сам за себя.

Он любил ее.

Все было ясно без слов. Но... Боже мой, как ей хотелось, чтобы он это сказал!

Она помнила застывший на его лице страх, когда он вскинул пистолет. Она помнила, как он бился в ее честь на рыцарском турнире у Олтона и как она тогда мечтала, чтобы это когда-то случилось — потому что она уже тогда любила его, хоть и боялась сказать ему об этом.

Сегодня ее мечта сбылась — Девон признался ей в любви. Правда, несколько своеобразно, на ее взгляд... но он снова доказал, что всегда готов встать на ее защиту.

Он был тем, о ком она всегда мечтала. И сейчас он хотел ее.

Обвив его шею руками, Джоселин молча опрокинула Девона на постель. Она чувствовала его нерешительность — вероятно, он опасался, что она еще не оправилась после пережитого. И не понимал, что только он сейчас может избавить ее от ночных кошмаров.

Он был нужен ей. Нужны его ласки, его любовь, его прикосновения. Джоселин дрожащими руками гладила его плечи, не в силах оторваться от него. Ее защитник! Он с самого начала принадлежал ей — ей одной! Он любил ее.

— Все хорошо, — прошептала она, прижавшись губами к его шее. Похоже, он нуждался в утешении не меньше ее самой.

Крепко обняв жену, Девон потерся о ее плечо колючей щекой.

— Он... не сделал тебе больно?

Джоселин нахмурилась — ей было неприятно снова говорить о Терли. Однако она догадывалась, что этот вопрос мучает Девона с того момента, как он увидел их в саду.

— Нет, — поспешно ответила она. — Я верила, что ты спасешь меня. Так и вышло.

Он глубоко вздохнул.

— Я был ослом. Почему я с самого начала не подумал о Терли? Жаль, что не заметил его на балу. Я бы не спускал с него глаз.

— Как ты мог догадаться? — прошептала она, целуя его в плечо. — Все уже позади. Этот негодяй получил по заслугам.

Закрыв глаза, Девон наслаждался прикосновением ее губ. Уложив Джоселин в постель,

он разулся, стащил с себя сюртук и жилет, оставшись в одной только белой муслиновой рубашке.

Потом он склонился к ней, и Джоселин с радостной готовностью обняла его. Пальчики ее игриво коснулись его спины, и Девон почувствовал хорошо знакомое возбуждение.

Он не мог устоять перед ней с той самой ночи, как увидел ее в башне.

И с каждым разом он все сильнее хотел ее. Так, как хотят только любимую.

— Джоселин...

— Все, что мне нужно в жизни, — это ты. — Голос ее прервался. — Я хочу, чтобы мы всегда были вместе — как сейчас!

— Так и будет, — пообещал он.

— Девон... — прошептала она.

— Обещаю. — Сжав лицо жены в ладонях, он припал к ее губам.

— Я хочу почувствовать, как ты заполнишь меня. — Это было первое, что она смогла сказать, когда отдышалась.

Господи... как он ее понимал! Он хотел этого еще сильнее, чем она... и, уж конечно, сильнее, чем ему хотелось признаться. Ему нужно было, чтобы она снова чувствовала себя в безопасности. Он внезапно почувствовал облегчение оттого, что больше не нужно скрывать от себя правду, оттого, что судьба дала ему шанс.

Они снова обнялись — обнялись так, словно свиделись после долгой разлуки.

Мысль о том, что сегодня он мог потерять ее навсегда, заставила его понять, какой невыносимой стала бы его жизнь без нее. Она завоевала его сердце, которое до нее не принадлежало ни одной женщине.

Девон поспешно стянул с себя рубашку. Через мгновение она очутилась в его объятиях. Он мог овладеть ею прямо сейчас, но Девон не торопился. Ему не хотелось думать о том, что мог сделать с ней Терли. Черная злоба душила его — Девон продолжал казнить себя за то, что его не оказалось рядом с женой в такую минуту.

Но теперь она с ним, и, Бог свидетель, отныне никто не посмеет даже пальцем коснуться ее. Кроме его самого, разумеется.

Он мягко, но решительно привлек ее к себе, и Джоселин, выгнувшись дугой, слабо застонала, когда рука мужа легла ей на живот.

Губы Девона сомкнулись вокруг задорно торчавшего соска — он слегка пощекотал его языком и удовлетворенно хмыкнул, когда тот превратился в тугой бутон. Раздвинув мягкие складки, он просунул руку между ее ног и принялся умело, и не спеша ласкать ее.

Беспомощно дрожа, Джоселин раздвинула ноги, но Девон не торопился.

— Ты всегда такая влажная, стоит мне только коснуться тебя, да? — прошептал он хриплым от желания голосом.

— Значит, ты должен делать это чаще. — Джоселин призывно задвигалась.

Девон весь дрожал от нетерпения. До чего же страстная женщина досталась ему в жены! С трудом, заставив себя оторваться от ее груди, он вскинул на нее глаза.

— Может, существуют какие-то ограничения, о которых я не знаю?

Джоселин, приподнявшись на локтях, окинула взглядом его смуглое красивое лицо.

— Ни одного!

Лицо Девона стало беспощадным.

— Тогда потом не жалуйся! Сама напросилась.

Он снова и снова ласкал ее языком, доводя до экстаза, скрипя зубами, чтобы сдержаться

и не выплеснуть раньше времени свое семя.

Джоселин сладострастно извивалась в его руках. Торопила его. Умоляла. Он отпускал ее только для того, чтобы снова продолжить эту чувственную игру.

— Жестокий... — простонала она. — О Господи! Бессердечный, бесчувственный человек! Самый...

Внезапно она содрогнулась всем телом, вскрикнула и обмякла в его руках.

Девон, приподнявшись на локтях, смотрел на нее, втягивая дрожащими ноздрями ее терпкий, мускусный аромат. Он уже едва владел собой.

Джоселин со стоном упала на подушки.

— Нет, какой же ты все-таки горячий, Девон! — всхлипнула она. — Я чуть не умерла...

— Нет, любимая... — его губы раздвинулись в хищной усмешке, — это была только прелюдия.

Хватая воздух пересохшими губами, Джоселин бросила на мужа недоверчивый взгляд.

— Все наперебой твердили мне, что я выхожу замуж за страшного грешника.

— О да! — Он легко коснулся поцелуем ее губ. — А если бы я знал, какая ты грешница, то мы поженились бы еще раньше — когда твой отец хотел выдать тебя за меня!

— Подумать только, сколько времени мы потеряли!

— Я потерял, — поправил Девон. — Но я намерен наверстать упущенное... если ты, конечно, позволишь мне это сделать.

— Ты так говоришь, будто боишься, что я брошу тебя.

— Знаешь, будь я на твоем месте, я бы так и сделал.

Он не дал Джоселин времени подумать над его словами. Изнемогая от желания, Девон закинул ее ноги к себе на плечи и одним мощным толчком ворвался в нее. Джоселин вскрикнула — мышцы ее еще слегка болели, однако очень скоро боль исчезла, сменившись наслаждением.

— Может, мне стоит помучить тебя, как только что ты мучил меня? — прошептала она, прижимаясь к нему.

Его самоуверенная усмешка подсказала ей, что мысль о том, что он может потерпеть поражение, даже не приходила ему в голову.

Джоселин так и подмывало доказать, как он не прав, недооценивая ее, однако огонек, блеснувший в глазах мужа, слегка остудил ее пыл. Она была точно воск в его руках. От одного звука его голоса у нее подгибались колени. От одного взгляда на него ее охватывал знакомый жар. Смуглое красивое лицо Девона напоминало ей портрет одного знаменитого распутника эпохи Возрождения, который она видела много лет назад.

Он сдвинулся немного ниже, и от предвкушения чего-то чудесного вся ее кожа моментально покрылась мурашками.

— По-моему, тебе чего-то хочется, верно?

— Не дразни меня!

— Я не слышал ответа.

— Дьявол!

— Теперь меня так зовут?

— Самое подходящее для тебя имя.

Она нетерпеливо заерзала под ним, но Девон, продолжая сладостную пытку, не торопился. Джоселин, застонав, попыталась притянуть его к себе.

Ее мучитель, словно не догадываясь о терзающем ее желании, вдруг отодвинулся, и

Джоселин слабо ахнула.

— Глубже! — застонала она.

— Даже так? — спросил он.

— Я хочу почувствовать тебя!

— Насколько глубоко ты хочешь, скажи. Джоселин всхлипнула.

— Девон, ну не томи меня.

Договорить она не успела — одним мощным толчком он ворвался в нее, и у Джоселин перехватило дыхание.

Какими словами передать, что она чувствовала? Огненные сполохи вспыхивали и гасли у нее перед глазами. Наслаждение было настолько острым, что ей казалось, еще немного, и она потеряет сознание. словно какая-то неведомая сила, подхватив Джоселин, унесла ее на вершину наслаждения. Уже не думая ни о чем, она отдалась ему.

Девон уже не щадил ее — раз за разом он все глубже входил в нее, пока они оба не взмыли к вершинам блаженства. Мысли и чувства их взорвались ослепительной вспышкой. Мир на мгновение перестал существовать.

Джоселин, закрыв глаза, ни о чем не думала, бездумно наслаждаясь своим счастьем. Она чувствовала себя в безопасности. Теперь она была под его защитой. Он любил ее.

Наконец напряжение мало-помалу оставило Девона, и он провалился в сон. К сожалению, не прошло и двух часов, как какой-то шум и возня на первом этаже заставили его проснуться. Рывком сев, он протер глаза, заметил свое отражение в зеркале, и по губам его скользнула усмешка. Голый до пояса, заросший щетиной двойник ухмыльнулся в ответ.

Узкий солнечный луч, пробравшись в спальню через щель между портьерами, полз по голой лодыжке его жены. На ковре перед кроватью валялся ее маскарадный костюм. Девон нахмурился — голоса внизу, с каждой минутой становившиеся все громче, показались ему знакомыми. Слишком знакомыми. Он досадливо застонал.

Джоселин, заворочавшись, с трудом оторвала от подушки растрепанную голову.

— Кто-то пришел, — пробормотала она. — По-моему, рановато для гостей, как ты считаешь?

Девон шепотом выругался. Охотнее всего он бы сейчас вытянулся возле нее и снова уснул.

— Ты права.

— Может, это... полиция?! — встрепелась она. Лицо у нее стало испуганное. — Господи, как же я забыла?! Капитан Терли... ты ведь убил его!

— Было дело, — уныло ответил он. — Скорее всего, это действительно пришли за мной. Что же до Терли — очень надеюсь, что я его прикончил.

Джоселин села, не замечая, что простыня сползла, обнажив ее грудь.

— Если будет расследование, может, тебе стоит хотя бы побриться? А заодно и надеть штаны.

Вместо ответа Девон безмятежно вытянулся возле нее, подсунув руку под голову. Судя по выражению его лица, он не спешил спуститься вниз, чтобы встретиться с нежданно нагрянувшими к ним гостями, хотя, если честно, сильно сомневался, что дождется, когда они, устав его ждать, уберутся восвояси.

Несомненно, он узнал голоса — это были Грейсон и Эмма, его старшие брат и сестра. Оставалось радоваться, что хотя бы Хит в Шотландии, иначе он тоже наверняка примчался бы сюда, угрюмо подумал он.

— Да, конечно, расследования не избежать, — смиренно кивнул он.

Его жена, ахнув, зажала ладонью рот.

— Может, лучше мне сначала самой побеседовать с мировым судьей? — испуганно спросила она. — Я расскажу, как капитан Терли опоил миссис О'Брайен, как потом он похитил меня и как я боялась, что он причинит вред малышу. Скажу ему, что ты... — Она осеклась. — Послушай, не понимаю, почему ты относишься к этому так легкомысленно? — возмутилась она. — Неужели так трудно хотя бы выказать уважение к официальным властям?

Девон лениво потянулся.

— Зачем?

— Даже не знаю, что на это сказать! — потеряв терпение, буркнула она. — Нет, я, конечно, догадываюсь, что тебя оправдают. Более того, хоть ты и застрелил Терли, не думаю, что тебе вообще придется предстать перед судом, не говоря уже о том, чтобы тебя поволокли в тюрьму... Но хотя бы из чувства приличия сделай вид, что раскаиваешься! А заодно и оденься! — Она возмущенно покачала головой. — Вид у тебя, как... как у распутника!

Девон спокойно зевнул.

— Лично я собираюсь вернуться в постель. А ты перестань болтать и лучше поцелуй меня!

— Черта с два!

Приоткрыв глаза, он смотрел, как жена спрыгнула с постели и принялась рыться в гардеробе в поисках подходящей одежды. Девон обежал взглядом ее обнаженное, позолоченное солнцем тело. Грудь ее соблазнительно заколыхалась — от возмущения Джоселин забыла о своей наготе, предоставив ему возможность полюбоваться ею.

Она наклонилась, чтобы натянуть чулок, и Девон почувствовал, как в груди вновь просыпается желание. В паху появилась знакомая тянущая боль. Девон прищурился, раздумывая, не овладеть ли ею прямо сейчас, пока она стоит, согнувшись, благо прямо перед ними тогда оказалось бы зеркало, но потом не без сожаления отказался от этой мысли. Еще чего доброго, в пылу страсти опрокинут что-нибудь из мебели, решил он, и тогда его родственнички, перепугавшись, уж точно заявятся сюда. Можно себе представить, какое лицо будет у Эммы, ухмыльнулся он.

Джоселин резко выпрямилась, сунув ему под нос его же собственный жилет.

— Ждешь, пока я оденусь, чтобы позвонить лакею? Или так и собираешься, весь день валяться в постели с этой похотливой ухмылкой? — набросилась она на него.

Девон уселся, слегка поморщившись, — восставшая плоть не вовремя напомнила о себе.

— Мне кажется, или твои груди за последние несколько недель заметно пополнились? Может, я просто не имел удовольствия рассматривать их при дневном свете?

Джоселин швырнула в него жилетом.

— Может, желаешь обсудить мою грудь с мировым судьей?

— Ни за что, если, конечно, ты не хочешь, чтобы я и в него всадила пулю.

— Ты можешь хоть иногда быть серьезным?!

— Я серьезен как никогда.

— Девон, ради всего святого...

Он молниеносным движением схватил ее за руку и ловко опрокинул к себе на колени.

— И соски стали темнее, так ведь? — Девон осторожно коснулся кончиком пальца

тутого бутона. — Не мог же я ошибиться... Дай-ка, посмотрю поближе!

Джоселин задрожала — нежность, с которой этот смуглый дьявол взял в руки ее груди и взвесил их на ладонях, словно спелые персики на рынке, свела бы с ума любую женщину.

— Почему ты мне не сказала? — просто спросил он, подняв на нее глаза.

Джоселин покачала головой. Почему-то она нисколько не удивилась, что мужчины этой семейки разбираются в подобных вещах. На то они и Боскаслы.

Однако не слишком приятно сознавать, что муж даже в этом намного опытнее ее самой.

— А ты откуда знаешь? — недовольно спросила она.

— О чем? — нахально ухмыльнулся он.

Джоселин заморгала, почувствовав, как на глаза неожиданно навернулись слезы.

— Джейн предупредила, чтобы я пока никому ничего не говорила — сказала, мол, дурная примета заранее проболтаться о таких вещах.

— Ясно. — Большая мужская ладонь, словно защищая, легла ей на живот. — Тогда я тоже не стану никому говорить. Буду нем как рыба. Пока кто-нибудь не спросит, конечно.

Джоселин покосилась на его смуглое лицо, и сердце у нее сжалось от нежности. Как же она любит его!

— А если спросят, что ты скажешь?

— Ну, не могу же я врать, верно?

— Хм... Наверное, действительно не стоит. То есть, я хочу сказать, такой секрет невозможно хранить вечно. Только какое-то время.

— И не собираюсь, — ухмыльнулся он. — Пусть все знают! Поедем в парк, встанем на углу, и будем рассказывать об этом всем, кто проходит мимо, хочешь? А если кто-то не услышит, как я хвастаюсь этой новостью, то я сообщу о ней в газетах — тогда уж точно об этом будет оповещен весь Лондон!

— Значит, ты рад? — робко спросила она.

— Господи... да я вне себя от счастья!

Она провела рукой по его густым волосам.

— Может, все-таки оденемся? А то ведь нас ждут... Девон с хитровой усмешкой посмотрел на нее.

— Это ты о чем? Ах, действительно, я тебе не сказал. Там внизу всего лишь маркиз собственной персоной.

— Маркиз? — ошеломленно переспросила она. — Это какой? Грейсон?

— А что, есть какой-то другой? — ехидно прищурился он. — Ну да, Грейсон. Маркиз и его генерал-майор.

— Его — кто?

— Нежный диктатор, который, из всех нас веревки вьет.

Эмма.

Он вскочил с постели, дав ей возможность еще раз полюбоваться своим гибким, мускулистым телом.

— Держу пари, сейчас она устроит мне трепку за то, что я не смог защитить тебя. Рядом с Эммой даже мировой судья просто сущий ангел. Вот увидишь, я еще горько пожалею, что меня не бросили за решетку, — пробурчал он.

— Так что, прикажешь мне растить нашего малыша одной? — насмешливо бросила Джоселин. — Спрыгнув с постели, она грациозно переступила через валявшиеся на полу панталоны Девона.

Девон не спеша, одевался. Натянув сюртук, он ласково чмокнул ее в нос.

— Одной? В такой семье, как наша, этого можно не опасаться, — фыркнул он. — И потом не бойся, я никогда не брошу нашего малыша. Боскаслы хоть и греховодники — я, кстати, тоже отнюдь не святой, — но семья у нас всегда на первом месте! Даже у самых пропащих!

— Ну, Эмма не такая!

— Знаю. И потом она всегда права, поэтому рядом с ней как-то особенно болезненно чувствуешь собственную ущербность!

Джоселин кивнула. Глаза у нее снова были на мокром месте. И вовсе не из-за того, что, как выяснилось, внизу их терпеливо дожидались маркиз с сестрой. Страстная привязанность, которую все члены семьи питали друг к другу, изумляла ее до сих пор. Может быть, именно поэтому она и влюбилась в него. Преданность близким была у Боскаслов в крови.

И ребенок, которого она носила под сердцем, скорее всего, унаследует качество, которым отличаются его благородные предки.

Вместе с их буйным и необузданным нравом.

— Если я этому не помешаю, — забывшись, закончила она вслух.

Девон покосился на жену.

— Ты что-то сказала?

Она улыбнулась. Да, грехов у него немало — однако он, по крайней мере, выглядит чертовски привлекательно. Кашлянув, Девон поправил безупречный галстук.

— Может, тебе тоже стоит одеться, прежде чем спуститься к ним.

— Великолепная идея! — сухо заметила Джоселин. Он подошел к кровати — в глазах его прыгали чертики.

— Но если хорошенько подумать, может, и не стоит. — Он принялся поспешно расстегивать жилет.

Джоселин смущенно рассмеялась. — И что ты скажешь брату? Глаза Девона блеснули.

— Что-то мне подсказывает, что Грейсон все поймет. Бог свидетель, он мог бы написать учебник по искусству соблазнять женщин.

Джоселин юркнула под простыню.

— А он не обидится, если мы не спустимся?

— Нет, если мы пообещаем назвать нашего первенца в его честь, — швырнув сюртук в угол, весело объявил Девон.

— А если будет девочка?

— Тогда назовем ее в честь Эммы.

— А вот Эмма точно не поймет нас. — Джоселин замялась. Круглыми глазами она смотрела на Девона, поспешно стаскивающего с себя панталоны. — Эмма... — заикаясь, промямлила она с некоторым трудом, внезапно позабыв, что хотела сказать, — Эмма наверняка сочтет наше поведение неприличным. Согласно этикету, которому она привыкла следовать, мы ведем себя просто скандально!

Девон, присев на край постели, нагнулся, чтобы поцеловать ее.

— Ты так считаешь? Тогда, может, напишем свой собственный учебник по этикету?

— Желаете попробовать себя на литературном поприще? Интересная мысль — но писать о таких вещах лежа, в чем мать родила...

— Джоселин, — он прижался лбом к ее лбу, — помолчи хоть минутку, хорошо?

Кажется, на меня снизошло вдохновение. По-моему, я знаю, какая будет первая строчка.

— «Я люблю тебя», — серьезно сказал он. — Прекрасное начало, правда?

Джоселин прижалась к нему. Ему не нужно было говорить ей о любви — она и так это знала, — но как же приятно было услышать!

— Ну, с таким вступлением можно не сомневаться, каким будет конец, — нежно проговорила она.

— И каким же?

— «Я тоже люблю тебя».

Он опрокинул ее на постель.

— Ну, раз начало и конец, придумали, значит, осталось написать только середину. И что-то мне подсказывает, что нам не придется долго ждать вдохновения.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

notes

[1] Согласно библейскому преданию, ковчег, в котором хранились каменные Скрижали Завета с десятью заповедями.

[2] Так англичане презрительно называли Наполеона Бонапарта.

[3] Блио — шерстяное или шелковое платье с глубоким вырезом, надевавшееся через голову, с полудлинными и очень объемными рукавами.

[4] У. Шекспир. «Антоний и Клеопатра». Пер. Б. Пастернака